МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛАБОРАТОРИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И. В. ЗЫКОВА

СПОСОБЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Рекомендовано
Учебно-методическим объединением по образованию
в области лингвистики Министерства образования
Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов,
обучающихся по специальностям
направления 620100 — Лингвистика
и межкультурная коммуникация

УРСС
Москва • 2003

ББК 81.2Англ-3

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Св. доп. план 2003 г., поз. 4

Ответственный редактор:

доктор филологических наук, профессор *А. В. Кирилина*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Е. Г. Беляевская*
доктор филологических наук, профессор *В. Н. Телия*

Зыкова Ирина Владимировна

Способы конструирования гендера в английской фразеологии. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 232 с.

ISBN 5–354–00549–3

Монография посвящена исследованию гендерного аспекта фразеологического фонда современного английского языка, являющего одним из самых продуктивных средств вербализации концептуального содержания установок культуры. Впервые в семантике фразеологизма выделяется гендерный макрокомпонент и предпринимается попытка установить посредством когнитивного моделирования роль гендерного фактора в процессе фразеологизации. Впервые же фразеологическая семантика рассматривается с точки зрения гендерных асимметрий, связанных с распределением ролевых функций мужчин и женщин в англоязычном обществе. Кроме того, новым является обращение к когнитивным приемам описания прагматической функции гендерного фактора, что позволяет уточнить роль такого существенного для фразеологии понятия, как внутренняя форма.

Издание адресовано специалистам в области гендерных исследований и фразеологии, студентам и аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся данной проблематикой.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 15.10.2003 г.
Формат 60×90/16. Тираж 500 экз. Печ. л. 14,5. Зак. № 2-1109/322.

Отпечатано в типографии ООО «Рохос». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в *Internet:* http://URSS.ru
Тел./факс: 7 (095) 135–44–23
Тел./факс: 7 (095) 135–42–46

ISBN 5–354–00549–3

© И. В. Зыкова, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

ГЛАВА I. ГЕНДЕРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

§ 1. Гендерный аспект изучения фразеологии 17
1.1. Гендерные исследования во фразеологии 17
1.2. Гендерная маркированность английских идиом 21
1.3. Гендерный компонент и фразеологическое значение 28

§ 2. Когнитивный аспект изучения фразеологии 32
2.1. Изучение концептуальных оснований семантики языковых единиц 32
2.2. Образ vs внутренняя форма идиомы 36
2.3. Концептуальные центры фразеологизации 40

ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО КОМПОНЕНТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

§ 1. Общая характеристика идиом с именами собственными 49
1.1. Гендерная асимметрия идиом с ономастическим компонентом 49
1.2. Деривационные особенности английских имен собственных в структуре гендерно маркированных фразеологических единиц 53
1.3. Этимологические характеристики имен собственных в структуре гендерно маркированных фразеологических единиц 61

§ 2. Семантические особенности имен собственных в составе идиом 67
2.1. Семантика ИС. Роль аллюзивного потенциала 67
2.2. Условия деонимизации значения антропонима 72

§ 3. Гендерный аспект идиом с именами собственными 78
3.1. Структурно-функциональные особенности фразеологических единиц с антропонимами 78

3.2. Субстантивные идиомы 79
3.2.1. Обозначение лица 80
3.2.2. Обозначение не-лица 86
3.3. Прочие функциональные классы идиом 92
3.4. Гендерная референция и оценочность 97

ГЛАВА III. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИДИОМ С МАРКЕРОМ – ИМЕНЕМ НАРИЦАТЕЛЬНЫМ

Раздел I. Фразеологические единицы с терминами родства 101

§ 1. Классификация и деривационные особенности терминов родства 101

§ 2. Особенности семантики терминов родства 107

§ 3. Концептуальные основания формирования семантики фразеологических единиц с терминами родства 111

§ 4. Гендерная референция идиом разных функциональных классов 121
4.1. Субстантивные идиомы 122
4.1.1. Обозначение лица 123
4.1.2. Обозначение не-лица 126
4.2. Прочие функциональные классы идиом 127

Раздел II. Фразеологические единицы с антропометрическими лексемами 132

§ 1. Особенности семантики антропометрических лексем 132

§ 2. Классификация и структурные особенности антропометрических лексем 136

§ 3. Концептуальные основания формирования семантики фразеологических единиц с антропометрическими лексемами 138

§ 4. Гендерная референция идиом разных функциональных классов 154
4.1. Субстантивные идиомы 155
4.1.1. Обозначение лица 155
4.1.2. Обозначение не-лица 158

4.2. Прочие функциональные классы идиом 161

Раздел III. Фразеологические единицы с агентивными существительными 167

§ 1. Классификация и структурные особенности агентивных существительных 167

§ 2. Семантические особенности агентивных существительных 175

§ 3. Концептуальные основания формирования семантики фразеологических единиц с агентивными существительными 179

§ 4. Гендерная референция идиом разных функциональных классов 186
4.1. Субстантивные идиомы 186
4.1.1. Обозначение лица 187
4.1.2. Обозначение не-лица 191
4.2. Прочие функциональные классы идиом 192

§ 5. Опыт психолингвистического исследования гендерных образов языкового сознания англоговорящего социума 195

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 206

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. 210

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. СЛОВАРЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 213

БИБЛИОГРАФИЯ 220

ВВЕДЕНИЕ

Гендерные исследования сегодня представляют собой интенсивно развивающуюся область науки, являющуюся средоточием широкого спектра разнообразных дисциплинарных знаний – социологии, психологии, культурологии, антропологии, межкультурной и невербальной коммуникации, лингвистики и др. К настоящему времени уже сделан ряд существенных выводов, и вопрос о правомерности гендерного подхода к анализу человеческой истории и культуры уже не ставится под сомнение и считается вполне очевидным и обоснованным.

Настоящая монография посвящена рассмотрению гендерного аспекта фразеологического фонда современного английского языка, включая принципы выявления гендерной отнесенности фразеологизмов и определение роли гендерного компонента в их семантике.

Термин «**гендер**» обозначает совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в данном обществе. В основе гендера лежит идея о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям.

Особый акцент на современном этапе развития гендерных исследований делается на том, что гендер обусловлен не только и не столько биологически, но социально и посредством культуры. Гендер является культурно и исторически относительным; его значение, интерпретация и выражение могут быть различными как в рамках одной культуры, так и в разных культурах, выступая в качестве причины исторических изменений языковой системы.

В определении понятия **гендер** особое место отводится рассмотрению корреляции, взаимосвязи, взаимовлияния, а также установлению границ между понятием гендер как социокультурной категории, с одной стороны, грамматической категорией рода и биологической категорией пола, с другой стороны. Исходя из того факта, что данные понятия являются взаимообусловливающими и взаимодействующими элементами **антропоцентрической**

системы знаний, мы можем говорить о том, что в основе гендерных исследований лежит изучение категории гендера как одной из составляющих трехчленной оппозиции пол :: род :: гендер. *Гендер* как понятие, возникшее исторически позднее по отношению к понятиям *пол* и *род,* является категорией выводного знания, отражающей определенные признаки и свойства последних. Степень их взаимосвязи варьирует и носит индивидуальный характер для каждого отдельно взятого общества, поскольку во многом зависит от особенностей социально-исторического развития, в свою очередь оказывающего непосредственное влияние и предопределяющего ход и направление дальнейших культурно-лингвистических изменений.

Современные направления гендерных исследований в языковедческой науке во многом обязаны своему появлению феминистской лингвистике (ФЛ), или феминистской критике языка, которая возникла в конце 60-х – начале 70-х годов в США и Германии. Несмотря на тот факт, что многие положения ФЛ на современном этапе развития лингвистической гендерологии рассматриваются как излишне идеологизированные и подвергаются резкой критике, нельзя, тем не менее, недооценивать тот вклад, который внесла ФЛ в развитие нового направления в языковедении, а именно собственно гендерных исследований.

Одной из важных проблем, связанной с изучением взаимодействия языка и гендера, является проблема, имеющая непосредственное отношение к ответу на вопрос, зачем и почему возникает гендерная идеология и как она проявляется в языке. В ходе ее изучения интерес представляют два подхода, один из которых получил название **критический дискурсивный анализ** (Н.Фаирклоух, 1989, 1993; Р.Фаулер, 1996; Р.Ходж и Г.Кресс, 1993; Т. ван Дейк 1993 и др), а второй – **теория культурной практики** (Р.Бауман, 1986; Д.К.Холланд и М.А.Эйсенхарт, 1990; Р.У.Конелл, 1987; М.Арнот, 1982 и др.). Данные теории вносят существенный вклад в развитие гендерных исследований, однако, как отмечают многие исследователи, для более глубокого понимания интеракции языка и гендера, необходимо создание интегрального подхода (K.A.Remlinger, 1999). Интеграция данных направлений будет способствовать созданию серьезной теоретической и методологической базы для исследования способов, с

помощью которых язык репрезентирует, выражает и конституирует социально-культурные практики (см. подробнее в работах И.В.Зыковой, 2002).

Бурное развитие, а также значительные изменения, связанные с бîльшей акцентуализацией внимания на более узких областях науки, с пересмотром исследовательских целей и задач, а также с разработкой новых методик и направлений изучения, получили исследования гендера в отечественной лингвистики. Работы последних лет, как отмечает А.В.Кирилина, позволяют сделать вывод о том, что «от общей теории гендера, проблем его онтологического статуса, преодоления некоторой односторонности подхода и гиперболизации гендерного фактора в общении гендерные исследования постепенно переходят к состоянию, которое прежде всего характеризуется более глубокой, нежели ранее, сосредоточенностью на установлении возможностей гендерного подхода в конкретных частнонаучных областях» (А.В.Кирилина, 2002: 240). О популярности и стремительно растущем интересе к гендерной проблематике в отечественной науке свидетельствуют регулярно проводимые междисциплинарные конференции и научные форумы, появление специальных периодических изданий, увеличение количества публикаций и диссертационных исследований, а также создание профессиональных сообществ ученых-гендерологов. Так, Лабораторией гендерных исследований Московского государственного лингвистического университета были подготовлены и успешно проведены две международные конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», проведен годовой научный семинар, состоящий из шести циклов и рассматривающий такие глобальные и актуальные темы, как «Основы гендерного подхода в лингвистике», «Гендер как объект лингвокультурологии и межкультурной коммуникации», «Прикладные аспекты лингвистической гендерологии», «Психолингвистические проблемы гендера», «Гендер в дискурсе массовой коммуникации» и др.; выпущены сборники тезисов и докладов, научных статей, альманах: «Гендерный фактор в языке и коммуникации» (1999), «Гендер как интрига познания» (2000), «Гендер: язык, культура, коммуникация» (2001), «Гендер: язык, культура, коммуникация» (2002), «Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации» (2002) и

др. Вся проделанная работа и результаты, полученные в ходе последних исследований, свидетельствуют, как отмечает А.В.Кирилина, «об институционализации нового научного направления и его растущей значимости» (А.В.Кирилина, 2001: 40).

Следует отметить, что исследования гендерного фактора ведутся не только в самых разнообразных областях лингвистической науки и в смежных с ней дисциплинах, но и на различных языковых уровнях. Анализу подвергаются фонетические явления (Т.Г.Медведева и Т.И.Шевченко, 1980; В.В.Потапов, 1997; Т.И.Шевченко, 1990; R.Brend, 1975; С.В.Бондарь, 1999), грамматические явления (В.А.Виноградов, 1990; С.Ю.Филипс, 1990; R.Fowler, 1991 и т.д.), исследуется лексико-семантический уровень (L.Bebout, 1995; A.Martynyuk, 1990; A.-L.Wallin-Ashcroft, 1996; Л.И.Сидорова, 1993; К.Мишар-Маршаль и К.Рибери, 2000; Е.В. Вохрышева, 1998) и уровень текста (Р.Н.Абисалова, 1999; Т.А. Ровенская, 1999; Е.С.Ощепкова, 2002). Центром внимания гендерных исследований становятся коммуникативные стратегии (M.A. Fitzpatrick, A.Mulac, K.Dindia, 1995), стратегии речевого поведения (R.I.M.Dunbar, N.D.C.Duncan, A.Marriott, 1997; В.А.Маслова, 2001), язык средств массовой информации (R.Fowler, 1991; Г.С.Двинянинова, 2000; Г.С.Двинянинова, О.В.Сычева, 2002; Т.В.Хрущева, 2000 и др.), вопросы категоризации (D.Cameron, 1992 и др.).

Особое место в исследованиях гендера среди прочих языковых уровней и лингвистических областей занимает фразеология. Фразеологический фонд языка определяет универсальность и характерные особенности любой конкретной национальной картины мира, запечатленной в знаковой системе вторичной номинации с помощью метафор, сравнений, символов, стереотипов, эталонов. В неисчерпаемых недрах фразеологии мы можем узнать о быте того или иного народа, о его традициях и обычаях, об этикете поведения, моральных и нравственных установках. Данный факт делает фразеологию весьма перспективной и многообещающей областью с точки зрения гендерных исследований. Гендерные исследования на материале фразеологических единиц (далее – ФЕ) помогают раскрыть не только современное вѐдение и представление о культурных категориях маскулинности и фемининности, но и длительный процесс эволюционного развития древнейшей архетипической оппозиции «мужчина

– женщина». Фразеологизмы являются душой всякого национального языка, в которых неповторимым образом выражается культурное своеобразие народа, и потому представляют собой ценнейший источник знаний об особенностях концептуализации гендера в сознании носителей того или иного языка.

Сложность и многообразие объекта настоящего исследования поставили вопрос о том, какие составляющие его аспекты должны войти в фокус внимания при изучении гендера. В нашем исследовании мы исходили из понимания лингвистической единицы, в частности фразеологической, как **трехуровнего** знака, т.е. знака, обладающего **структурой, семантикой** и **референцией**. Каждый уровень, будь то структурный, семантический или референциальный, представляет собой, с одной стороны, самостоятельную область для проведения масштабного исследования гендера, но с другой стороны, являясь триединством – частями одного целого, рассмотрение одного из уровней неизменно требует обращения к остальным уровням, что в итоге дает наиболее полное представление о внутренних механизмах, обусловливающих формирование и функционирование гендера во фразеологической системе знаков.

При рассмотрении гендера на каждом из уровней ставились свои конкретные цели и задачи, решение которых смогло не только обеспечить последовательный переход от одного уровня к другому, но и подготовить почву для получения плодотворных и обоснованных результатов на каждом из последующих этапов исследования.

Центральными вопросами исследования гендерного компонента на *структурном уровне* являлись:

1. Систематизация гендерно маркированного фразеологического материала, т.е. объединение идиом в группы с семантически однородными гендерными маркерами.

2. Выделение гендерно маркированных лексем из состава ФЕ и проведение анализа их структурных и семантических особенностей, а также их фразеологической активности, поскольку каждая группа гендерных маркеров обладает своей спецификой в формировании гендерного образа во фразеологическом значении.

3. Распределение фразеологизмов по структурно-функциональным классам, способствующее в дальнейшем установлению

зависимости степени устойчивости гендерного компонента на уровне семантики и референции от формы номинации ФЕ – субстантивной, глагольной, адвербиальной и т.д.

Основными задачами, стоящими перед нами при анализе гендерного компонента на *семантическом уровне*, являлись:

1. Определение места гендерного компонента во фразеологическом значении.

2. Рассмотрение особенностей его формирования в процессе фразеологизации.

3. Определение качественной характеристики (т.е. оценки) концептуальных оснований фразеологизации, передающих отношения англоязычного этноса к культурным категориям фемининности и маскулинности.

При исследовании *референциального уровня* особое внимание было направлено на рассмотрение следующих вопросов:

1. Установление отнесенности фразеологизмов: а) к лицу мужского и/или женского пола; б) к сфере маскулинного и/или фемининного. В ряде случаев учитывалось также употребление ФЕ лицом мужского или женского пола.

2. Рассмотрение взаимосвязи и взаимодействия гендерной референции и оценочности фразеологизмов.

Порядок проведения исследования по трем лингвистическим уровням представлен схематично в таблицах 1, 2, 3 Приложения 1.

Настоящая монография может рассматриваться как опыт системного подхода к анализу гендерного фактора в отдельной частнонаучной области – фразеологии, с попыткой разработать определенную схему методологического описания конкретного лингвистического материала. В рамках монографии была предпринята попытка объединить два передовых направления современной лингвистики, а именно когнитивную и гендерную лингвистику.

Особо мы хотели бы отметить, что предпринятое нами исследование является первым комплексным исследованием гендерного аспекта английской фразеологии, что объясняет потребность во введении ряда терминологических обозначений для тех лингвистический явлений и понятий, которые были впервые установлены в ходе настоящего исследования, поскольку категориальный аппарат лингвогендерологии еще недостаточно разработан. К таким, впервые представленным в данной работе понятиям, относятся:

гендерная маркированность (*структурная и семантическая, а также полная и частичная*); *двуплановая гендерная маркированность*; *структурный и семантический критерии отбора гендерно маркированного лингвистического материала*; *закрытые и открытые системы гендерных оппозиций*; *гендерная референция: маскулинная, фемининная и интергендерная, а также прямая и косвенная*; *гендерная асимметрия на морфологическом уровне*; *гендерная концептуально-фразеологическая лакунарность*; *гендерная асимметрия на концептуальном уровне*; *частные и общие гендерные концептуальные основания; ядерные и периферийные области концептуализации гендера; линейная и нелинейная корреляция гендерной маркированности и гендерной референции.*

В работе решается также вопрос гендерной референции ФЕ, обозначающих не-лицо (неодушевленный предмет) (см. С. 86, 126, 158, 191). У ФЕ с именами собственными выделяются разные степени устойчивости гендерной референции и устанавливается зависимость гендерной отнесенности от фактора направленности (движения) номинации (см. С. 91–92).

В соответствии с рассматриваемыми проблемами монография подразделяется на три главы, заключение, два приложения и библиографию; анализ материала представлен по принципу «от общего к частному».

В **главе I** освещаются современные подходы к изучению гендерного аспекта фразеологического фонда языка, рассматриваются особенности гендерной маркированности английской фразеологии, место гендерного фактора во фразеологическом значении, актуальность изучения гендерного компонента с позиции когнитивного подхода. В первой главе даются теоретические обоснования основных положений работы, вводится понятийный аппарат исследования.

Глава II посвящена вопросам изучения специфики реализации гендерного компонента в идиомах с именами собственными.

Глава III состоит из трех разделов. В Разделе I описываются особенности реализации гендерного компонента во фразеологических единицах с гендерным маркером, выраженным терминами родства. Раздел II содержит рассмотрение структурно-семантических и прагматических аспектов реализации гендерного фактора в идиомах с антропометрическими лексемами. Раздел III посвя-

щен исследованию гендерного аспекта фразеологизмов с маркером – агентивные существительные. В содержание Раздела III входит также экспериментальное исследование, проведенное с носителями британского варианта английского языка с целью выявления особенностей восприятия агентивных лексем как гендерно маркированных единиц и в условиях изоляции, и в составе ФЕ.

В **Заключении** обобщаются результаты и намечаются дальнейшие пути исследования.

В **Приложении 1** схематично представлены основные этапы и итоги исследования.

В **Приложении 2** представлен словарь разработанных в ходе исследования терминологических обозначений.

Автор искренне надеется, что монография поможет всем тем, кто интересуется проблемами одного из перспективных и интереснейших направлений гуманитарной науки, а именно – лингвогендерологии, в открытии и реализации новых путей и направлений творческого поиска, а также преодолении еще не решенных вопросов и задач.

Приношу искреннюю признательность ректору Московского государственного лингвистического университета доктору педагогических наук, профессору Халеевой Ирине Ивановне. Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность моему научному руководителю доктору филологических наук, профессору Беляевской Елене Георгиевне за ее заинтересованное руководство исследованием, бесценное внимание и поддержку. Огромное спасибо сотрудникам Лаборатории гендерных исследований МГЛУ и лично ее заведующей доктору филологических наук, профессору Кирилиной Алле Викторовне за возможность участия в отлично организованных и крайне интересных научных семинарах, которые значительно облегчили и ускорили работу над исследованием, за критические замечания, учтенные при написании монографии и, безусловно, улучшившие ее, а также за финансовую помощь и сотрудничество в подготовке рукописи к печати. Сердечно благодарю доктора филологических наук, профессора, главного научного сотрудника ИЯ РАН Телию Веронику Николаевну за конструктивные советы в обсуждении исследуемых проблем, а также высокую оценку исследования. Не

могу не поблагодарить первых рецензентов работы кандидата филологических наук, доцента Уралову Ларису Антоновну и кандидата филологических наук, доцента Стебелькову Наталью Александровну. В работе над монографией и в подготовке рукописи к печати неоценимую помощь оказали Копылов Юрий Викторович, Бордукова Дина Григорьевна и Лопатина Галина Петровна, которых автор сердечно благодарит.

И глубочайшую, безграничную признательность я хотела бы выразить всей моей семье, особенно моему мужу, Зыкову Игорю Борисовичу и, несомненно, моим родителям – Лаврухиным Владимиру Николаевичу и Лилии Ивановне, чьё чуткое, неизменное внимание, терпение, поддержка и понимание сделали возможным написание этой книги.

ГЛАВА I.
ГЕНДЕРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

§ 1. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

1.1. Гендерные исследования во фразеологии

Интерес к изучению особенностей реализации гендерного фактора во фразеологии обусловлен неисчерпаемым потенциалом фразеологического фонда языка, который позволяет хранить и передавать информационные матрицы, раскрывающие национально-культурную ценностную картину мира того или иного народа, а также отражать и определенным образом адаптировать лингвокультурологические средства того или иного национального коллектива к социально-культурным изменениям, имеющим место в определенный период развития общества.

Говоря об особенностях фразеологического потенциала языка, в первую очередь необходимо обратить внимание на наиболее характерную и универсальную его особенность, а именно на долгосрочность хранения культурно значимой информации, с одной стороны, и на быстрый отклик на самые современные и актуальные социокультурные тенденции, с другой стороны. Своевременное и быстрое реагирование фразеологической сферы языка на наиболее релевантные проблемы современной культуры проявляется в языковой объективации или вербализации новых концептов и концептуальных зон с помощью фразеологических средств. Например, в связи с бурным развитием феминизма и феминистской культуры в языковой обиход английского этноса вошли такие ФЕ, как, например:

– **a New Man** – a man who shows his belief in the equality of the sexes by helping his partner with care of the children and by sharing the work that needs to be done in the house [CIDI] (мужчина, который разделяет идеологию равенства полов и в связи с этим помогает воспитывать и ухаживать за детьми и выполнять домашнюю работу);

– **a woman needs a man like a fish needs a bicycle / a woman without a man is like a fish without a bicycle** – (*humorous feminist variations from* ‘to need smth. like a fish needs a bicycle’) to have absolutely no need of smth. [PDEI] (мужчина нужен женщине, как рыбе велосипед);
– **girl power –** the influence that young women feel they can wield over social and economic issues. The Spice Girls took on the slogan of Girl Power, a term which has been current since the 1980s [PDEI] (влияние, которое могут оказывать молодые женщины на решение социальных и экономических вопросов);
– **the Patsy problem** – high-powered career women who might suffer a heart attack because they sit around in their offices too much, endure great stress and indulge in too much social drinking. From the television show ‘*Absolutely Fabulous*’, in which Joanna Lumley plays such a character, called Patsy [PDEI] (проблемы, которые имеют женщины, занимающие высокие посты и обладающие властью, поскольку они в большей мере страдают от сердечных болезней, так как много времени проводят на рабочем месте, подвергаются большим эмоциональным перегрузкам и слишком сильно увлечены социальной деятельностью);
– **a male chauvinist pig** – a term of abuse coined by *the Women’s Lib movement* for any man who is domineering or aggressive in his attitude to women. ‘Chauvinist’ derives from Nicolas Chauvin, a French soldier, well known for his exaggerated nationalistic views; ‘pig’ stands for male greed and insensitivity [PDEI] (мужчина, который проявляет признаки господства и агрессии по отношению к женщине);
– **a gender warrior** – an extreme feminist [PDEI] (сторонник крайнего феминизма) и т.д.

Таким образом, фразеологическое пространство языка как культурный срез того или иного народа может более полно раскрывать особенности концептов «маскулинность»/«фемининность», отражающих характерный для различных сообществ социальный опыт.

Заметим, что работ, касающихся гендерных исследований в области фразеологии не так много. Среди них хотелось бы отметить монографию В.Н.Телии, которая включает раздел, посвященный отражению культурного концепта «женщина» в русской фразеологии (В.Н.Телия, 1996). В.Н.Телия анализирует ряд характерных для обыденного русского менталитета воззрений на жен-

щину, большинство из которых связано с ее физиологическими и интеллектуальными способностями, поскольку в них как бы запрограммированы характерологические основания культурно-национальной интерпретации для других параметрических признаков данного концепта. Одной из базовых процедур анализа является предварительная идеографическая параметризация самого концепта по его частям, отражающим все ипостаси женщины: природно-физические, физиологические, психологические и интеллектуальные, социально-статусные, ролевые. Для построения на этой основе концептуального каркаса, на который и «накладываются» способы номинации тех или иных свойств женщины, важно выделить внутри каждого из параметров, как отмечает автор, таксономические сетки. Например, внутри параметра «внешность» выделяются такие признаки, как возраст, рост, вес, цвет лица и т.п., внутри параметра «морально-нравственные качества» – такие признаки, как правдивость/лживость, честность/бесчестие. Данная параметризация, по мнению В.Н.Телии, позволяет создать своего рода «концептуальную анкету», которая и заполняется для описания того, как отражается культурный концепт «женщина» в зеркале фразеологии. В ходе исследования автор приходит к следующим выводам: 1) для русского обыденного самосознания не характерно восприятие женщины как слабого пола и противопоставление ее сильному полу; 2) базовой для всех фразеологизмов, характеризующих женщину как сексуального партнера, является гастрономическая метафора «женщина – лакомый кусок»; 3) в христианизированной русской культуре утвердился стереотип женщины-домоседки; 4) особое значение имеет тема «нравственности женщины», рассмотрение которой показывает, что во фразеологии отражаются черты, традиционные для обыденного русского менталитета, в котором вольное сексуальное поведение женщины – это бесстыжее нарушение нравственного канона, согласно которому ей отводится участь сначала честной девушки, а затем – верной жены; 5) контрадикторность концепта «женщина» не своему контрагенту – концепту «мужчина», а по многим концептуальным основаниям человеку как таковому, ярче всего проявляется в культурно-национальных коннотациях, характерных для образных оснований фразеологических средств обозначения интеллектуальных способностей

женщины. В обыденном сознании женский ум противопоставлен мужскому как ум «недочеловеческий» (В.Н.Телия, 1996).

Рассмотрению гендерного фактора в области русской фразеологии посвящена также работа Д.Ч.Малишевской, которая обращает внимание на любопытную закономерность, обнаруженную при анализе языкового материала гендерной тематики. Так, для женщин практически любое сравнение с мужчиной позитивно по своей сути и, как правило, несет положительную оценку: *мужской ум, мужская хватка, свой парень* и т.д. Напротив, для мужчины любое сравнение с женщиной имеет явную негативную оценку, ср.: *баба*, фразеологическое сочетание *маменькин сынок* и идиому *базарная баба* (Д.Ч.Малишевская, 1999).

Отражению гендерных стереотипов и в русском и в немецком фразеологическом фонде посвящена отдельная глава в монографии А.В.Кирилиной (1999). По многим параметрам, как отмечает автор, отражение гендерных стереотипов в обоих языках обнаруживает общие черты: первым по степени важности следует отметить андроцентричность (ориентированность языка на дефиниции и оценки, производимые с точки зрения мужчин); более низкая оценка женщин как в русском, так и немецком языке; и в том и в другом языке женщина выступает часто как объект действия, предмет потребления; положительные характеристики женщин относятся в основном к сферам, где они оказываются полезными для мужчин. Сравнение гендерно релевантных образов дает также основание ставить вопрос о некоторых различиях в картине мира немецкого и русского языковых обществ (А.В.Кирилина, 1999)[1].

Особое место во фразеологии любого языка отводится идиомам библейского происхождения, которые являются выразителями культурного наследия всего человечества. Рассмотрению библейской фразеологии современного французского и русского языков посвящена работа Г.В.Беликовой (1999). Многие библейские фразеологизмы, как отмечает автор, являются общими для французской и русской речевых культур. Тем не менее среди

---

[1] Об изучении гендера в русской фразеологии см. тж. в работе А.В.Кирилиной «Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики» (1999).

библеизмов, образующих общий фразеологический фонд для сравниваемых языков, практически не находится тождественных фразеологических соответствий, воплощающих библейские мужские и женские образы. В ходе исследования автор указывает на важность учета данных анализа библейских фразеологизмов применительно к изучению концептов «мужское»/«женское» во французском и русском языках, так как они являются важным условием для выявления базовых константных установок национальной культуры (А.Г.Беликова, 1999).

Таким образом, гендерный подход открывает новые возможности для исследования фразеологического фонда любого языка и обеспечивает расширение границ изучения семантики идиом с помощью детальной обработки данных, полученных при рассмотрении таких базовых концептов культуры, как «мужчина» и «женщина». Однако особое внимание следует обратить на трудности, с которыми может столкнуться исследователь, изучая особенности реализации гендерного фактора во фразеологии. Эти трудности обусловлены целым рядом причин: 1) семантической осложненностью идиом. Идиомы являются продуктом особого рода вторичной номинации, в процессах которой взаимодействуют две системы признаков – признаки номинативного замысла и признаки, относящиеся к метафорическому средству его воплощения (В.Н.Телия, 1996); 2) нейтрализацией грамматической категории рода у ФЕ, что обусловлено их сложной семантической структурой; 3) особенностями согласования синтагматической цепочки в речевом высказывании, проявляющимися в разных языках по-разному (например, русск. *он настоящая базарная баба*); 4) отсутствием четких критериев отбора фразеологического материала для исследования гендерного фактора.

1.2. Гендерная маркированность английских идиом

Изучение гендерной отнесенности идиом ставит вопрос о том, каким образом, с помощью каких средств, осуществляется фиксация гендерного компонента.

По-видимому, первая попытка определения способов регистрации гендерного компонента в английских фразеологизмах была предпринята А.В.Куниным, который отмечал, что в семантической структуре фразеологизма могут быть выделены **грам-**

матические семы – макроэлементы и микроэлементы грамматического значения. К макроэлементам относятся категориальные семы наиболее обобщенного грамматического значения, например, семы, обозначающие действие, предметность, состояние. К микроэлементам относятся, например, семы, обозначающие число, род и падеж, действительный и страдательный залоги (А.В. Кунин, 1996).

С точки зрения гендерных исследований наибольший интерес представляют микросемы, обозначающие родовой признак. Семы рода, как отмечает А.В.Кунин, бывают трех видов: *мужского, женского* и *среднего* и могут быть выражены как эксплицитно (а), так и имплицитно (б):

а) *мужской род*: **the blue-eyed boy** – любимчик; **a man about town** – светский человек, богатый повеса, прожигатель жизни; *средний род*: **the olive branch** – оливковая ветвь, символ мира, попытка к примирению; **a shovel hat** – шляпа с широкими загнутыми полями (у английского духовенства). Денотаты *среднего рода* обозначает местоимение **it**; *женский род*: **a golden girl** – девушка, пользующаяся успехом, кумир; **a woman of the world** – 1) умудренная опытом женщина, 2) светская дама.

б) *женский род*: **a dolly bird** – хорошенькая, нарядная девушка; *мужской род:* **a blue coat** – солдат, моряк (А.В.Кунин, 1996: 196).

Эксплицитное выражение грамматической семы рода ФЕ обусловлено наличием в ее структуре существительного, указывающего на человека мужского или женского пола, например: man, boy, girl, lady и т.д. Если в структуре ФЕ есть существительное, указывающее на неодушевленный предмет, оно рассматривается как индикатор среднего рода.

Однако подобный подход, во-первых, вводит в английский языковой материал категорию рода, которая в английском языке не основана на четких родовых различиях, и, во-вторых, оставляет неясным вопрос о том, является ли гендерная маркировка английских ФЕ фактором их структуры или их семантики.

Вследствие сверхсловного характера идиом в качестве маркеров гендера, как показало исследование, могут выступать структурные элементы – слова-компоненты фразеологизмов, обозначающие лицо мужского или женского пола, или смысловые компоненты в семантике идиом. Соответственно гендерно маркиро-

ванным в английских ФЕ может быть как **план выражения**, так и **план содержания**.

Двуплановая маркированность английских фразеологизмов определяет два возможных критерия отбора фразеологического материала для исследования гендерного фактора, а именно: 1) материал отбирается по гендерным маркерам семантики, т.е. отбираются фразеологизмы, в дефиниции которых есть слова, указывающие на лица мужского и/или женского пола (*семантический принцип*); 2) материал отбирается по гендерным маркерам структуры, т.е. отбираются идиомы, опорными компонентами структуры которых являются слова, обозначающие лица мужского и/или женского пола (*структурный принцип*).

В основу настоящего исследования положен второй принцип отбора гендерно маркированных ФЕ, и мы отметим лишь некоторые особенности средств фиксации гендерных маркеров плана содержания.

В случае *семантического подхода* к отбору гендерно маркированных идиом, в качестве гендерных маркеров плана содержания английских идиом были зафиксированы разнообразные существительные, актуализирующие то или иное состояние, роль, признак, качество, функцию мужчины или женщины. Например, во ФЕ **below the chair** – не занимавший пост лорд-мера (об олдерменах лондонского муниципалитета); **a red coat** – «красный мундир», английский солдат; **talk Billingsgate** – *разг.* ругаться как базарная торговка (Billingsgate – название большого рыбного рынка в Лондоне) гендерными маркерами плана содержания фразеологизмов являются слова, семантической доминантой которых является социально-профессиональный признак. В идиомах **a dolly bird** – *жарг.* хорошенькая, нарядная девушка; **an unappreciated blessing** – *шутл.* «невостребованное сокровище», незамужняя женщина, старая дева – гендерные маркеры плана содержания выражены существительными, указывающими на возрастной и семейный статус, а в идиомах **a dry bob** – *школ. жарг.* учащийся, занимающийся легкой атлетикой (в Итоне); **a wet bob** – *школ. жарг.* учащийся, занимающийся водными видами спорта (в Итоне) – гендерный маркер представлен существительным, указывающим на образовательный/учебный статус и область интересов лица мужского пола.

В большинстве гендерно маркированных ФЕ, отобранных по семантическому критерию, план выражения является *гендерно немаркированным* и в основном содержит в качестве стержневых компонентов неодушевленные существительные или существительные, обозначающие «нечеловека», например: **an ass with two panniers** – *шутл.* «осёл с двумя корзинами», мужчина, идущий под руку с двумя женщинами; а также слова, которые обозначают действие, состояние, качество и т.д., характеризующие и относящиеся к «антропологической» сфере, например: **dance attendance on smb**. – увиваться, бегать за кем-л., ухаживать (за женщиной) [по старинному английскому обычаю на свадебном вечере невеста должна была танцевать с любым гостем, пригласившим ее на танец]; **to be called to the chair** – быть избранным председателем.

Исследование гендерно маркированных ФЕ, отобранных с позиции *структурного критерия*, показало, что репертуар лексем, которые являются гендерными маркерам плана выражения идиом может быть представлен четырьмя основными группами: 1) антропометрическими лексемами[2]; 2) терминами родства; 3) антропонимическими лексемами (именами собственными); 4) агентивными существительными.

Первые две группы представляют собой *закрытые* системы гендерных оппозиций, поскольку количество входящих в них гендерно противопоставленных пар лексем, как показало исследование, регламентировано. Первая группа гендерных маркеров включает одиннадцать гендерных лексических оппозиций, а именно: **boy – girl; man – woman; maid/maiden – fellow/guy/lad; Mr – Mrs – Miss; male – female; gentleman – lady; lord/master – mistress; knight/chevalier – dame; king – queen; prince – princess; duke – duchess**. Вторая группа гендерных маркеров включает семь гендерных оппозиций, обозначающих семейно-родствен-

[2] Термин «антропометрические имена» был представлен А.В.Силинским в монографии «Речевая вариативность слова» (1995). Под «антропометрическими именами» А.В.Силинский понимает существительные, называющие людей по признакам пола и/или возраста. В настоящем исследовании данный термин употребляется для обозначения группы слов, семантической доминантой которых является признак пола.

ные отношения, а именно: **mother – father; daughter – son; sister – brother; aunt – uncle; wife – husband; grandmother – grandfather; widow – widower.**

Гендерные маркеры, относящиеся к антропонимам представляют собой *открытую* систему гендерных оппозиций, поскольку, во-первых, допускают замены того или иного имени, обусловленные и оправданные коммуникативной ситуацией, например: **(every) Tom, Dick and Harry –** всякий, каждый; первый встречный; обычный, заурядный человек (you may hear people change the third name in this idiom, for example to show that it includes **women***:* **Tom, Dick and Sheila** [LID]); а во-вторых, репертуар имен собственных может быть расширен и дополнен в связи с появлением новых выдающихся личностей в различных сферах общественной жизни: **to do a Thatcher** – to stay in power as prime minister for three consecutive terms. From the former Conservative prime minister Margaret Thatcher [PDEI] (занимать пост премьер-министра три срока подряд).

Следует отметить, что в основе всех трех групп гендерных маркеров лежит четкое дихотомическое деление, т.е. разделение лексем всех трех групп на пары соподчиненных элементов с определенной гендерной характеристикой, а именно – противопоставлением мужского и женского рода.

В отдельную группу гендерных маркеров плана выражения идиом можно выделить **агентивные существительные**. Агентивные существительные обозначают названия профессий и должностей, воинских званий, занятий, носящих регулярный характер, например **doctor, priest, philosopher, nurse, maid**. В данную группу гендерных маркеров также входят некоторые существительные, обозначающие категорию «деятеля» с актуальным, результативным значением и значением состояния, объединенные на основе семантического признака «непрофессиональная деятельность», например **burglar, objector, mourner, gospeller, strategist**. Агентивные существительные образуют *открытую* систему гендерных маркеров. Принадлежность данных лексем к маскулинному или фемининному аспекту культуры обусловлена исторической традицией и отличается довольно неустойчивым характером. В ходе исторического развития агентивные лексемы способны допускать изменения в своем гендерном статусе, так как они в

бîльшей степени подвержены процессу гендерной генерализации, т.е. обладают возможностью расширять сферу своей отнесенности, распространяя ее на лица обоих полов. Данный процесс обусловлен рядом социальных факторов, не последнее место среди которых занимает расширение общественной деятельности женщин.

Рассматривая гендерную маркированность плана содержания английских ФЕ, стержневыми компонентами структуры которых являются четыре, выделенные выше, группы лексем, важно обратить внимание на тот факт, что специфика определения гендерных маркеров плана содержания во многом зависит от сферы предметного обозначения идиом, т.е. относятся ли они к сфере *одушевленного* или *неодушевленного*.

Гендерными маркерами плана содержания ФЕ, номинирующих людей, их различные состояния, действия, признаки, качества, т.е. относящихся к сфере «одушевленного», являются: **а)** слова, обозначающие либо лицо мужского, либо лицо женского пола, как правило, это такие слова, как "**man**", "**young man**", "**woman**", "**girl**", "**wife**", "**male**" и т.д., а также местоимения "**he**", "**she"**: **a Jack the Lad** – (*British, informal, old-fashioned*) a confident and not very serious *young man* who behaves as he wants to without thinking about other people [CIDI] (самоуверенный и не очень серьезный молодой человек, который ведет себя как ему вздумается, не обращая внимания на мнение окружающих); **б)** слова, обозначающие человека вообще, без учета его половой характеристики, например: "**person**", "**someone**", "**everyone**", "**anybody**", "**you**" и т.д., **every mother's son** – *everyone* (*каждый*); **to lord it over** – to behave as if *you* are better than *someone* else and have the right to tell them what to do [CIDI] (вести себя так, как будто ты лучше других людей и имеешь право указывать им, что делать). Фразеологизмы, относящиеся к сфере одушевленного, составляют 73% от общего количества идиом, входящих в наш исследовательский материал.

В семантике фразеологизмов, обозначающих неодушевленные предметы, или обслуживающих сферу «неодушевленного» и составляющих 27% от общего числа входящих в наш исследовательский материал ФЕ, гендерные маркеры в большинстве случаев отсутствуют, например: **King's/Queen's weather** – чудесная погода; **fire and water are good servants, but bad masters** –

огонь и вода – верные слуги, но плохие хозяева и воли им давать нельзя. Однако семантика некоторых идиом, обозначающих неодушевленный предмет или понятие, может быть гендерно маркированной. В качестве маркеров гендера в таких случаях выступают различные слова, указывающие на отнесенность данного предмета или понятия к лицу мужского или женского пола, например: **Jane Crow** – *амер. жарг.* дискриминация *женщин*; **male rhyme** – *мужская* рифма (рифма с ударением на последнем слоге).

В настоящей работе принципиально важным, на наш взгляд, является разграничение таких понятий, как семантическая гендерная маркированность и гендерная референция идиом. Под *семантической гендерной маркированностью* понимается указание на класс объектов, обозначаемых в дефиниции идиом. *Гендерная референция* указывает на объект, по отношению к которому ФЕ используется в конкретном акте коммуникации, или относит фразеологизм к группе понятий, соотносимых с той или иной гендерной категорией. Нетождественность семантической гендерной маркированности и гендерной референции идиом может быть проиллюстрирована следующими выражениями:

1) **one of the boys** – to be part of a group of *men* who are friendly and spend time together, doing the ordinary things that men are expected to do. Your may hear people describe **a woman** as being one of the boys if she is friends with a group of men and likes doing the things they do [LID] (свой парень);
2) **tin Lizzie** – (*амер. разг.*) a motor car, especially a very early Ford. Origin: early 20th century: ‘Lizzie’, a pet form of the given name *Elizabeth* [NODE] (старый Форд, подержанная машина).

В первой идиоме маркером семантики является слово, обозначающее лицо мужского пола, однако в речевом высказывании она (ФЕ) может употребляться и по отношению к женщине. Во втором фразеологическом обороте, семантический маркер гендера вообще отсутствует, тем не менее представление о транспортном средстве традиционно ассоциируется с женским образом (ср.: ship, car – “**she**”). На разницу понятий «семантическая гендерная маркированность» и «гендерная отнесенность» указывает также и наличие парных фразеологических соответствий. Например, семантика таких идиом, как **to feel like a king** – to feel majestic and proud и **to feel like a queen** – to feel majestic and splendid [PDEI]

гендерно не маркирована, однако данные выражения обладают четкой гендерной референцией.

Таким образом, различные подходы к отбору фразеологического материала для рассмотрения специфики выражения и реализации гендерного фактора раскрывают особенности взаимодействия и корреляции между гендерными маркерами плана выражения и плана содержания идиом, а также ставят вопрос о необходимости дифференциации таких понятий, как *структурная гендерная маркированность*, *семантическая гендерная маркированность* и *гендерная референция* фразеологизмов.

1.3. Гендерный компонент и фразеологическое значение

Необходимо отметить, что существование корреляции между гендерной маркированностью структуры идиомы и гендерной маркированностью ее семантики, позволяет поставить вопрос об актуальности рассмотрения двух проблем: 1) какова семантическая природа гендерного компонента и как он формируется в процессе фразеологизации; 2) какое место занимает гендерный компонент в семантике идиомы.

Для того чтобы рассмотреть эти проблемы, нужно определить, из какой концепции фразеологического значения мы будем исходить.

В современной фразеологии существуют различные подходы к рассмотрению фразеологического значения, предложенные такими лингвистами, как В.Л.Архангельский, В.Н.Телия, И.И.Чернышева, М.Д.Городникова, М.М.Копыленко, А.И.Смирницкий, А.В.Кунин и др. и разработанные на материале различных языков.

Для английского языка базовой концепцией фразеологического значения является концепция А.В.Кунина, который выделяет в составе значения идиомы три аспекта: **сигнификативный** (содержание понятия, реализованное в этом значении), **денотативный** (объем понятия, реализуемого на основе вычленения минимума обобщающих признаков денотата, т.е. целого класса однородных предметов (общее), уникальных объектов (единичное) или абстрактных значений) и **коннотативный** (информация, заложенная в языковых и речевых единицах, помимо их предметно-логического содержания). Особое значение и особую

роль, по словам А.В.Кунина, играет коннотация, которая обладает высоким удельным весом и включает в себя следующие компоненты: эмотивный, экспрессивный, оценочный и стилистический. Все четыре компонента коннотации могут выступать вместе в разных комбинациях или отсутствовать. Пятым компонентом является образность (А.В.Кунин, 1996).

Данный подход к фразеологическому значению коррелирует с теориями лексической семантики и соответственно, как можно полагать, помещает гендерную составляющую в грамматическую часть семантики единицы. Но это не объясняет многих фактов, и поэтому мы будем исходить из более гибкой, по нашему мнению, концепции семантики идиом, разработанной В.Н.Телия.

В.Н.Телия предлагает рассматривать значения идиом в виде иерархически упорядоченной модели, которая представлена в виде макрокомпонентов, образуемых семантическими «примитивами» – семантически предельными составляющими (В.Н. Телия, 1988). Выделяются следующие основные макрокомпоненты семантической структуры идиомы: 1) **дескриптивный макрокомпонент**, который отвечает за соотнесенность обозначающего идиомы и обозначаемой ею действительности, т.е. за объективное содержание, отображаемое в значении ФЕ. Дескриптивный макрокомпонент описывает только логико-понятийный аспект действительности и отображает объем «лексического понятия»; 2) **оценочный макрокомпонент**, который отображает информацию о ценности обозначаемого идиомы, определяемой с позиции некоторой усредненной «языковой личности» (по Ю.Н.Караулову) в соответствии с ценностно ориентированной (по положительным или отрицательным оценкам) шкалой стереотипов (норм, стандартов), принятой в картине мира данной национально-культурной общности; 3) **мотивационный макрокомпонент**, который обозначает образ, адекватный возможному положению дел в мире реальном или неадекватный действительности, принадлежащий ирреальному ее представлению. Мотивационный макрокомпонент соотносится с тем феноменом, который принято называть мотивом переосмысления значения словосочетания, или его образно-мотивирующим основанием; 4) **эмотивный макрокомпонент** значения, который объединяет в себе информацию, содержащую сведения об эмотивной окраске зна-

чения идиом. При этом под эмотивностью понимается способность языковых сущностей семантически отображать эмоциональное в своей основе и социально осознанное чувство-отношение к обозначаемому, выражаемое в диапазоне одобрения/неодобрения. По мнению В.Н.Телии, эмотивный макрокомпонент фразеологического значения является своего рода кульминацией собственно смысловой информации. Именно эмотивный компонент, отмечает В.Н.Телия, имеющий форму модальной рамки, «удваивает» субъективный фактор, добавляющийся к денотации в виде оценочного и эмотивного отношений. Это удвоение и усиливает выразительность значения идиом, придавая ему экспрессивную окраску (В.Н.Телия, 1988: 31); 5) **стилистический макрокомпонент** значения играет двойную роль: нормативно регламентирует выбор ФЕ и вместе с тем, указывая на социально-ролевые взаимоотношения коммуникантов, способствует усилению (или диссонансу) эмотивной модальности; 6) **грамматический макрокомпонент** значения – это совокупность всех сведений о фонетических, морфологических и синтаксических формах ФЕ и о содержании этих форм.

Между макрокомпонентами фразеологического значения, по словам В.Н.Телии, существуют *тема-рематические* отношения. Дескриптивный макрокомпонент значения идиом рассматривается как своего рода «*тема*» по отношению к остальным макрокомпонентам значения фразеологизма: «Думается, что содержание этого макрокомпонента можно уподобить фундаменту: он как бы скрыт от непосредственного восприятия, но несет на себе всю грамматическую конструкцию ФЕ вместе с «архитектурным» ее оформлением – макрокомпонентами, дополняющими дескрипцию вычлененного элемента действительности» (В.Н.Телия, 1988: 21). Следовательно, остальные макрокомпоненты значения идиом являются своего рода «*ремой*», т.е. движение поэтапного раскрытия цельнооформленного фразеологического значения определяется направлением от известного (данного) к неизвестному, от общего к частному, от объективного к субъективному.

Используя данную модель фразеологического значения, нами выдвигается ***гипотеза*** о возможности выделения еще одного, **гендерного макрокомпонента** в семантике фразеологизмов, который, накладываясь на дескрипцию, способствует адекватному

отображению идиомами культурных концептов фемининности и маскулинности, их языковому выражению в частности, а также раскрывает неодинаковое их воздействие на концептуализацию гендера в сознании носителей языка. **Гендерный макрокомпонент** взаимодействует со всеми остальными макрокомпонентами в семантике идиомы. Он может присутствовать в дескрипции, проявляясь на основе выводного знания в эмотивном и оценочном макрокомпонентах (например, в случаях того или иного отношения к лицу мужского или женского пола в англоговорящем социуме). Сложность его анализа заключается в том, что он может быть «рассеян» по всем остальным макрокомпонентам фразеологического значения в случае отсутствия в дескрипции эксплицитной семы, указывающей на денотата мужского или женского пола. Однако мы полагаем, что даже при таких обстоятельствах возможно установить роль гендерного компонента в формировании семантики идиом с помощью анализа оценочного, образно-мотивационного, эмотивного и других макрокомпонентов фразеологического значения, т.е. с помощью раскрытия различных механизмов имплицитной реализации гендера в значении фразеологизма.

Иными словами, эксплицитное выражение гендера означает, что он представлен в денотативном аспекте значения, т.е. дается в тематическом дескриптивном макрокомпоненте. Имлицитное выражение гендерного макрокомпонента говорит о том, что он может быть определен в ходе анализа других рематических макрокомпонентов фразеологической семантики, среди которых основную роль играет оценочно-эмотивный компонент.

Однако для того, чтобы определить степень «самостоятельности» гендерного макрокомпонента в структуре фразеологического значения, уровень и степень его интеракции с другими макрокомпонентами общей семантической модели идиом, их роль и возможное влияние на процесс его формирования, а также на степень эксплицитного проявления гендерного компонента во фразеологическом значении, для того, чтобы решить все эти вопросы, необходимо рассмотреть, как формируется гендерный компонент в процессе фразеологизации.

§ 2. КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

2.1. Изучение концептуальных оснований семантики языковых единиц

Когнитивная лингвистика имеет своим предметом изучение семантики единиц (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих в языке тот или иной концепт. Как отмечают З.Д.Попова и И.А.Стернин, целью когнитивно-лингвистического исследования является максимально полное выявление состава языковых средств, объективирующих исследуемый концепт, и максимально полное описание семантики этих единиц (слов, словосочетаний, паремий, текстов), с целью теоретического описания, моделирования содержания исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, *гендерном*, территориальном) своеобразии; описание содержания соответствующего концепта как единицы национальной (групповой, индивидуальной) концептосферы (З.Д.Попова, И.А.Стернин, 2001: 93).

По мнению М.Л.Ковшовой, описание собственно языковых и когнитивных аспектов значения и их соотношения в плане изучения языка как общего когнитивного механизма (В.З.Демьянков, 1994), разграничение того, что репрезентируется в «ментальности» человека и каков механизм этих репрезентаций, формализация когнитивно-операционных процедур, осуществляемых субъектом общения, – таковы ключевые проблемы современных когнитивных направлений в лингвистике (А.Н.Баранов, Б.М.Величковский, В.И.Герасимов, Дж.Динсмор, Дж.Клоур, А.Коллинз, Е.С. Кубрякова, Дж.Лакофф, У.Найссер, А.Ортони, В.В.Петров, Ч.Филлмор, Р.М.Фрумкина, В.С.Шмаков и др.) (М.Л.Ковшова, 1996: 10).

Среди множества актуальных вопросов когнитивной лингвистики можно выделить еще один, представляющий особый интерес для настоящего исследования, а именно вопрос о когнитивных/концептуальных основаниях языковых знаков.

В когнитивной лингвистике рассмотрение концептуальных оснований может осуществляться по двум направлениям. Первое предполагает, что исследование начинается с некоторого выбранного концепта (например, *истина*), подбираются все возможные

языковые средства его выражения, которые затем и анализируются. Второе направление предполагает, что исследование начинается с некоего ключевого слова (или группы слов) (например, *школа* или *совесть*), к которому подбираются разнообразные контексты его употребления. Это позволяет изучить семантику данного слова, выявить набор семантических признаков, которые оно способно представить в процессе употребления. По этому набору семантических признаков реконструируется соответствующий лексический или фразеологический концепт. Как справедливо отмечает И.А.Стернин, каждый подход имеет свою ценность, однако они не являются взаимоисключающими, а, наоборот, дополняют друг друга и в ряде случаев одновременно используются (З.Д.Попова, И.А.Стернин, 2001).

Данные, полученные в ходе исследования языковых сущностей разных уровней, свидетельствуют о том, что многие проблемы семантического характера можно лучше понять, если обратиться к тем ментальным структурам, которые лежат в их основе. Плодотворность использования когнитивного подхода при рассмотрении проблем семантики разноуровневых единиц языковой структуры, актуальность обращения к разным типам когнитивных моделей для описания многообразных языковых средств коммуникации, которые, в свою очередь, опираются на когнитивные основания, формирующие конкретную языковую категорию, подтверждаются многими исследователями. Например, продуктивность привлечения когнитивного анализа к рассмотрению лексического уровня языка находит подтверждение в работах Е.С.Кубряковой, Е.Г.Беляевской, Е.М.Поздняковой, Н.В.Елисеевой, Е.Е.Голубковой, Г.Г.Бондарчук и др.; фразеологического уровня – в исследованиях М.В.Шамановой, М.Л.Ковшовой и др.; синтаксического уровня – в трудах И.Ю.Кремера, Л.Л.Барановой и др; когнитивный подход к изучению текстов (художественных, политических, экономических, поэтических и т.д.) представлен в работах Дж.Лакоффа, Е.О.Шибановой, С.Ю.Селезневой, Н.В.Чес и многих других.

Так, Е.Г.Беляевская отмечает, что единство смыслового содержания многозначного слова обеспечивается когнитивной моделью – общим ментальным представлением, лежащим в основе всех лексико-семантических вариантов одной лексемы. Когни-

тивные модели семантики слова структурируют каждое отдельное значение полисеманта единообразным способом, выводя на первый план одни семантические признаки и делая менее значимым другие признаки (Е.Г.Беляевская, 1991, 2000).

В исследовании, проведенном Н.В.Елисеевой на языковых категориях, являющихся множествами слов, а именно класса глаголов говорения, отмечается, что данный класс обладает определенным характером когнитивных моделей, которые лежат в их основе. Как отмечает автор, класс глаголов говорения в современном английском языке описывается восемнадцатью базовыми концептами, различные комбинации которых обеспечивают разбиение всего класса на подклассы, группы и подгруппы. Интересно отметить, что в качестве одного из базовых выступает метафорический концепт conduit metaphor, отражающий процесс передачи информации от говорящего к слушающему. Каждая из подробно описываемых Н.В.Елисеевой концептуальных схем, или структур, состоящих из взаимодействующих и взаимосвязанных концептов, соотносится не с отдельным словом, а с группой слов, формируя своеобразную мини-категорию (Н.В.Елисеева, 1996).

Достаточно сложная ситуация отмечается с метафорическими когнитивными моделями, для демонстрации значимости которых Дж.Лакофф избирает категорию **anger**, рассматривая в качестве составляющих категории сверхсловные образования от свободных словосочетаний до идиом, описывающих различные проявления гнева. Категория **anger**, как отмечает автор, представляет собой множество различных репрезентантов определенного эмоционального состояния и в равной степени может рассматриваться и как категория, состоящая из языковых единиц, и как категория, объединяющая речевые сущности (G.Lakoff, 1987).

Когнитивный анализ художественных текстов позволяет, в частности, выявить признаки, которые приобрели в составе концепта символический смысл. А.Г.Лапотько исследовала презентацию концептуального основания «**береза**» в художественном творчестве и показала богатый набор коннотативных семантических признаков, явно присутствующих в данном концепте. Сродненность русского человека с березой, как отмечает А.Г.Лапотько, особенно отчетливо проявилась в произведениях Сергея Есенина, воспевшего «березовую Русь», страну «березового ситца» и соеди-

нившего в неразрывное целое березу и Россию, выразившего своим поэтическим словом то, что всегда присутствовало в сознании носителей русского языка. В произведениях поэтов-песенников 50–80-х годов XX века Россия, Родина, береза в их единстве встречаются многократно (А.Г.Лапотько, 1999).

В художественных и публицистических текстах О.В.Мякшевой были исследованы когнитивные основания концепта **«окно»**. В проанализированных текстах этот концепт обнаруживает различные смысловые наращения, и как отмечает автор, приобретает символическое значение: «просвет, ведущий к свободе, духовному очищению» (О.В.Мякшева, 1999).

Необходимо отметить, что исследования особенностей концептуальных оснований языковых единиц могут проводиться на основе рассмотрения их лексико-грамматической специфики. Рассматривая лексико-грамматические особенности концептов «**свет**» и «**тьма**» О.М.Воевудская обнаружила, что по разным семемам одной лексемы образуются разные деривационные ряды и различающиеся наборы падежных и предложно-падежных словоформ в парадигме склонения. Если центром концептуализации становится прямое значении лексемы *свет*, то она имеет все падежные словоформы единственного числа. Если же фокусом концептуализации является лексико-семантический вариант «место, откуда исходит освещение», «пространство, где светло», эта лексема имеет только три падежных словоформы: к свету, на свет и на светó (О.М.Воевудская, 1999).

Таким образом, учет концептуальных оснований семантики языковых единиц позволяет глубже осмыслить набор признаков, раскрывающих их содержание. Тип когнитивного моделирования зависит от того, какие единицы, т.е. единицы какого уровня языковой системы выступают в качестве «проводников, трансферов» тех или иных концептов. Основным типом, формирующим языковую категорию когнитивной модели, является концептуальная схема – определенная конфигурация элементарных/базовых концептов, причем в качестве составляющих в концептуальную схему могут входить и метафорические концепты. Для более глубокого понимания природной сущности концептуальных оснований необходимо в ряде случаев учитывать их деривационные и морфологические особенности.

2.2. *Образ* vs *внутренняя форма идиомы*

В когнитивном анализе семантики идиом особое внимание уделяется восприятию фразеологизма как культурного знака, которое рассматривается как процесс интерпретации его образного основания. В процессе восприятия, как указывает С.В.Кабакова, образное основание может выступать, по крайней мере, в четырех функциях: как основание для концептуализации и категоризации действительности; в роли собственно эмоциогенного стимула; в роли мотивации как «подсказки» для культурной интерпретации идиомы, т.е. соотнесения образа с концептами, символами, эталонами, стереотипами и мифологемами культуры, что составляет содержание культурной коннотации (В.Н.Телия, М.Л.Ковшова и др.), вызывающей эмотивное отношение; как фактор, предопределяющий стилистическую маркированность идиом (С.В.Кабакова, 1999).

Далее С.В.Кабакова отмечает, что проблема роли образности в понимании значения идиом не является тривиальной и тем более решенной. Существуют, по крайней мере, две, несводимые друг с другом концепции: «концептуально-метафорическая» (Дж.Лакофф, М.Джонсон, Р.Гиббс) и «гипотеза интерференции» (К.Каччари, Р.И.Румиати, С.Гласксберг).

В первой утверждается, что мотивация идиом основывается не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других, например: *сознание – это контейнер, ярость – это жара, любовь – это путешествие* и т.п. (G.Lakoff, M.Johnson, 1980; G.Lakoff, 1987, 1993). Такие способы интерпретации носят название «концептуальная модель». Смысл второй концепции состоит в том, что идиомы вызывают в сознании образы, которые базируются исключительно на прямых значениях компонентов соответствующих идиоматических выражений, причем эти образы не зависят ни от метафорической модели, ни от актуального значения идиом.

Таким образом, по мнению В.Н.Телии (1994, 1996), можно говорить о двух типах мотивированности фразеологизмов – о мотивированности буквальным значением образного основания идиом (**гипотеза интерференции**) и о мотивированности косвен-

ной, создаваемой ассоциативно-парадигматическими отношениями, на фоне которых просматривается базовая метафора (**концептуально-метафорическая модель**).

С.В.Кабакова отмечает также, что образ обладает такими свойствами, как целостность и синтетичность, проявляющимися в том, что он способен объединять данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром, и формируется восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями. Образ включает в себя идеальные (содержательные) черты, что позволяет искать в нем истоки и предпосылки развития концептов, поскольку образ способен обобщать накопленный опыт. Образ не совпадает с оригиналом, поскольку он извлекается из контекста сознания, а не из действительной жизни (Н.Д.Арутюнова, 1990, 1996). Формирование образа спонтанно и непроизвольно. Образ связан с эмоциональной сферой человека, а потому – насыщен личностным смыслом (С.В.Кабакова, 1999).

Понятие «образность» идиом тесно связано с понятием «внутренняя форма», поскольку последнее понимается как «форма, представленная в виде образа» (А.А.Потебня, 1905; В.П.Жуков, 1978; А.В.Кунин, 1984). В основе внутренней формы фразеологизмов, как отмечает Т.З.Черданцева, лежит переосмысленная, иносказательная ситуация, вызывающая определенные вербальные ассоциации, благодаря которым у говорящего и слушающего возникает определенный образ, который они связывают с прагматикой речи, что создает условия для осуществления коммуникации. Значение внутренней формы несет в себе информацию об образном основании идиом (Т.З.Черданцева, 1988: 81).

Широко распространенным является также понимание внутренней формы как образа, который лег в основу наименования языковым знаком объектов, познаваемых человеком. Внутренняя форма понимается и как способ организации значения в его связи с языковой картиной мира, характерной для данного народа, и с ее образами[3]. Для идиом – продукта ситуативно-образной вторичной номинации, этот способ заключается в фиксации вербальных ассоциаций значения с исходным образом с целью возбуждения при восприятии идиом определенного чувства–

[3] Данное понимание внутренней формы соответствует воззрениям на это предмет В.фон Гумбольдта и А.А.Потебни.

отношения к обозначаемой реалии. Необходимо также отметить, что образ, заключенный во внутренней форме, – это всегда редуцированный и типизированный «слепок» с образа той реальной ситуации, которая описывается сочетанием в его прямом значении, включенном в определенный контекст мнения и знания (В.Н.Телия, 1988: 25).

Важное значение внутренней формы в становлении семантики ФЕ, ее культурно-значимая роль с позиции когнитологии, отмечается также А.Б.Феоктистовой. Роль внутренней формы, по утверждению А.Б.Феоктистовой, играет образное основание, выступая как внутренняя форма вторичного наименования. Вторичное наименование отдает часть информации о типовом представлении в типовое представление нового наименования, сохраняя некоторые свои черты как образная гештальт-структура, которая и является стимулом для эмоциональной реакции. Далее, А.Б.Феоктистова указывает, что внутренняя форма может иметь двуплановый характер: 1) в идиомах типа *держать нос по ветру* образное основание (внутренняя форма) отражает типовое представление с четко оформленной гештальт-структурой. Понимание смысла данной идиомы не сопряжено с какими-либо сложностями, независимо от выбора «пути поиска» информации; 2) в идиомах типа *плясать под дудку (дудочку)* образное основание не полностью отражает типовое представление, образная гештальт-структура четко оформлена, организована. В данном случае способ представления стереотипной ситуации «достраивается» – информация не активируется, эта часть смысла существует как «интерпретируемый» слот, так как в данной ситуации носитель языка фокусирует внимание на компоненте ФЕ – под *дудку (дудочку).* В данном случае компонент *дудка (дудочка)* – средство репрезентации несамостоятельного поведения, контроля, руководства извне (А.Б.Феактистова, 1999).

Как отмечает Е.Г.Беляевская, специфика внутренней формы идиом – образного гештальта – которая, в отличие от внутренней формы лексем, обычно остается достаточно прозрачной, сохраняя при этом тесную связь с «внешней» или «поверхностной» структурой идиоматического значения, во многом обусловливает особенности семантики ФЕ, представляющих собой языковые знаки, соотносимые по информационному объему со свернутым

текстом. Процесс образования гештальта представляется случайным, что хорошо видно на примере некоторых идиом разных языков, имеющих одинаковый состав слов-компонентов (ср. русск. «перебежать/перейти кому-либо дорогу» – *опередить кого-либо в чем-либо*, англ. to cross smb's path – *встретиться на чьем-либо жизненном пути*) (Е.Г.Беляевская, 2002).

Использование когнитивного подхода к рассмотрению внутренней формы идиом как образной гештальт-структуры может, по нашему мнению, вскрыть глубинные механизмы понимания стереотипных образов «мужественность» и «женственность» гендерно маркированных ФЕ, способствует раскрытию содержания культурных смыслов категорий гендерной парадигмы.

Важно также отметить, что поскольку большинство гендерно маркированных ФЕ имеют живую внутреннюю форму, а живая внутренняя форма, как утверждает А.В.Кунин (1996), является «источником той информации, на основе которой возникают образность, эмотивность и экспрессивность ФЕ как при их узуальном, так и при окказиональном употреблении», поэтому ее содержание определяется теми вербальными ассоциациями, которые гендерные образы вызывают у говорящего и слушающего. Следовательно, живая внутренняя форма гендерно маркированных ФЕ воздействует на эмотивное восприятие стереотипных образов «маскулинность» и «фемининность», вызывает определенное понимание и отношение к ценностным ориентирам мужской и женской картин мира[4].

Внутренняя форма, тесно связанная с понятием «прототип»[5], выступающим в качестве мотивирующей базы идиомы, может влиять и играть решающую роль в становлении гендерного макрокомпонента фразеологического значения.

---

[4] Под мужской и женской картиной мира подразумевается андро- и гиноцентричная картина мира соответственно, которая выводится на основе языковых фактов, указывающих на существование того или иного представления о роли, месте, значимости, функциях и т.д. мужчин и женщин, сформированного в конкретном лингвокультурном обществе.

[5] А.В.Кунин, в частности, дает следующее определение внутренней формы фразеологизма: «внутренняя форма фразеологизма – это значение его прототипа, с которым фразеологическое значение связано деривационными отношениями» (А.В.Кунин, 1996: 173).

Следовательно, изучение специфики гендерного макрокомпонента английских идиом имеет непосредственное отношение к рассмотрению проблемы его взаимосвязи и взаимодействия с внутренней формой. Будучи основополагающей составляющей фразеологического значения, внутренняя форма в ряде случаев выдвигается на первый план и обусловливает не только семантику, но и гендерную референцию идиомы.

2.3. Концептуальные центры фразеологизации

Изучение фразеологизмов с использованием приемов когнитивного анализа расширяет рамки понимания механизмов культурной маркированности значения идиом и способов, участвующих в декодировании культурной интерпретации (термин М.Л. Ковшовой) «как процедуры опосредования культурным знанием субъекта речи, воплощенного в ФЕ способа вѐдения мира и отношения к увиденному», а также раскрывает роль социокультурной коннотации – особого типа знания, возникающего в ходе социокультурной интерпретации как корреспонденции между областью языкового и социокультурного знания носителей языка (М.Л.Ковшова, 1996: 5).

По мнению М.Л.Ковшовой, значение идиомы может быть представлено как информационный текст, различные смыслы которого проходят «сквозь фильтр ментальности» говорящего и слушающего, *интерпретируются* в пространстве социального и культурного знания, активизируемого субъектом речи в момент общения.

Как отмечает Е.Г.Беляевская, в отличие от лексических единиц, где семантика формируется непосредственно концептуальной схемой, играющей роль структурирующего элемента лексического значения, процессу концептуализации в ходе формирования идиомы подвергается образное представление, служащее источником ее значения. Живой зрительный образ превращается в гештальт, если этот образ концептуализируется и в нем выделяется концептуальный фокус (ср. «вершинный признак» в концепции В.Н.Телии). Например, в англ. **to be/get in low water** (быть без денег, находиться в стесненных обстоятельствах) концептуальным фокусом фразеологизации, превращающим хорошо известный из эмпирического опыта образ в гештальт, является идея

затрудненного движения при недостаточной для плывущего объекта глубине. Концептуальный фокус фразеологизации «задается» семантикой компонента *low*, причем не его поверхностной, но глубинной семантической сущностью (иными словами, концептуальным основанием семантики *low*), акцентирующей идею нахождения в лежачем положении. Ср. англ. **to lie low** (притаиться, не привлекать к себе внимания); **to be in low spirits** (быть в плохом настроении); **low tide** (застой) (Е.Г.Беляевская, 2002).

Далее Е.Г.Беляевская указывает на то, что в данном случае действует не обычная, бытовая логика, а языковая, и характер концептуализации исходного образного представления подтверждается тем, что попытка вывести значение идиомы **to be/get in deep wate**r (*быть в хорошем финансовом положении, процветать) на основании простого противопоставления поверхностной семантики прилагательных **low – deep**, приводит к ошибке. Значение данной идиомы – *горевать, тревожиться, запутаться, находиться в тяжелом или опасном положении* – определяется концептуальным фокусом фразеологизации, обусловленным семантикой прилагательного *deep*, которое ассоциируется с «погружением в воду» и, следовательно, с опасностью (ср. англ. **a deep one** – *скрытный, хитрый, опасный человек*).

Таким образом, рассмотрение роли концептуальных оснований в процессе становления фразеологического значения представляется актуальным и во многом зависит от особенностей семантических признаков опорных, ключевых слов-компонентов, рассматриваемых в качестве концептуальных центров фразеологической объективации. По мнению В.Н.Телии, концептуальные основания, участвующие в процессе фразеологизации, коррелируют со значениями семантической структуры слов, которые являются ядерными компонентами ФЕ. «Особенность фразеологически связанных значений слов состоит в том, что их направленность на внеязыковой ряд всегда опосредована смысловым содержанием слов, выступающих как семантически ключевые в данном сочетании. Поэтому такие слова можно рассматривать как опорные наименования» (В.Н.Телия, 1977: 147). Далее, В.Н.Телия отмечает, что денотацией этих слов как бы очерчивается та сфера действительного, к элементам которой прилагаются переосмысленные значения слов, отражая при

посредничестве опорных наименований «кусочки действительности». Однако необходимо особо подчеркнуть, что концептуальные основания коррелируют со значениями стержневых лексем ФЕ, но не совпадают с ними, так как в одном концептуальном основании возможно обнаружить взаимодействие и взаимосвязь нескольких лексико-семантических вариантов соответствующей лексемы.

Важным для исследования роли опорных, ключевых слов идиом, влияющих на процесс фразеологизации, является и тот факт, что слово-компонент идиомы, наиболее близкий к ее концептуальному фокусу фразеологизации, может выступать в качестве слова-компонента других идиом и при этом может формировать и другие фокусы фразеологизации. Чем ближе концептуальный фокус фразеологизации к «поверхностной» семантике лексемы, тем меньше степень переосмысления. Например: **to be of low opinion of** (быть о ком-то плохого мнения); **deep in debt** (по уши в долгах); **deep in though**t (глубоко задуматься); **deep insight** (глубокое понимание) (Е.Г.Беляевская, 2002).

О продуктивности обращения к концептуальным центрам фразеологизации свидетельствует, например, работа М.Л.Ковшовой, которая, исследуя на материале русского языка идеографическое поле «**ум – глупость**», показала, что ФЕ данного поля организованы устойчивым сочетанием ключевого (опорного) компонента – абстрактной сущности (ум, разум, рассудок, мысль, толк и т.п.) со вторым компонентом, прошедшим метафоризацию на основании того или иного устойчивого аналога, который участвует в концептообразовании данной абстрактной сущности. В результате проведенного исследования поле «ум – глупость» было структурировано по двум концептуальным центрам: «интеллектуальные способности и состояние» и «интеллектуальная деятельность». Первый центр объединяет ФЕ, в которых дается качественная характеристика лица по его интеллектуальным способностям, «дурака» и «умника», а также изменение интеллектуальных способностей в силу деформации в результате эмоционального потрясения, физического напряжения, психической болезни, например: *ума палата, семи пядей во лбу, дубина стоеросовая, балда осиновая, куриные мозги, ум за разум заходит, крыша поехала, сойти с ума* и т.д. Во втором центре, как указы-

вает М.Л.Ковшова, собраны ФЕ, с помощью которых описывается сам ход мыслительного процесса, мыслительные операции, а также качественная характеристика данных операций, например: *в одно ухо влетает, в другое вылетает, смотреть в корень, выбросить из головы, держать в голове*.

Концептуальный анализ ключевого, базового понятия «ум» и его культурная интерпретация позволили составить концепто-систему – систему устойчивых аналогов для осознания данной абстрактной сущности, выбранных и отрефлексированных русской культурной мыслью. Данные аналоги, отмечает М.Л.Ковшова, понимаются как концептуальные составляющие, например: ум как живое одухотворенное (*игра ума, ум влечет*), ум как живое органическое (*умом не вырос*), ум как неживое – вещь (*прикупить ума*), ум как неживое – инструмент (*раскинуть умом*), ум как квазипространство мыслительной деятельности – локус (*из ума не выходит*), ум как квазипространство жизнедеятельности человека в целом, его «квазиаура» – локус (*в здравом уме*) и т.п. (М.Л.Ковшова, 1996).

Рассмотрению концептуальных центров ФЕ, описывающих **чувства-состояния** посвящено исследование А.Б.Феоктистовой. А.Б.Феоктистова исходит из того, что концепт идиомы тесно связан с концептом описываемого ею чувства-состояния. Автор отмечает, что идиомы как бы «подвешиваются» на «базовый» для них концепт. В качестве примера А.Б.Феоктистова приводит схематическую запись «сценария» чувства-состояния *страха*, которая рассматривается как исходный номинативный фрейм, лежащий в основе формирования и восприятия идиом, обозначающих *страх*. Автор указывает, что чувство-состояние *страха* в его концептуально-языковом представлении – это знание о переживаемом или пережитом состоянии, ему всегда предшествует некоторая ситуация, которую субъект воспринимает как опасность, т.е. ситуацию, «расклад» которой способен нанести физический, материальный или моральный ущерб субъекту. Именно это знание является одним из концептообразующих признаков *страха*.

На основе когнитивного анализа идиом со значением чувства-состояния как отрицательно-эмоциогенного спектра (*страх, гнев, тоска* и др.), так и положительного, как указывает автор, в

сознании субъекта эти чувства-состояния как бы «свернуты» в форме структуры знаний о них, позволяющей «хранить» и «обрабатывать» сведения о характере переживаний. Для каждой отдельной идиомы, входящей в определенную группу, эта структура знаний, или фрейм, выполняет роль «шаблона», по которому и «строится» модель способа представления того или иного аспекта чувства-состояния, описываемого ФЕ. Обозначая конкретное представление, ФЕ «хранит память» о чувстве в целом. И эта информация выступает как фоновое знание, или как пресуппозиция значения, обеспечивая и жестообразующие функции фразеологизмов (А.Б.Феоктистова, 1996).

Изучению особенностей распознания концептуальных центров ФЕ, а также поиску механизма восприятия образного основания идиом, в том числе механизма его культурной интерпретации, уточнению свойств образного основания идиомы как когнитивной структуры посвящена глава диссертационного исследования С.В.Кабаковой. В основу исследования автором был положен эксперимент. В качестве экспериментального материала было использовано 100 идиом: 70 идиом, принадлежащих идеографическому полю «характеристика личности» (*рубаха-парень, ни рыба ни мясо, бездонная бочка*) и 30 единиц из идеографических полей «чувства-состояния» (*задеть за живое, быть не в своей тарелке, как рукой сняло*) и «поведение» (*вожжа под хвост попала, ждать у моря погоды, сесть на шею*). В эксперименте приняло участие 250 человек из разных возрастных групп. Данные эксперимента показали, что можно говорить, по крайней мере, о трех уровнях интерпретации образного основания идиомы: а) на уровне знания конвенционального значения (например, *отрезанный ломоть* – «это человек, отколовшийся от коллектива, который теперь живет по другим правилам и обратно «влить» его нельзя»); б) на уровне личностного смысла (например, *с легким сердцем* – «человек с *легким сердцем* не понимает всех тонкостей любви»), в) на глубинном, архетипическом уровне (*белая ворона* – «это птица – королева ночи, она несет людям добро»), когда образ или элементы образа ассоциируются с архетипическими представлениями («белый», «ворона»/ «ворон»). Сравнительный анализ ответов испытуемых, полученных в разных возрастных группах, показывает, что образное основание

идиом воспринимается и осознается носителями языка всех возрастов. Доминирование образного способа восприятия – восприятия образа в его буквальном значении – зависит от того, знает или не знает носитель языка конвенциональное значение фразеологизма (очевидно, что дети, обладая меньшей языковой и культурной компетенцией, чем взрослые носители языка, чаще работают с образом) (С.В.Кабакова, 1999).

Л.И.Зубкова (1999) рассматривала на материале пословиц и поговорок особенности содержания концептов «**бог**» и «**царь**». Проведенный анализ позволил выделить следующие концептуальные основания, отраженные в исследованных паремиях: 1) всесильность и всемогущество Бога и царя (например: *Все во власти божьей и государевой*; *Никто, как Бог и государь*; *Один Бог, один государь*); 2) Бог и царь владеют многим (*У Бога да у царя всего много*; *Все божье, да государево*); 3) Бог как отец родной, т.е. любит народ (*Бог – батька, государь – дядька*); 4) царь – посланник Бога на земле (*Царь – от Бога пристав; Божье стало государевым*; *Коли царь Бога знает, Бог и царя, и народ знает*); 5) царь подвластен Богу и ответственен перед ним (*Сердце царево в руке божьей*; *Одному Богу царь ответ держит*; *За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует*); 6) Бог и царь выполняют функцию судьи (*Суди меня Бог да государь*!; *На сильного Бог да государь; Сильная рука – Богу судить*).

Л.И.Зубковой были также выявлены некоторые отличия в понимании русским сознанием функций Бога и царя: 1) власть небесная закреплена за Богом, а земная за царем (*Бог на небе, царь на земле; Без Бога свет не стоит, без царя земля не вертится*); 2) Бог прощает, а царь награждает (*Бог помилует, так и царь пожалует; Виноватого Бог простит, а правого царь пожалует*); 3) относительная самостоятельность царя на земле при противопоставлении силе божьей (*Правда божья, а суд царев*; *Правда божья, а воля царская*). Таким образом, исследованный материал подтверждает, что православие на Руси формировало почитание Бога, терпение и покорное отношение народа к царю и к царской власти (Л.И.Зубкова, 1999).

Оценивая плодотворность изучения концептуальных оснований коммуникативных идиом, составляющих отдельную языковую категорию, интересно также отметить работу О.Н.Ракитиной,

в которой автор, анализируя пословицы русского языка, выделяет следующие семантические признаки концептуального основания **«лес»**: 1) лес как укрытие, место нахождения животных (*Счастье, что волк – обманет, да в лес уйдет*; *Не ищи зайца в бору*: *на опушке сидит*); 2) лес как место, где всего бесконечно много (*Леса да земли – как корову дой*; *В степи простор – в лесу угодье*) и как источник благ для человека (*Лес по дереву не тужит*; *В лес дров не возят, в колодезь воды не льют*; *Дальше в лес – больше дров*); 3) лес как отдаленное место, большое пространство и высокое место (*За лесом видит, а под носом не видит; Выше лесу стоячего, ниже облака ходячего*); 4) лес как глухое, дикое место (*В лесу живем, в кулак жнем, пенью кланяемся, лопате богу молимся*; *В лесу и сковорода звонка*); 5) лес как неизвестное, таинственное, а потому опасное место (*Поехал было в лес, да попался навстречу бес*; *В чужом месте, что в лесу*); 6) лес как параллель к миру, людям (близко друг от друга, вместе стоящие стволы деревьев сравниваются с обществом людей, миром) (*Аль тебе в лесу леса мало? Аль в людях людей нет?*; *В лесу Бог лесу не уровнял, в народстве – людей*; *Молва не по лесу ходит, по людям*; *Чужие люди – дремучий лес*); 7) лес как живое существо (*Лес видит, а поле слышит*) (О.Н.Ракитина, 1999, 2000, 2001).

В основу фразеологического исследования, проведенного В.И. Шаховским и Н.Н.Панченко, было положено выделение и рассмотрение концептуальной гештальт-структуры (схемы) **«ситуация обмана»**, категоризуемой в языковом сознании как типовой образ/типовое знание об обозначаемом, т.е. имеющей целое прототипическое представление (В.И.Шаховский, Н.Н.Панченко, 1999).

Рассматривая национально-культурную специфику концептуального основания «обман» во фразеологическом пространстве английского и русского языков, авторы отмечают, что концепт обмана фразеологизируется в: 1) идиомах поведенческого типа, указывающих на агентивное действие/воздействие и/или интерпретирующих производимое действие – *пудрить мозги*, *pull smb's leg* – одурачить, надуть, *soft soap* – лесть, комплименты; 2) идиомах, характеризующих качественные свойства лица – *all sugar and honey* – (букв. весь сахар и мед) о льстивом, неискреннем человеке; 3) идиомах, отражающих акциональные проявления качественных свойств лица – *не моргнув глазом* (соврать),

(*to lie*) *out of the whole cloth* – врать нагло, от начала до конца. В.И.Шаховский и Н.Н.Панченко указывают также на то, что воплощение концепта обмана в идиомах становится возможным благодаря, чаще всего, процессу метафоризации, который в результате уподобления рождает образно-ассоциативное представление, стимулируемое «модусом фиктивности *как если бы*».

Авторами также отмечаются некоторые особенности процесса фразеологизации концепта «обман» в русском и английском языках. Так, использование в качестве «донора» для фразеологизации *обмана* образных основ, обнаруживающих семантическую ориентированность на человека, а именно группируемых вокруг названий частей человеческого тела, более характерно для русского языкового сознания (*ездить по ушам, заговаривать зубы, натянуть нос, пудрить мозги, обвести вокруг пальца* и т.д.). Для обозначения обмана, выражения неискренности, русским языковым сознанием используется также типично русский концепт «душа».

Идея утаивания, умалчивания информации в английском языке в основе своей имеет представление «покрывания», «сокрытия», которое соединяет в себе некий покров и темноту: *keep smb. in the dark* – (букв. держать кого-л. в темноте) скрывать, вводить в заблуждение; *draw a curtain on smth.* – (букв. опустить занавес на что-л.) замалчивать; *cast a veil over smth.* – (букв. набросить покрывало на что-л.) обойти молчанием (В.И.Шаховский, Н.Н.Панченко, 1999).

Таким образом, исследование специфики фразеологической семантики с помощью когнитивного подхода дает возможность по-новому подойти к проблемам ее неоднородной и сложной структуры, позволяет более глубоко проникнуть в ее семантическое пространство, а также выявить степень подвижности или закрепленности концептуальных фокусов результирующего смысла ФЕ, во многом зависящих от концептуальной организации идиом того или иного класса.

Обращение к когнитивному анализу гендерно маркированных ФЕ английского языка во многом обогащает изучение их семантики, и в первую очередь тем, что в качестве основополагающей, отправной точки в исследовании мы берем *антропоцентрическую* сущность фразеологизмов, т.е. весь культурный «багаж» гендерно маркированных идиом, представленный в

виде информационных матриц, содержащих и представляющих фоновые знания, раскрывающие восприятие и понимание гендера как социокультурного концепта картины мира, который отражает представления о роли и месте мужчин и женщин в том или ином социуме.

ГЛАВА II.
СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО КОМПОНЕНТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИДИОМ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

1.1. Гендерная асимметрия идиом с ономастическим компонентом

Одним из маркеров, указывающих на гендерную отнесенность английских ФЕ, являются имена собственные (далее – ИС), которые составляют особую группу существительных, представляющих собой «названия отдельных лиц и индивидуальных единичных предметов и явлений действительности, отличающие их от других однородных предметов и явлений» (М.И.Ермаченко, 1970). Из выделенных нами в ходе исследования 355 идиом с ономастическим компонентом **308** ФЕ в своей структуре содержат **207** *мужских* ИС и **47** ФЕ – **37** *женских* ИС.

ФЕ с антропонимическими лексемами являются одной из наиболее представительных групп в нашем исследовательском материале. Этот факт объясняется, прежде всего, спецификой их семантики, особенностями их номинативных возможностей, способностью к обладанию явными или скрытыми аллюзивными свойствами и тесной связью с культурой нации. Являясь особой частью лингвистического фонда, ИС обладают возможностью отражать определенные социальные тенденции и изменения, связанные, в частности, с общественным статусом мужчин и женщин.

Фактический материал исследования ФЕ с ономастическим компонентом позволяет разделить все идиомы на четыре группы по характеру и первичной сфере употребления антропонима:

I. ФЕ с именами и фамилиями, которые не относятся к конкретному денотату.

II. ФЕ с именами и фамилиями, прототипами которых являются конкретные, реально существовавшие (существующие) личности.

III. ФЕ с именами и фамилиями мифологических героев и библейских персонажей.

IV. ФЕ с именами и фамилиями литературных героев.

ИС, участвующие в образовании идиом первой группы, являются индивидуализирующими знаками, относящимися к неопределенному количеству денотатов (например: *Jack, Nancy*). ИС трех остальных групп фразеологизмов подразумевают одного конкретного денотата (например: *Solomon, Thatcher, Punch*). Следовательно, по способу референции и количеству объектов референции первая группа ФЕ с личными именами стоит в оппозиции к остальным трем группам, которые могут быть объединены в один класс.

Существуют различные подходы к терминологическому обозначению двух выделенных на указанных основаниях классов ИС.[6] Для настоящего исследования интерес представляет классификация антропонимов, предложенная Д.И.Ермоловичем (1981),

---

[6] Е.В. Иванцова делит все антропонимы, участвующие в образовании ФЕ, на ИС, имеющие единичные денотаты (Манилов, Гамлет) и многоденотатные ИС (Иван, Варвара, Марья) (Е.В.Иванцова, 1996). И.М. Шокина указывает на то, что рассматривая значение имени собственного, можно выделить имена собственные с относительной единичностью (Петр, Иван, Мария и т.д.), общеупотребительные, которые могут принадлежать любому мужчине или любой женщине независимо от возраста, статуса и прочих характеристик, и имена собственные с абсолютной единичностью, которые характеризуют называемый ими объект или явление с точки зрения присущих только им качеств и свойств. Значение таких имен, как Петр I или просто Петр находятся в разных «измерениях», точно так же как фамилия американского президента Клинтон по отношению к рядовым американцам с той же фамилией (И.М.Шокина, 1998). В.П.Берков предложил разграничивать указанные группы как общие и единичные ИС (В.П.Берков, 1973). Термин «общие ИС», однако, представляется не совсем удачным, так как может навести на мысль, что это нечто более общее, абстрактное, чем единичные имена. Принцип же разграничения этих двух типов антропонимов в другом: в отсутствии или наличии объекта, на который антропоним указывает в первую очередь.

который разделяет все антропонимы на *множественные и единичные.* Такие имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком, называются **множественными антропонимами.** Другие антропонимы также принадлежат множеству людей, но с кем-то одним связаны прежде всего. Это – имена людей, получивших широкую известность (*Plato, Shakespeare, Darwin, Einstein* и т.п.). Такие ИС Д.И.Ермолович называет **единичными антропонимами** (Д.И. Ермолович, 2001: 39). Поскольку классификация Д.И.Ермоловича учитывает не только денотативную отнесенность ИС, но и сферу их функционирования, в нашем исследовании мы будем основываться именно на ней.

Анализ количественного соотношения ИС, участвующих в образовании гендерно маркированных ФЕ, показал преобладание *единичных* антропонимов в структуре идиом, а именно: 1) имена и фамилии, прототипами которых являются конкретные, реально существовавшие (существующие) личности – **69** ИС; 2) имена и фамилии мифологических героев и библейских персонажей – **64** ИС; 3) имена и фамилии литературных героев – **71** ИС. *Множественными* антропонимами являются **40** ИС.

Рассматривая различные принципы классификации ФЕ с ИС, следует отметить подход Г.П.Манушиной, которая по характеру генезиса классифицировала все идиомы с ономастическими элементами на детерминированные и индетерминированные.[7] Необходимо, однако, уточнить, что в настоящем исследовании **детерминированными** ФЕ будут называться не только идиомы, в структуре которых ИС восходит к определенному (утраченному или существующему) денотату, но и ФЕ с ИС, восходящими к мифологическим и библейским персонажам, а также к литературным героям.

---

[7] Идиомы, в составе которых ИС генетически восходит к определенному (утраченному или существующему) денотату, Г.П.Манушина называет *детерминированными* (**a gay Lothario** – «донжуан, ловелас»). ФЕ, обнаруживающие отсутствие первичного денотата, являются *индетерминированными*, например оборот, не имеющий конкретного прототипа ИС: **tin Lizzie** – «легковой автомобиль» (Г.П.Манушина, 1973).

Таким образом, 204 единичных ономастических компонента участвуют в образовании 245 детерминированных ФЕ, 40 множественных антропонимов входят в состав 110 индетерминированных идиом.

Как мы видим из полученных данных, соотношение единичных и множественных ИС и соответственно соотношение детерминированных и индетерминированных ФЕ существенно различаются. Количественное преобладание детерминированных фразеологизмов, в которых в качестве стержневого компонента выступает единичное ИС, можно объяснить тем, что такие имена обладают более высоким, по сравнению со множественными антропонимами, фразообразовательным потенциалом, обусловленным более широким кругом конкретных ситуаций, соотнесенных с единичными ИС.

С позиции гендерных исследований релевантным является вопрос количественного соотношения детерминированных и индетерминированных ФЕ с **мужскими** и **женскими** ИС. Проанализировав все группы ФЕ с антропонимами, мы получили следующие данные:

	Общее кол-во ФЕ	ФЕ с *мужскими* ИС	ФЕ с *женскими* ИС
I. Идетерминированные ФЕ	110		
1) с именами и фамилиями, которые не относятся к конкретному денотату;		92	18
II. Детерминированные ФЕ	245		
2) с именами и фамилиями, прототипами которых являются конкретные, реально существовавшие личности;		73	8
3) с именами и фамилиями библейских и мифологических героев;		71	9
4) с именами и фамилиями литературных персонажей.		72	12
	355	308	47

Следует отметить, что как детерминированные, так и индетерминированные ФЕ имеют ярко выраженный андроцентричный характер. Данный факт объясняется особенностями формирования типичного для конкретного этноса образного осмысления полоролевых традиций. Высокая степень фразеологической активности личных имен, относящихся к референтам мужского пола, опосредованно связана с социальным доминированием мужчин в большинстве сфер общественной деятельности, таких, как наука, культура, политика, искусство, спорт и т.д. Как справедливо отмечает Е.В.Ощепкова, в процессе функционирования ономастических реалий, в частности, в ИС, происходит «аккумуляция различного рода ассоциаций». Именно вокруг них происходит средоточие фоновых знаний, значение которых определяется типизированным образом, сложившимся в национальном сознании (Е.В.Ощепкова, 1998). Следовательно, социально и культурно обусловленные особенности пола определяют неравное/асимметричное участие мужских и женских ИС в формировании фразеологического фонда английского языка.

1.2. Деривационные особенности английских имен собственных в структуре гендерно маркированных фразеологических единиц

При исследовании структурной специфики гендерно маркированных ФЕ следует подробно остановиться на морфологических особенностях антропонимов. Выбор определенной формы имени и закрепление именно этой формы в структуре идиомы не случайны и обусловлены эволюционным развитием антропонима, а также традиционной устойчивостью ИС в той или иной сфере коммуникации.

Особенностью личных имен является то, что они обладают большой способностью к образованию вариантов, или **деривато**в[8]**.** Анализ способов варьирования ИС показывает, что отличительной особенностью английского языка, по сравнению с

[8] Дериваты объединяют все производные имена: сокращенные, ласкательные, уменьшительные и фамильярные (*англ.* short forms, pet names, diminutives, familiar forms), не поддающиеся четкой дифференциации (Д.И.Ермолович, 2001).

русским языком, является относительная устойчивость варианта личного имени, а также способа именования в целом в рамках определенной коммуникативной сферы[9].

В английском языке разграничиваются два основных типа дериватов: сокращения, например: *Dan* (< *Daniel*), и субъективно-оценочные формы с суффиксом **-y** (в других вариантах -ie, -ey, -sy), например: *Danny* (< *Dan* < *Daniel*), *Jimmy* (< *Jim* < *James*). Сокращение при образовании дериватов затрагивает начало, середину и конец исходного имени: а) *аферезис*, например: *Ness* (< *Agnes*), *Tony* (< *Anthony, Antony*); б) *синкопа*, например: *Austin* (< *Augustin*), *Aline* (< *Adeline*); в) *апокопа*, например: *Alec* < *Alexander*; *Alf* (< *Alfred*), *Ag* (< *Agnes*) (А.И.Рыбакин, 2000).

Особенность деривации в системе английских личных имен состоит в том, что аффиксация выступает как своеобразная вторичная деривация по отношению к сокращению и без него, как правило, не используется. Исключение из этого правила составляют несколько гипокористических[10] имен, например *Evie, Johnny*, образованных без сокращения односложных полных имен *Eve, John*. Таким образом, картину образования английских дериватов можно представить в следующем виде: от полных или исходных имен, например *Daniel* и *Theodore*, образуются сначала сокращенные имена *Dan* и *Ted*, а уже от них образуются гипокористическне имена *Danny, Teddy*. Поэтому сокращенные имена можно называть первичными дериватами, а гипокористические имена – вторичными дериватами полных имен (А.И.Рыбакин, 2000). Дериваты первого типа принято считать служащими цели языковой экономии и «коммуникативного удобства», а варианты второго типа – формами выражения субъективной оценки. Последние употребляются в детском языке, а также как средство

---

[9] Д.И.Ермолович обращает внимание на тот факт, что английский язык не имеет такого же обилия субъективно-оценочных дериватов, какое свойственно русскому языку, однако субъективно-оценочные коннотации могут выражаться отходом от стандартного для коммуникативной сферы способа именования референта – например, обращение Siddy при привычном для говорящего и адресата Sid может выражать неприязненное отношение (Д.И.Ермолович, 1981).

[10] Гипокористический – *англ.* hypocoristic: ласкательный, уменьшительный (об имени).

передачи ласки, симпатии, благожелательности или, напротив, негативного отношения. Оба вида дериватов противопоставлены полным формам, тяготеющим к официальному стилю речи. Следовательно, противопоставление форм полных, сокращенных и с суффиксом **-y** базируется на использовании последних двух категорий в более узких, приватных сферах коммуникации. Однако необходимо отметить, что в последнее время наблюдается тенденция использовать дериваты также в деловой обстановке, на совещаниях, заседаниях, пресс-конференциях, в публичных выступлениях, в печати. Дериваты постепенно становятся легальными, официальными именами, употребляемыми вместе с сопровождающими словами вежливости: honourable – *почтенный,* reverend – *преподобный,* doctor – *доктор* (*ученая степень*), mister – *мистер, господин* и т.д., например Dr. (doctor) BILLY, Hon. (honourable) JIMMIE (Д.И.Ермолович, 2001).

Устойчивость имени в определенной коммуникативной сфере и установка на создание более популярного, демократического образа способствуют использованию дериватов в качестве стандартных элементов именования в различных социальных сферах, например в общественно-политической сфере: *Harry* Truman; *Mamie* Eisenhower, *Tony* Blair, *Bobby* Kennedy, *Jimmy* Carter и т.д.

Отличительной особенностью английских личных имен является их относительная устойчивость в пределах функционального стиля. Если по-русски можно употребить, например, то полное имя – *Николай,* то нейтральный, то уменьшительный вариант – *Коля*, то дериват с выраженной оценочной коннотацией – *Колька, Коленька* и т.д., то в английском языке за человеком закрепляется преимущественно одна какая-то форма, которая используется в подавляющем большинстве случаев (Д.И.Ермолович, 2001). Таким образом, утверждает Д.И.Ермолович, в парадигматике английского личного имени складывается следующая картина. С одной стороны, сдвиги в социальном стереотипе восприятия сокращенных и субъективно-оценочных имен способствовали выдвижению их как основных, стандартных форм в значительной части антропонимических именований; с другой стороны, приобретая официальный статус, такие формы теряют традиционно приписываемые им разнообразные культурно-прагматические коннотации. Из этого следует, что сокращенная или

уменьшительная форма несет эмоционально-оценочную нагрузку в основном тогда, когда отходит от стандартного способа именования, при чем эта эмоционально-оценочная нагрузка не обязательно положительна.

Анализируя деривационную структуру ИС, участвующих в образовании гендерно маркированных идиом, следует отдельно остановиться на единичных и множественных антропонимах.

Среди множественных ИС, входящих в структуру индетерминированных ФЕ, наблюдается преобладание деривационных форм.

Мужские имена включают:

1) полные формы: Alfred, Andrew, Arthur, Daniel, George, John, Jonathan, Paul, Peter, Philip, Roger, Stephen (**12**);
2) сокращенные формы: Aleck, Dick, Jack, Joe, Mick/ Mike, Jim, Sam, Tom (**8**);
3) формы на **-y**: Billy, Charlie, Harry, Jerry, Johnny, Jimmy, Larry, Micky, Tommy, Willie (**10**).

Женские имена включают:

1) полные формы: Bertha, Jane, Mary/ Maria, Martha, Suzan (**5**);
2) сокращенные формы: Dora, Eliza, Joan (**3**);
3) формы на **-y**: Betty, Nancy, Nelly, Sally (**4**).

Как у мужских, так и у женских имен, участвующих в образовании ФЕ, предпочтение отдается производным формам: 17 против 25, доминирующее положение среди которых занимает деривационная *форма на -y* – 14 ИС.

Рассматривая единичные ИС, особо следует отметить, что в качестве индивидуализирующего лингвистического знака в большинстве детерминированных фразеологизмов выступает фамилия, которая не имеет деривационных форм. Маргинальное положение в анализе структуры антропонимов, участвующих в процессе фразеологической номинации, занимает группа идиом, в которых употребляются ИС библейских и мифологических персонажей. Являясь в основном заимствованными именами и фамилиями, они, как правило, не употребляются в производных формах. Исключение в данной группе ФЕ составляют две идиомы, в которых ИС употребляется в *сокращенной форме* **a Peeping Tom** – чересчур любопытный человек; и в *форме на -y* **Davy**

Jones – *мор. жарг.* 1) злой дух моря; 2) могила в море, могила на дне морском. Результаты анализа структуры единичных ИС, входящих в две другие группы детерминированных ФЕ, а именно – фразеологизмов с именами и фамилиями, которые относятся к конкретным историческим прототипам, и фразеологизмов с именами и фамилиями литературных персонажей, показали, что среди производных форм ИС доминируют *сокращенные формы,* которые участвуют в образовании 30-и ФЕ, в то время как ИС с деривационной *формой на -у* встречаются только в 11-и идиомах, например: **Sam Brown(e)** – *воен. прост.* офицерская портупея; **Jack Ketch** – палач [по имени английского палача XVII в.]; **Old Tom** – *уст. жарг.* «старый Том» (общее название подслащённых сортов джина); **Crow Jim** – *амер. жарг.* предубеждение негров против белых; **Tom Thumb** – крошка, карлик; ~ мальчик с пальчик [по имени крошечного человечка, героя старинной сказки]; **Teddy bear** – плюшевый мишка, медвежонок (детская игрушка) [по имени президента США Т.Рузвельта (Th. Roosevelt, 1858–1919) – любителя медвежьей охоты]; **Billy Bunter** – прожорливый, толстый, неуклюжий подросток [по имени школьника из рассказов Фр.Ричардса]; **Sally Lunn** – сладкая булочка [по имени женщины-кондитера, жившей в конце XVIII в.].

Закрепленная во фразеологии тенденция к употреблению как сокращенных форм ИС, так и субъективно-оценочных форм с суффиксом **-у** объясняется тем, что подобные формы обладают бóльшей экспрессивностью и эмоциональной окраской, чем полные формы имен, и, таким образом, становятся «удобным материалом» для процесса фразеологизации. Преференция употребления деривационных, а не полных форм – явление весьма продуктивное – вызвано стремлением иметь звучное, более короткое цельнооформленное и коннотационно емкое имя, что и способствовало определенной частотности закрепления именно производных форм в структуре идиом.

С позиции гендерных исследований интересно отметить наличие в исследуемом материале двух фактов: 1) в ФЕ с **женскими** именами из двух деривационных форм бóльшей фразеологической активностью обладает *форма на -у*, например **Annie Oakley** – *амер. уст. жарг.* бесплатный билет, контрамарка, пропуск; **not on your Nelly –** презрительный отказ; 2) в ФЕ с

мужскими именами наиболее фразеологически активны имена, имеющие *сокращенную форму*, например: **Jack Johnson** – тяжелый снаряд (по имени известного негритянского боксера); **Tom Tiddler's ground** – место легкой наживы; «золотое дно» (от названия старинной детской игры).

В связи с этим хотелось бы отдельно остановиться на точке зрения В.Бурена (1977), который, проводя классификацию американских личных имен на мужские и женские, а внутри каждого из этих макроклассов на полные (*Thomas*), сокращенные (*Tom*) и уменьшительно-ласкательные (*Tommy*) имена, особо отмечает, что каждая из этих трех категорий имеет постоянное прагматическое значение (такое, как формальность, неформальность и мужские, женские и детские коннотации). Так, В.Бурен утверждает, что у сокращений типа Bob, Bill, Tom есть *дополнительное мужское значение*. Краткость этих форм и характерная для них фонетическая структура (CVC)[11] как бы подчеркивают идентификацию самих имен с лицами мужского пола. А поскольку стандартные сокращения многих женских имен имеют другую фонетическую структуру (два слога с конечным суффиксом **-y/-ie**, например Cindy, Debbie), то в значении односложных сокращений подчеркивается некий мужской компонент. Поэтому В.Бурен выделяет мужской компонент в значении сокращенных форм некоторых женских имен, таких, как, например, Pam, Jill, Kate, так как они состоят из одного слога и противопоставлены таким чисто женским именам, как Cindy, Debbie (Van Buren, 1977).

Подобный подход подвергается ряду критических замечаний и требует некоторого уточнения. В частности, А.Вежбицкая отмечает, что, с одной стороны, все носители языка, с которыми она консультировалась, согласны, что имена Pam, Jill, Kate не являются нежными, детскими или типично женскими именами (по сравнению с Cindy, Debbie), но с другой стороны, мужского в этих именах также ничего нет. По мнению А.Вежбицкой, сокращение типично мужских имен (например, Robert, William или James) подчеркивает их мужской характер, в то время как сокращение типично женских имен (например, Pamela, Katherine) приводит, скорее, *к снижению их «женственности»*. «Оба эти

[11] CVC – согласный (**consonant**) + гласный (**vowel**) + согласный (**consonant**).

эффекта носят иконический характер и основаны на звуковом символизме, но не так, как предполагает В.Бурен:

William (мужское имя) – **Bill** (подчеркнута идея «мужественности»; прототип: мужчина или мальчик)

Pamela (женское имя) – **Pam** (ослаблена идея «женственности»; прототип: человек)

Deborah (женское имя) – **Debbie** (подчеркнута идея «женственности»; прототип: женщина или девочка)» (А.Вежбицкая, 1997: 94).

Ученый предлагает истолковывать краткие формы женских имен типа Pam и Kate в терминах ‘люди’, объясняя это тем, что, безусловно, эти имена могут относится только к лицам женского пола, но определяется это тем, что соответствующие полные имена относятся к ‘женщинам и девочкам’: «В самих же кратких формах идея соотнесенности с лицами женского пола не содержится» (А.Вежбицкая, 1997: 94).

А.Вежбицкая делает еще один, на наш взгляд, интересный, вывод. Она считает, что женским формам на **-y/-ie** (Debbie, Penny) и мужским формам на **-y** (Terry, Jerry) надо приписывать разные значения: *формы на -y* **мужских** имен (Terry, Jerry) имеют то же прагматическое значение, что и *сокращенные формы* **женских** имен (Pam, Kate). Мужские краткие формы с «немужской» фонетической структурой частично теряют мужской характер, присущий соответствующему полному имени, так же, как женские краткие формы с «неженской» фонетической структурой частично теряют женский характер, присущий соответствующему полному женскому имени:

Gerald (мужское имя) – **Gerry** (мужской характер имени не подчеркнут; прототип: человек);

Pamela (женское имя) – **Pam** (женский характер имени не подчеркнут; прототип: человек).

Тот факт, что мужские имена с *формой на -y* (Terry, Jerry) могут использоваться и по отношению к женщинам также говорит в пользу именно такого понимания (А.Вежбицкая, 1997).

На доминирование *форм на -y* среди женских ИС и *сокращенных форм* среди мужских ИС как гендерно маркированных компонентов фразеологизмов можно посмотреть и под другим углом зрения. Данный факт может рассматриваться как свидетельство определенного отношения к представителям мужского или женского пола, т.е., например, предпочтительное использо-

вание уменьшительно-ласкательных форм по отношению к женщине как указание на ее сниженный статус в обществе по сравнению с более высоким статусом мужчины. Уменьшительно-ласкательные формы, т.е. *формы на -у,* несут иную дополнительную нагрузку, по сравнению с сокращенными формами. Если вторые служат преимущественно целям языковой экономии, то первые выражают субъективную оценку: они могут указывать на презрение, насмешку или на снисходительное, несерьезное отношение к индивиду как к существу более слабому, или могут употребляться как средство передачи ласки и симпатии. Доказательством этому является и тот факт, что *формы на -у* широко применяются по отношению к детям, подчеркивая при этом их «беспомощность, беззащитность, хрупкость, нежность, слабость». Аналогия «ребенок – женщина», представленная на деривационно-функциональном уровне и обусловленная определенными прагматическими коннотациями, способствует отражению четко выраженных гендерных стереотипов. В пользу того, что та или иная форма имени или преднамеренная замена одной формы наименования человека другой передает установленные не только «личные соглашения» между двумя людьми, но и соглашения, принятые в данном обществе, говорят следующие факты: 1) если ребенку хотят дать понять, что его воспринимают серьезно, что он в полной мере несет ответственность за свои поступки и действия, его воспринимают как самостоятельную, до известной степени независимую личность, а не относятся к нему как к маленькому и нуждающемуся в защите и постоянной опеке, тогда по отношению к нему начинают употреблять полное имя (James, Jessica) или его сокращенную форму (Jim, Jess), которая несет также дополнительное значение: «у нас с тобой особые отношения – мы равны во всех отношениях». Форма на **-у** (Jimmy, Jessie) в подобных случаях не употребляется; 2) и, наоборот, как утверждает А.Вежбицкая, если речь идет о взрослом человеке, то формы Jimmy, Bobby могут звучать покровительственно, восприниматься как обращение сверху вниз или иметь оттенок пренебрежительности (А.Вежбицкая, 1997: 101).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что каковы бы ни были причины преференциального употребления той или иной формы мужского и женского ИС в составе ФЕ, большинство из этих причин имеют гендерно обусловленный характер,

т.е. отражают качества, характеризующие и индентифицирующие людей как представителей того или иного пола, а также способствуют раскрытию стереотипов, передающих определенное отношение к мужчинам и женщинам, сложившееся в данном конкретном обществе под влиянием особенностей его культурного и исторического развития.

1.3. Этимологические характеристики имен собственных в структуре гендерно маркированных фразеологических единиц

Этимология ИС во многом отражает специфику ценностной картины мира народа, говорящего на данном языке. Исследования этимологии и эволюции ИС позволяют раскрыть особенности выбора определенного репертуара понятий, заложенных в значении мужских и женских имен, а также рассмотреть вопросы, связанные с первичной фиксацией стереотипов «маскулинности» и «фемининности» в сфере фразеологической антропонимики.

По словам М.И.Ермаченко, этимологию ИС в одних случаях установить легко (например, в фамилиях: Дюбуа, Леклерк, Бовуар), в других – труднее, но происхождение ИС из морфем имен нарицательных (далее – ИН) очевидно в подавляющем большинстве случаев (М.И.Ермаченко, 1970: 32). Однако этимологическое значение ИС не оказывает никакого влияния на функционирование имени в языке. Все исследователи отмечают, что в синхронном плане значение ИС не включает в качестве своего компонента первоначальное значение, идущее от соответствующего ИН. Тем не менее, в ряде случаев восстановление этимологического значения имени и вопросы, связанные с рассмотрением его эволюции, становятся чрезвычайно важными.

Английские личные имена прошли долгий путь исторического развития, путь, неразрывно связанный с историей английского народа и английского языка. А.И.Рыбакин указывает на то, что англосаксы, как и другие древние германские племена, имели лишь одно имя, которое по структуре могло быть простым (**Froda** – поэт. *мудрый*; *старый*; **Hwita** – *белый*, *светлый*, *блестящий*) и сложным (**Aethelbeald** – *благородный; отличный*, *превосходный*

+ *смелый, стойкий, отважный*; **Eadgar** – *поэт. собственность, владение, имущество*; *счастье*; *богатый* + *поэт. копье*)[12].

На семантическом уровне некоторые древнеанглийские сложные имена предстают как своеобразные экзоцентрические композиты, значение которых не выводится из суммы значений составляющих их компонентов, например **Frithuwulf** – *мир, безопасность*; *убежище, приют* + *волк*; **Wigfrith** – *борьба*; *спор*; *раздор*; *война* + *мир*; *безопасность*; *убежище, приют.* Значение других древнеанглийских сложных имен можно легко понять: **Aethelstan** – *благородный*; *отличный, превосходный* + *камень.* Подобные имена представляются уже эндоцентрическими или неидиоматическими сложными словами[13].

Как показал анализ исследуемого материала, во фразеологическом составе как наиболее самобытной в культурном плане части номинативного запаса английского языка происходит сохранение и закрепление тех ИС, в которых достаточно четко фиксируются культурные гендерные идеалы и стереотипы данного этноса. Рассмотрение этимологии ИС, входящих в состав детерминированных и индетерминированных гендерно маркированных ФЕ, позволяет установить наиболее типичные для английской фразеологии представления о женственности и мужественности, а также ответить на вопрос, какие имена, а следовательно, и понятия, которые исторически заложены в этих именах, обладают тенденцией к фразеологизации.

Необходимо отметить, что по структурным и семантическим признакам древнеанглийские женские имена ничем не отличались от имен мужских. Показателем рода имени выступал второй

---

[12] Простые имена постепенно были вытеснены сложными, двухкомпонентными именами; после XIII в. они в номенклатуре английских личных имен не встречаются (А.И.Рыбакин, 2000).

[13] Компоненты сложных имен черпались из особого фонда древнеанглийских именных слов. Англосаксы верили в магические свойства «благожелательных» именных слов дарить носителю имени защиту и покровительство, богатство, здоровье, благополучие, отвагу, славу, почет и т.д. Сюда относятся, например, следующие древнеанглийские слова: aelf – *эльф*; beorht – *яркий, блестящий, светлый*; beorn – *поэт. человек*; *воин*; *герой*; god – *хороший*; *добродетельный*; *благоприятный и др.* (А.И.Рыбакин, 2000).

компонент. У **мужских** имен он был представлен именами существительными мужского рода: gar – *поэт, копье*; hafoc – *ястреб*, helm – *защита, покрытие*; *шлем*; *поэт. защитник, покровитель*; man(n) – *человек*; *муж*; *герой*; raed – *совет*; *решение*; *ум, мудрость*; sige – *победа*; *успех.* Вторым компонентом **женских** имен были, соответственно, имена существительные женского рода: burg, burn – *крепость, замок*; *обнесенный стенами город*; frithu – *мир, безопасность*; *убежище*; *приют*; gifu, gyfu – *дар, подарок*; *благоволение, милость*. В качестве вторых компонентов использовались также имена прилагательные. У **мужских** имен это, как правило, прилагательные, указывающие на общественное положение и черты характера носителя имени: beald – *смелый, стойкий, отважный*; beorht – *яркий, блестящий, светлый*; heah – *высокий*; *возвышенный*; *величественный, важный*; *горделивый, надменный*; heard – *твердый*; *тяжелый, трудный*; *сильный*; *энергичный*; *смелый, отважный*; *стойкий.* Многие **женские** имена в качестве второго компонента имеют прилагательное leof – *дорогой, любимый; приятный.* Немаловажным является и то, что в семантике как мужских, так и женских ИС, входящих в состав детерминированных и индетерминированных ФЕ английского языка, особое место занимает военная тематика. Подобный результат был получен и на материале немецкого языка. Так, Т.В.Топорова, исследовавшая древнегерманские двучленные имена собственные, отмечает, что из двенадцати семантических областей, на которые подразделяется картина мира, зафиксированная в древнегерманской ономастике, «военная сфера находится вне всякой конкуренции… Ее разработанность поражает подробностью описания, повышенным вниманием к мелочам и в целом кажется несоразмерно «раздутой» (Т.В.Топорова, 1996: 131). На основе словаря личных имен, составленного Т.В.Топоровой, А.В.Кирилина, проведя исследование семантики женских имен, делает заключение, в котором особо отмечает тот факт, что «в репертуаре женских имен наиболее широко распространены понятия сражения и защиты», что позволяет сделать вывод о том, что «героическая модель мира требовала от женщин качеств, аналогичных мужским. Таким образом, женские наименования, так же как и мужские отражают, прежде всего, героическую, воинственную мо-

дель мира и близки к эталону мужественности» (А.В.Кирилина, 2000: 257–258)[14].

Говоря о семантике английских мужских и женских имен в гендерно маркированных идиомах, мы также отмечаем наличие некоего «дисбаланса», вызванного преобладанием «мужского голоса». Основой для мужских ИС послужили существительные и прилагательные, относящиеся к чертам характера мужчины и его общественному положению. В основном это слова, обозначающие мужественность, могущество, силу воли, смелость, богатство, например: **Richard** – *могущественный государь + сильный и смелый*; **Andrew** – *мужественный, храбрый*; **William** – *воля, желание + воля, зашита*. Для женских имен частотным оказывается значение, связанное с внешним обликом женщины и ее чертами характера, например: **Anne** – *миловидная, симпатичная*; **Eudora** – *щедрая*, **Bertha** – *яркая, светлая*. Таким образом, определенный репертуар понятий, представленный мужскими и женскими именами, указывает на гендерно полярный характер антропонимической сферы, в которой отражаются ценностные характеристики мужчин и женщин и определяются границы «фемининного» и «маскулинного».

Рассматривая источник происхождения антропонимов, входящих в структуру гендерно маркированных ФЕ, следует отметить, что среди факторов, влияющих на выбор и закрепление тех или иных ИС во фразеологическом фонде английского языка, наиболее значимыми являются крупные политические события, имевшие место в различные исторические периоды[15].

---

[14] О гендерном аспекте мужских и женских имен собственных см. также работы А.В.Кирилиной: Мужские и женские имена в межкультурном сравнении // МГЛУ, «Лингвауни-98». Третья международная конференция ЮНЕСКО. – М., 2000. – С.327–339; Семантика личных имен: гендерный аспект // «Колледж», Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А.Красавского. – Волгоград, 2002. – С.135–141.

[15] Одним из крупнейших политических событий является вторжение в Англию норманнов, жителей северной области Франции – Нормандии, а также влияние христианской религии, обращение в которую началось в Англии в VII в. Норманские завоеватели «импортировали» свои антропо-

Итак, исследование этимологической характеристики антропонимов показало, что наибольшей фразеологической активностью среди **мужских** имен в индетерминированных ФЕ обладает имя *John* (*древнееврейское*) и его дериват *Jack (фламандское)*: **long Johns** – *разг.* тёплое бельё; **Jack** (*или* a jack) **of all trades** – мастер на все руки. Большую степень фразеологической активности имеют также имена *Thomas* (*арамейское*) и производные от этого имени, например **Tom Tailor** – портной, и *Charles* (*древневерхненемецкое*) и дериваты этого имени: **good-time Charlie** – *разг. неодобр.* гуляка, повеса, прожигатель жизни.

нимы (современные имена HUGO, RALPH, RICHARD, ROBERT/ ROGER, WILLIAM и др.), которые вскоре стали вытеснять англосаксонские имена. Усвоение новых имен шло более интенсивно среди правящих кругов. Выжили лишь считанные англосаксонские имена, например: ALFRED, EDGAR, EDMUND, EDWARD, ETHELBERT, HILDA, MILDRED и др.

Вытеснению англосаксонских имен способствовало прибытие в Англию из Рима в конце VI в. миссионеров папы Григория Великого. Номенклатура личных имен начинает пополняться библейскими именами, непонятными для основной массы населения. Члены королевской семьи и высшие должностные лица начинают именоваться каноническими христианскими именами. Однако низшие слои населения по-прежнему именовались понятными им языческими именами, и до конца XVI в. библейские имена еще не заняли доминирующего положения в системе английских личных имен. Как указывает Уидиком в конце XII в. по частотности употребления библейское имя JOHN занимало лишь пятое место, уступая первые места именам WILLIAM, ROBERT, RALPH и RICHARD. А женские библейские имена MARY, ANNE, JOAN и ELIZABETH впервые упоминаются в письменных памятниках в начале XIII в. В XVI–XVIII вв. самыми распространенными мужскими именами были норманнское имя WILLIAM и библейские имена JOHN и THOMAS, а наиболее популярными женскими именами стали ELIZABETH, MARY и ANNE. Реформация – социально-политическое движение, принявшее в странах Западной Европы в XVI в. форму борьбы против католической церкви, – внесла существенные изменения в систему английских личных имен. Небиблейские имена святых попали в опалу, и в конце XVI в. такие имена, как AGNES, BARBARA, BASIL, CHRISTOPHER, DENIS, стали встречаться редко. В это же время широкое распространение получили имена из Ветхого Завета: BENJAMIN, JACOB, JOSEPH, SAMUEL, SARAH, SUSAN (А.И.Рыбакин, 2000).

Среди **женских** имен наибольшей фразеологической активностью в индетерминированных идиомах характеризуются имена *Mary, Jane, Betty и Eliza* (производные от Elizabeth): Mary и Elizabeth – *древнееврейские* имена, Jane – *средневековое латинское*. Например: **Brown Betty** – *преим. амер.* хлебный пудинг с яблоками; **a plain Jane** – непривлекательная девушка или женщина; **little Mary** – *разг. шутл.* желудок; **a bloody Mary** (*или* **mary**) – «кровавая Мэри» (коктейль из водки и томатного сока со льдом) [по цвету коктейля].

Анализируя этимологию ИС в детерминированных ФЕ, следует отметить, что большой степенью фразеологической активности обладают древнееврейские, древнегреческие и древне-, среднеанглийские антропонимы: **Joseph's coat** (*древнееврейское* имя) – разноцветная, богатая одежда; почетное одеяние [*этим. библ.* Genesis XXXVII, 3]; **Joe Miller** (*среднеанглийская* фамилия): 1) сборник шуток, анекдотов [по имени актёра Дж. Миллера (J.Miller, 1684–1738), издавшего первый в Англии сборник шуток]; 2) плоская острота, старая шутка, избитый анекдот; **Socratic method** (*древнегреческая* фамилия) – тщательный, последовательный логический анализ чего-л.; **Pandora's box** (*древнегреческое* имя) – *книжн.* ящик Пандоры, источник всяческих бедствий [*этим. миф.*]; **great Scott!** (*древнеанглийская* фамилия) – боже мой!, великий боже!, видит бог!; **Box and Cox** (*древнеанглийские* фамилии) – люди, занимающее помещение поочерёдно.

Таким образом, этимологический анализ личных имен показал, что имена, которые образуют наибольшее количество индетерминированных ФЕ, не являются исконно английскими, тогда как ИС, участвующие в образовании детерминированных гендерно маркированных идиом, относятся как к исконно английским, так и к заимствованным антропонимам. Объяснение наличия большого количества заимствованных ИС в структуре идиом следует искать в особенностях развития культуры и истории страны. Тот факт, что наибольшее количество фразеологизмов содержит в своем составе *древнееврейские и древнегреческие* имена, говорит о тесной связи английской фразеологии с национальной и мировой культурой и литературой, чью роль в формировании общественного сознания, вкусов и нравов членов общества нельзя недооценивать. Чрезвычайна важна также роль и влияние Библии на развитие и пополнение фразеологического фонда английского языка.

§ 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ ИДИОМ

2.1. Семантика ИС. Роль аллюзивного потенциала

В настоящее время вопрос о содержательной интерпретации антропонимов вызывает много противоречий. Анализируя различные подходы к проблеме существования или отсутствия значения у ИС, следует отметить два противоположных, но в равной мере распространенных взгляда по вопросу значения ИС:

1. ИС не имеют лексического значения (О.Функе, А.Марти, Дж.С.Милль, В.Брёндаль, К.Тогебю, К.С.Аксаков, Е.М.Галкина-Федорук, А.А.Реформатский, К.А.Левковская, О.С.Ахманова и др.). Сторонники данного подхода считают, что ИС лишены лексического значения и способны выполнять только номинативную функцию[16].

2. ИС имеют лексическое значение (Х.Джозеф, Х.Сёренсен, А.Гардинер, А.Доза, М.Бреаль, Л.В.Щерба, О.Есперсен, Б.Рассел, А.В.Суперанская, Л.П.Ступин, Е.Курилович, С.Д.Кацнельсон и др.)[17]. А.А.Живоглядов отмечает, что «в традиционных представ-

---

[16] Объявляя ИС семантически неполноценными, представители данного направления подкрепляют свои положения следующими доводами: ИС не выражают понятия, поскольку они, в отличие от ИН, не заключают в себе признаков предметов, не обладают свойствами обобщения, что, в свою очередь, предопределяет отсутствие у них лексического значения. Авторы, отстаивающие вышеупомянутую точку зрения, связывают обобщающее свойство смысловой стороны слова с представлением о множестве однородных предметов. Между тем, объектом познания и обобщения может быть не только класс однородных предметов, но и отдельный его представитель – носитель ИС. Как отмечает Г.П.Манушина, по-существу, все усилия этих исследователей сводятся к доказательству того неоспоримого факта, что ИС не располагают семантическими свойствами ИН, т.е. не обладают так называемым «апеллятивным» значением. Но ведь именно отличительные особенности создают специфику обеих категорий и служат основой их разграничения (Г.П.Манушина, 1973).

[17] Второй взгляд включает в себя теории, значительно отличающиеся друг от друга вследствие различия в подходе к проблеме значения слова вообще, и в частности в вопросе соотносимости значения слова с понятием. Сторонники взгляда на ИС как имеющие лексическое значение расходятся в вопросе о том, выражают ли ИС понятие или нет. А.В.Супе-

лениях антропонимы рассматриваются как языковые единицы, лишенные предметно-вещественного содержания. Однако ограничение семантики антропонимов только номинативным значением явно недостаточно. В действительности оно осложняется коннотациями, дополнительным логическим значением, внутренними потенциальными связями самого имени» (А.А.Живоглядов, 1998).

Итак, признавая ИС равноправными с ИН лингвистическими знаками, спецификой которых является выделение в языке индивидуального из общего, мы, вслед за Х.Сёренсеном, А.Гардинером, А.В.Суперанской и др. признаем, что ИС имеют лексическое значение. Следовательно, встает вопрос о том, из каких элементов состоит значение ИС, в чем проявляется его специфика и на каком уровне языкового значения антропонима реализуется гендерный компонент?

В семантике ИС, как отмечает М.И.Ермаченко (1970), можно выделить два аспекта: денотативный и сигнификативный. Однако денотативный аспект ИС отличается от денотативного аспекта значения других лексических единиц. Отличие заключается в том, что он предполагает соотнесенность с индивидуальным, единичным денотатом, тогда как денотативный аспект других лексических единиц есть соотнесенность с классом денотатов. При этом, денотатом ИС может быть как реально существующее лицо, так и идеальный объект, например литературный герой (М.И. Ермаченко, 1970).

ранская, например, считает, что «их понятийность стремится к нулю» (А.В.Суперанская, 1967). По мнению А.А.Уфимцевой, ИС «не способны выражать обобщенное понятие», «они хотя и относятся часто к лексически значимым, однако, строго говоря, по тому, какую роль они выполняют в структуре языка и каким типом смыслового содержания они наполнены, их следовало бы отнести к категории «лексически неполноценных» словесных знаков» (А.А.Уфимцева, 1968).

Другую разновидность второго взгляда представляют теории, утверждающие различие значение ИС и ИН по объему: одни утверждают, что ИС имеют больший объем значения, другие, напротив, считают объем значения ИС меньшим, чем ИН. Однако, как отмечает М.И.Ермаченко, утверждения такого рода не могут быть обоснованными до тех пор, пока не разработан точный метод измерения объема значения (М.И.Ермаченко, 1970).

Сигнификативный аспект есть заключенная в слове и выражаемая им характеризующая информация о предметах и явлениях внешнего мира с точки зрения присущих им свойств, качеств, различных особенностей и т.д. По мнению М.И.Ермаченко (1970), сигнификативная сторона значения ИС включает в себя, с одной стороны сигнификативную общность (сигнификативный инвариант), с другой – сигнификативную специфику. Сигнификативная общность ИС обусловлена их номинативной функцией по отношению к одному и тому же классу денотатов в системе языка. Если взять три имени: Pierre Leblanc, Jean Dubois, Michel Lebaif (пример М.И.Ермаченко), то общей информацией, которую можно отнести к сигнификации, является то, что все они характеризуют обозначаемый объект, указывая на его одушевленность, пол и вероятную национальность.

Раскрытие (актуализация) сигнификативной специфики ИС связано с экстралингвистическими факторами. Сигнификативная специфика ИС, подчеркивает М.И.Ермаченко, выявляется только в том случае, когда это ИС известно, когда мы включены в его сферу бытования, знакомы с его денотатом. В сигнификативной специфике преломляются специфичные черты денотата (М.И.Ермаченко, 1970).

Рассматривая семантику ИС, Д.И.Ермолович связывает различные аспекты их лексического значения с видом номинации – интродуктивной, классифицирующей, индивидуализирующей и характеризующей – и относит к сигнификации ИС классифицирующий и индивидуализирующий этапы процесса их номинации. Классифицирующий компонент сигнификата, по словам Д.И.Ермоловича, отражает признак денотата (*Andrew* – это имя человека, мужчины, предположительно члена англоязычного коллектива); индивидуализирующий – присутствует в семантической структуре ИС как указание на то, что обозначается не весь класс, а отдельный референт в его пределах (Д.И.Ермолович, 1981).

Таким образом, вслед за М.И.Ермаченко и Д.И.Ермоловичем, мы считаем, что гендерная отнесенность имени фиксируется в его сигнификации, поскольку именно в сигнификативном аспекте значения ИС заложена информация о родовом признаке антропонима, т.е. указание на пол человека, называемым каким-либо именем, например *John*, *Henry* в отличие от *Mary*, *Anna*.

Рассмотрение семантики ИС было бы неполным без обращения к описанию коннотации антропонимов и их **аллюзивного потенциала**.

У ИС доминирует связь «имя-объект», поэтому вокруг имени группируются различные исторические, мифологические, религиозные, литературные, политические ассоциации, причем это в большей степени характерно для единичных, чем для множественных антропонимов. При интерпретации ИС и их производных требуется выход за рамки чисто языковой компетенции в область предметных знаний. В этом случае имеет смысл говорить об «энциклопедической компетенции» – термин Л.М.Сапожниковой (1987), под которой понимается осведомленность не только относительно референциальной соотнесенности ИС и его системного значения, но и относительно его когнитивного ореола – характерных качеств, свойств, основных событий, связанных с этим именем. Некоторые антропонимы, отмечает И.М.Шокина (1998), всегда аллюзивны, и тогда аллюзивность сливается с денотативным значением данной единицы. Информативность таких имен определяется не столько языковым материалом, сколько общественным знанием определенных реалий. Аллюзивные ИС, к каковым относятся единичные антропонимы, обладают большим ассоциативным потенциалом. Например «Меценат» – имя одного древнего римлянина, которое могло бы принадлежать многим людям, все же является отличным от всех прочих имен потому, что ассоциируется с человеком, который был «богатым покровителем искусств» (И.М.Шокина, 1998).

Наличие аллюзивного потенциала в семантике ИС имеет принципиально важное значение для исследования гендерно маркированных идиом, компонентами которых антропонимы являются, так как оно (аллюзивное значение) напрямую связано с социально-эмоциональной оценкой имени, понимаемой как «знание социума о самом себе и о собственном отношении к тем или иным явлениям отражаемой объективной реальности» (В.Я. Шабес, 1990: 160). На основе аллюзивного потенциала ИС развивается коннотация антропонима, которая в дальнейшем может явиться той движущей силой, которая будет способствовать переходу ИС в ИН.

С точки зрения гендерных исследований интерес представляет тот факт, что аллюзивный потенциал единичных ИС может усиливаться, что приводит к формированию чрезвычайно устойчивой коннотации и к «стиранию» гендерной референции имени. Усиление аллюзивного потенциала ономастического компонента и его переход в устойчивую коннотацию приводит к тому, что на основе актуализации какой-нибудь основной, наиболее типичной для данного референта ИС черты, появляется возможность употребления этого имени по отношению к денотату противоположного пола, поскольку во главу угла ставиться качественная характеристика объекта с преобладающим коннотативным значением, а не гендерная референция денотата. Данное явление создает условия для перехода антропонима в разряд апеллятивов. Датский лингвист О.Есперсен справедливо отмечал, что «имена собственные (в том виде, как они реально употребляются) коннотируют наибольшее количество признаков», поскольку способны вызвать собою разные ассоциации, связанные с конкретным объектом: «Если бы имена собственные не коннотировали большого количества признаков, было бы невозможно понять и истолковать обычный переход имени собственного в имя нарицательное» (О.Есперсен, 1958: 72).

Говоря об аллюзивном потенциале, достаточно устойчивых ассоциативных связях ИС, относящихся к единичным денотатам, следует отметить, что это явление, хотя и в меньшей степени, характерно и для множественных антропонимов. В ряде словарей личных имен в дефинициях множественных антропонимов нередко указывается конкретное лицо, благодаря личным, как правило, выдающимся заслугам (способностям или поступкам) которого его имя не только получает широкое распространение, но и приобретает определенного рода коннотации, хотя и имеющие неярко выраженный характер. Например,

Alexander

Greek, ‘defender of men’. There is a Hittite clay tablet recording a King Alaksandus dating from about 1300 B.C. and it is the hereditary name of the Macedonian kings, the third of whom was Alexander the Great. The name came to Scotland first in the 12th century and became a favourite in the England of the Middle Ages. Today its use is increasing in all English-speaking countries, though it is still most highly regarded in Scotland (“A Name for Your Baby”, London, 1984).

Таким образом, чем меньше аллюзивный потенциал, тем меньше вероятность формирования у ИС устойчивой коннотации, а соответственно и меньше вероятность перехода ИС в нарицательное.

Следовательно, мы можем говорить об определенной взаимосвязи между аллюзивным потенциалом и коннотативным аспектом значения у ИС. У единичных и множественных антропонимов, как показало исследование, можно выделить два типа корреляции между аллюзивными и коннотативными составляющими их семантики: 1) наличие или отсутствие аллюзивного потенциала в семантике имени обусловливает наличие или отсутствие определенного коннотативного значения; 2) именно превалирование коннотативного аспекта значения в ряде случаев позволяет «снять» гендерную отнесенность имени. «Стертый» аллюзивный потенциал множественных ИС препятствует формированию устойчивой коннотации, что в свою очередь приводит к сохранению четкой гендерной референции антропонима.

2.2. Условия деонимизации значения антропонима

С точки зрения гендерной лингвистики одним из важнейших вопросов, касающихся семантики ИС как компонента гендерно маркированных ФЕ, является вопрос перехода антропонима в разряд апеллятивов. Рассмотрение этого семантического изменения представляется важным и для изучения процесса фразеологизации, если в нем участвует ИС. Такой переход, как правило, связанный с изменением семантики имени, с его окончательным отрывом от денотата, приводит в ряде случаев, как уже отмечалось выше, к снятию гендерной референции единицы. В связи с этим появляется возможность употребления ИС по отношению к лицам противоположного пола, например: *Ann is hard to deal with. She is simply Dr Jekyll and Mr Hyde. – С Энн трудно иметь дело. Она просто Д-р Джекилл и М-р Хайд.*

Исследователи выделяют несколько способов перехода ИС в нарицательные, в частности Л.М.Щетинин предлагает два способа: обобщение и номинацию. В основе обобщения лежит изменение (расширение) предметной соотнесенности существующего лексического значения ИС. Возможно также формирование единицы с

совершенно новой предметной соотнесенностью на базе ИС (Ч.Макинтош; *макинтош* – пальто или плащ из прорезиненной ткани). В зависимости от структуры названия Л.М.Щетинин различает полностью перенесенные нарицательные имена (однословные): *крез, боливар* и частично перенесенные (составные наименования): закон *Ома*. В составных наименованиях связь с ИС утрачена не полностью (Л.М.Щетинин, 1962). Рассматривая процесс деонимизации ИС А.В.Суперанская выделяет ведущую роль коннотации в этом процессе[18]. Коннотация, создание образа, а вместе с тем и потенции перехода в нарицательные возникают у собственных имен в тех случаях, когда: 1) денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, получивших некоторый общий минимум воспитания и образования (имена наиболее популярных политических деятелей и деятелей литературы и искусства, современных и минувшей эпохи); 2) имя перестает связываться с одним сколько-нибудь определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей. При этом типичность может проявляться как в лексическом содержании онимических основ, так и в моделях имен. Например, у Чехова («Дом с мезонином») *Анны, Мавры, Пелагеи*, присутствующие в речи Лиды, – однозначно воспринимаются как русские крестьянки (А.В.Суперанская, 1978).

Можно выделить несколько моделей, по которым развивается нарицательное значение ИС: а) лицо – лицо: *геркулес* в значении «силач»; б) лицо – вещь: *макинтош* в значении «плащ»; в) место –

---

[18] ИС будучи индивидуальным обозначением отдельного предмета, как отмечает А.В.Суперанская, не связано с понятием, но может иметь побочные, дополнительные коннотации (если именуемый объект достаточно хорошо известен). Если какая-либо из побочных коннотаций начинает превалировать, ИС превращается в нарицательное (в языке вообще или только в данной речевой ситуации). Объект, именуемый ИС, всегда определенен и конкретен. Тенденция перехода ИС в нарицательное наблюдается также, если конкретность именуемого объекта становится неочевидной. И, наоборот, если именуемый нарицательным именем объект становится определенным и конкретным, возрастает вероятность его перехода в ИС (А.В.Суперанская, 1978).

вещь: *бордо* в значении «вино»; г) лицо – действие: *бойкот* в значении «прекращение отношений»; д) местность – действие: *панама* в значении «обман»; е) лицо – единица измерения: *ампер, кулон, ангстрем* (Н.В.Юшманов, 1942: 808); ж) местность – место: *Камчатка* в значении «отдаленное место»; з) лицо – место: *пенаты* в значении «родной дом» (А.В.Суперанская, 1978).

Непременным условием перехода ИС в ИН, по мнению большинства исследователей, является то, что все члены данного языкового коллектива (или хотя бы микроколлектива) должны иметь определенные, пускай самые общие, но однотипные представления об общих свойствах денотата имени (о коннотациях имени). Поэтому и содержанием нового понятия становится обычно лишь то общее, что известно каждому члену языкового коллектива о денотате данного имени. А.А.Живоглядов отмечает, что это относится, прежде всего, к наиболее частотным именам, чья связь, например, с указанием на обычность имени возникла на протяжении длительного времени в бесчисленных контекстах. Так, имя *Tom* приобрело значение «простой, обыкновенный человек»; аналогично, *Dick* – «парень, малый», *Harry* – «парень, говорящий на кокни». «Классифицирующее» имя собственное личное, по словам А.А.Живоглядова, возникает в результате взаимодействия трех факторов: а) наличия объективной связи имени с предметным рядом «человек», который в английском языке имеет тенденцию к родовому и «родственному» сужению; б) объективной обобщающей способности «множественной антропонимической рамки» (артикль + имя собственное + показатель множественного числа); в) субъективной предрасположенности адресанта и адресата к поиску апеллятивного коррелята имени как его «этимона» (А.А.Живоглядов, 1998).

Д.И.Ермолович считает, что переход ИС в ИН связан, прежде всего, с разграничением **прямой (первичной) и переносной (вторичной)** номинативных функций. В прямой номинативной функции ИС служит для указания на тот предмет, которому оно присвоено в индивидуальном порядке. Переносная номинативная функция ИС характеризуется переносом наименования на другой предмет, в связи с чем оно получает способность приписывать какие-то свойства ряду объектов. Через номинативный перенос происходит переход ИС в нарицательные слова (Д.И.Ермолович,

2001). В переносном значении антропонимы выступают в тех случаях, когда они служат средством образной характеризации и могут быть отнесены к иным референтам, чем в прямой номинативной функции.

К переносным значениям множественных и единичных антропонимов следует подходить отдельно. **Множественные** антропонимы, как отмечает Д.И.Ермолович, обретают вторичную номинативную функцию благодаря случайно возникающим ассоциациям, которые впоследствии закрепляются в речевой практике. Переносные значения у этой категории имен могут образовываться на основе одного из трех признаков: 1) признак принадлежности к человеческому обществу; 2) родовой признак; 3) национально-языковой признак.

Содержательные признаки принадлежности к человеческому обществу и определенному полу становятся главенствующими при употреблении, например, мужских личных имен *Joe, Jack, Billy, Charlie, Tom, Mac* в значении «любой мужчина», и женских личных имен *Jane, Judy* – в значении «любая женщина или девушка». Как бы продолжением родового признака являются ассоциативные элементы, на которых базируются номинативные единицы со значением «уличная женщина» (*Moll, Poll*), «женственный мужчина» (*Cissy, Jessie, Nancy, Mary*).

Ведущим во вторичной номинации может быть и национально-языковой признак, и тогда мы имеем дело с так называемыми этническими кличками, обозначающими (часто пренебрежительно или шутливо) типичного представителя какой-либо национальности, например: *Jack, Mack, Sandy* – шотландец; *Hick, Paddy* – ирландец; *Fritz, Heinie* – немец и т.п. Распространенность ряда имен в провинции способствовала их использованию в значении «сельский житель, деревенщина». Это свойственно, например, мужским именам *Hick* (дериват имени Richard), *Hodge* (от Roger), *Hob* (Robert) и женским *Jenny, Molly*.

Этот список можно было бы продолжать достаточно долго, но как справедливо отмечает Д.И.Ермолович, все приведенные выше примеры показывают, что в переносных значениях множественные антропонимы выступают достаточно нерегулярно и во многих случаях немотивированно. Например, ИС Joe выражает идею «типичный американец», а ИС Jimmy, не менее распрост-

раненное, – нет. Нерегулярный характер вторичной номинативной функции множественных антропонимов как лексической группы объясняется отсутствием социально закрепленной информации в их первичной номинативной функции, что создает мало возможностей для переноса значения. Поэтому основой переносного значения, в дополнение к общим понятийным признакам значения множественного антропонима, часто становятся относительно случайные ассоциативные признаки.

В отличие от множественных, **единичные** антропонимы обладают более богатой смысловой структурой. Это позволяет им регулярно выступать в качестве характеризующих словесных знаков при вторичной номинации. Д.И.Ермолович считает, что если условно представить себе некоторый путь, который имя собственное преодолевает в направлении превращения в имя нарицательное, то ближе всего к первичному значению ИС оказываются в **сравнениях:** He had a super-brilliant brain and he was funny like *Lenny Bruce.* (S.Davidson) – У него был блестящий ум, а сам он был забавен, как *Ленни Брюс*; I can read the stock-market pages better than *Bernard Baruch.* (J.Salinger) – Биржевые сводки в газете я читаю получше *Бернарда Баруха!* (Д.И.Ермолович, 2001).

Дальнейший перенос номинации может идти по двум возможным направлениям: **метафора** (перенос наименования по сходству) и **метонимия** (перенос наименования по смежности). Единичные антропонимы легко вовлекаются как в тот, так и в другой процесс: круг деятельности человека, его связи с окружающим миром так широки, что включают самые разнообразные отношения сходства и смежности.

Во вторичной номинативной функции происходит нейтрализация той части индивидуализирующего компонента значения, которая закрепляет единичное ИС за определенным лицом. Антропоним, таким образом, становится на путь перехода в разряд классифицирующих знаков. Однако регулярность образования вторичного наименования способствует сохранению семантической двуплановости, т.е. двойной предметной отнесенности имени – к единичному языковому референту и объекту характеризации (Д.И.Ермолович, 1981).

Индикатором степени десемантизации антропонима может также служить написание ИС. Написание ИС со строчной буквы

символизирует окончательный переход ИС в ИН. Имя, полностью утратив связь со своим денотатом, становится апеллятивом, например **to boycott**. Особенно актуальна проблема написания ИС во фразеологизмах. Так как ИС в идиомах часто уже не является именем человека и не воспринимается носителями языка как имя, а представляет из себя некий образ, то в ряде случаев оно получает написание со строчной буквы. Однако среди фразеологов нет единства взглядов в отношении орфографии антропонима. Так, Р.Н.Попов (1967) предпочитает написание с прописной буквы ИС в идиомах, а например, составители словаря русских ФЕ под ред. А.И.Молоткова (1978) – со строчной. На деле же многие ИС сохраняют два вида написания в структуре идиомы: **on one's jack** (*или* **Jack** Jones) – *жарг.* один, в одиночку; в одиночестве.

Апеллятивация ИС имеет принципиально важное значение при рассмотрении гендерно маркированных ФЕ. ИС в английском языке, сохраняя генетическую связь с категорией рода и, следовательно, с носителем антропонима того или иного пола, в процессе фразеологизации может проявлять тенденцию к снятию своей эксплицитно выраженной гендерной характеристики в результате десемантизации значения. Фразеологизированное ИС играет роль некоего посредника, объединяющего противоречия антиномии **имя собственное :: имя нарицательное,** и даже нейтрализующего их. С одной стороны, такое ИС еще сохраняет ономастические признаки, с другой – уже становится апеллятивом. В этом – основная специфика фразеологизированного имени, отсюда – важность изучения ИС для понимания проблемы семантичности или асемантичности ономастики в гендерной фразеологии.

Становясь частью ФЕ, ИС теряет связь с конкретным лицом или объектом и утрачивает свою ономастическую функцию, перестает быть выражением предельной единичности, начинает обобщать, происходит трансформация значения. Утрачивая связь с конкретными единичными понятиями, ИС приобретает дополнительные коннотации. При этом во фразеологии, по мнению В.М.Мокиенко (1980), очень ярко проявляется диахронический характер ИС, а следовательно, и его семантичность, поскольку сущность фразеологического значения в совмещении актуального (вещественного) фразеологического значения со значением этимологическим. Двуплановость фразеологизированного ИС и

создает напряжение, обусловливающее коннотативность – необходимое свойство фразеологизмов. Е.В.Иванцова (1996) указывает на то, что, потеряв функциональные признаки ИС, ономастический компонент ФЕ продолжает сохранять тесную генетическую связь с ИС, которая постоянно готова актуализироваться. Готовность к актуализации, обусловленная совмещением ономастической и апеллятивной характеристик ИС и составляет специфику функционирования последнего в составе фразеологизма. В зависимости от способа фразеологизации можно выделить две группы фразеологизмов: 1) ФЕ с ИС, переосмысленными в составе фразеологизма; 2) ФЕ с ИС, прошедшими семантическую трансформацию до возникновения фразеологического оборота. В первую группу входят ИС, имеющие единичный денотат – это *наименования исторических лиц, литературных персонажей, мифонимы, библеизмы.* За именами этой группы стоят конкретные лица. Энциклопедическое значение этих ИС тесно связано со свойствами и признаками их носителей. В ряде случаев процесс фразеологизации происходит не на основе денотативной соотнесенности ИС, а на основе тех символических значений ИС, которые развились у ИС еще до фразеологизации. Е.В.Иванцова отмечает, что, как правило, такие значения приобретают ИС, широко распространенные в языке: Иван, Емеля, Варвара, Марья и др. (множественные ИС). При этом характерно, что если ИС, имеющие единичные денотаты, приобретают культурно-информационные коннотации, то множественные ИС приобретают социально-оценочные коннотации (Е.В.Иванцова, 1996).

§ 3. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИДИОМ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

3.1. Структурно-функциональные особенности фразеологических единиц с антропонимами

Анализ 355 идиом с ономастическим компонентом показал следующее распределение ФЕ по структурно-функциональным классам: наибольшим по количеству входящих в него идиом является класс субстантивных ФЕ – 247 идиом. По своему количеству субстантивные ФЕ занимают первую позицию во всех

четырех группах идиом с ономастическим компонентом. Второе положение занимают глагольные идиомы – 45 единиц. Коммуникативные ФЕ занимают третью позицию по количеству входящих в данный класс идиом – 23 пословицы и поговорки. Среди ФЕ с ономастическим компонентом 18 идиом относятся к классу адъективных фразеологизмов. Адвербиальный класс включает 14 гендерно маркированных идиом, и 8 единиц с ИС относятся к междометным фразеологизмам.

Рассматривая структурно-функциональные классы индетерминированных ФЕ, следует отметить отсутствие в данной группе адъективных идиом. В двух группах детерминированных ФЕ (ФЕ с именами и фамилиями, прототипами которых являются конкретные, реально существовавшие личности и ФЕ с именами и фамилиями мифологических и библейских персонажей) присутствуют все шесть классов фразеологизмов. В третьей же группе детерминированных ФЕ (ФЕ с именами и фамилиями литературных персонажей) отсутствуют междометные фразеологизмы. В целом же во всех группах отмечается явное превалирование субстантивных ФЕ и довольно «плавное» количественное распределение остальных фразеологизмов по другим пяти классам с незначительным превалированием либо глагольных (группы I, II, III), либо коммуникативных идиом (группа IV).

3.2. Субстантивные идиомы

Исследование субстантивных идиом показало, что они распределяются по двум семантическим подгруппам с обозначением: а) лица (108 единиц) и б) не-лица (неодушевленного предмета, абстрактного понятия – 139 идиом). Количественный анализ детерминированных и индетерминированных ФЕ как с мужскими, так и с женскими антропонимами позволяет сразу же обнаружить определенную закономерность. В первой группе, куда входят ФЕ с именами и фамилиями, которые не относятся к конкретному денотату, идиом, обозначающих лицо, вдвое больше, чем фразеологизмов, обозначающих неодушевленный предмет. Во второй и третьей группах, которые включают ФЕ с именами и фамилиями, прототипами которых являются конкретные, реально существовавшие (существующие) личности и ФЕ с именами и

фамилиями мифологических и библейских персонажей, доминирующее положение занимают идиомы, которые обозначают не-лица (неодушевленные предметы). Среди ФЕ с именами и фамилиями литературных персонажей (четвертая группа) с незначительным преимуществом превалируют фразеологизмы, обозначающие лица. Количественные данные представлены в таблице:

	Обозначение лица	Обозначение не-лица
Индетерминированные ФЕ Группа I	49	27
Детерминированные ФЕ		
Группа II	12	43
Группа III	13	41
Группа IV	34	28

Поскольку особенности семантического аспекта номинации по оппозиции «**лицо – неодушевленный предмет»** играют принципиально важную роль в определении гендерной референции идиом, в дальнейшем мы будем рассматривать специфику проявления гендерного компонента в семантике индетерминированных и детерминированных фразеологизмов, обозначающих лица и неодушевленные предметы, отдельно.

3.2.1. Обозначение лица

Гендерный фактор по-разному проявляется и может иметь свою специфику реализации в семантике индетерминированных и детерминированных ФЕ, обозначающих лица.

В **индетерминированных** ФЕ с мужскими именами исследование гендерной референции позволяет выделить следующие группы:

1) **20** ФЕ относятся к референту-мужчине: **Joe Bloggs** *разг.* – средний американец (an average man assumed to be a typical member of the population; i.e. ‘the man in the street’ or ‘the man on the clapham omnibus’ [BDCPF]);

2) **16** идиом могут употребляться ко всем лицам независимо от пола: **good-time Charlie** *разг. неодоб.* – гуляка, повеса, прожигатель жизни (a person recklessly pursuing pleasure [NODE]);
3) **1** ФЕ относится к женскому референту: **a tomboy** – девочка или девушка-подросток, которая ведет себя как мальчик, предпочитает компанию мальчиков и их игры (a young girl, below the age of adolescence, who behaves like a boy, preferring the company of boys and their games [PDEI]);
4) **2** ФЕ, являясь полисемантичными, в одном фразео-семантическом варианте относятся ко всем лицам, в другом – к мужчине: **John Q. Public** – 1) широкая публика; 2) обыкновенный средний американец (1) the public; 2) an average American man [CIDI]);
5) **2** идиомы составляют группу с парными соответствиями: **John/Jane Doe** – 1) *юр.* воображаемый истец (и ответчик) в судебном процессе; 2) *амер.* неизвестное лицо; (a man or boy/a woman or a girl whose name must be kept secret or is not known, especially in a court of law [CIDI]).

В индетерминированных фразеологизмах с <u>женскими именами</u> исследование гендерной референции позволяет выделить только две группы, а именно:

1) **2** ФЕ относятся к референту-мужчине: **Nancy** (или **pansy**) **boy** *жарг.* – педераст, гомосексуалист (an effeminate young man; a homosexual [PDEI]);
2) **6** ФЕ относятся к референту-женщине: **Big Bertha** *амер. жарг.* – толстая женщина, толстуха (*US slang* a fat woman [BDCPF]); **a plain Jane** – непривлекательная женщина или девушка (a woman or girl who is not attractive [CIDI]).

По характеру гендерного макрокомпонента, до известной степени определяющего гендерную отнесенность, все **детерминированные** идиомы с <u>мужскими именами</u> распределяются по следующим группам:

1) ФЕ, имеющие только референта-мужчину:

II группа – **9** ФЕ: **a Beau Brummel** «красавчик Браммел», щеголь, денди, франт [Дж. Б. Браммел (G.B.Brummel, 1778 – 1840) – знаменитый денди своего времени] (1. esp. *US* an admirer; a boyfriend; 2. a fop; a dandy [COD]),

III группа – **8** ФЕ: **son of Adam** – сын Адама, мужчина (a male descendant [NODE]),

IV группа – **19** ФЕ: **Colonel Blimp** – «полковник Блимп» (олицетворение косности, твердолобости, консерватизма) (*Br. old-fashioned* an old man who has old-fashioned ideas and believes he is very important [BDCPF]);

2) идиомы, которые могут относиться как к референтам-мужчинам, так и к референтам-женщинам:

II группа – **3** ФЕ: **Peck's Bad Boy** – *амер.* человек, ставящий других в неловкое положение своей простодушной бестактностью,

III группа – **4** ФЕ: **a Job's comforter** – *неодобр.* горе-утешитель (*BrE old-fashioned* someone who tries to make you feel more cheerful, but actually makes you feel worse [LID]),

IV группа – **12** ФЕ: **a Paul Pry** – человек, сующий нос в чужие дела (someone who is always interfering in other people's affairs, an objectionable busybody [PDEI]).

В детерминированных ФЕ с женскими именами исследование позволяет выделить только один вид гендерной референции, а именно идиомы, относящиеся к женщине:

III группа – **1** ФЕ: **the daughter of Eve** (*тж.* **Eve's daughter**) – дочь Евы, женщина, представительница прекрасного пола (a female descendant [COD]),

IV группа – **3** ФЕ: **Aunt Tabby** (*тж.* **Aunt Thomasina**) – *амер. жарг.* «тетушка Тэбби (*или* Томазина)» (прозвище консервативно настроенной женщины, противницы женского равноправия) (a derogatory expression for a woman who does not agree with the philosophy of Women's Lib. and does not support its aims [BDCPF]).

Во второй группе ФЕ с женским именами идиом, обозначающих лицо, выявлено не было.

Исследование особенностей проявления гендерного компонента в семантике как индетерминированных, так и детерминированных идиом, обозначающих лица, позволяет сделать вывод о том, что в большинстве ФЕ антропоним обусловливает гендерную референцию идиомы. Так, группа фразеологизмов, стержневым компонентом которых является мужское имя, характеризуется андроцентричным характером, в то время как в группе ФЕ с женскими именами, основным объектом номинации является женщина и все, что может ее охарактеризовать как типичную представительницу данного пола. Следовательно, ИС может рассматриваться как относительно устойчивый фактор гендер-

ной референции фразеологизмов, как индикатор эксплицитного проявления гендерного макрокомпонента семантической структуры ФЕ, обозначающих лица.

Однако особо следует отметить тенденцию к употреблению ФЕ с мужскими именами по отношению к референту-женщине. В индетерминированных ФЕ с мужскими именами процесс нейтрализации андроцентричного характера идиом происходит быстрее, чем в детерминированных ФЕ. Причинами данного процесса является то, что при фразеологизации множественные антропонимы, как показало исследование, в связи с отсутствием устойчивой коннотации, подвержены более быстрому переходу в разряд апеллятивов, что приводит к снятию гендерной характеристики ИС и дает возможность употреблять идиому по отношению как к мужчине, так и к женщине. В случае же с единичными антропонимами, при фразеологизации их аллюзивно-ассоциативный потенциал является своего рода «тормозом» процесса нивелирования гендерной референции идиом. Иными словами, аллюзивно-ассоциативный потенциал ИС способствует сохранению гендерной отнесенности ФЕ, не давая ей раствориться в сложнейшей структуре фразеологической семантики. Данное явление позволяет нам сделать вывод о том, что во фразеологии наблюдается тенденция прямо противоположная той, которая была отмечена для собственно антропонимов (см. Глава II, §2, 2.1.), а именно – чем выше ассоциативно-коннотативный потенциал антропонима, тем меньше вероятность того, что у идиомы с этим ИС произойдет «нейтрализация» гендерной референции.

Количественные данные гендерной референции детерминированных и индетерминированных ФЕ с **мужскими** ИС могут быть представлены следующим образом:

ФЕ с мужскими ИС / Тип референции	Референт-мужчина (в %)	«Нейтральная» референция (в %)
I. Детерминированные	65,8	34,2
II. Индетерминированные	51,2	48,8

С позиции гендерных исследований важным при анализе семантики идиом является выделение фразео-семантических областей, в которых происходит актуализация наиболее важных

концептов мужской и женской картин мира, которые способствуют отражению сложившихся в английской фразеологии гендерных стереотипов. Для детерминированных и индетерминированных ФЕ, относящихся к референту-мужчине, основными фразео-семантическими областями являются:

1) *черты характера, склонности, качества*: **the real McCoy** – мировой парень, шикарная личность; **Jack Horner** – самодовольный мальчик; **Colonel Blimp** – «полковник Блимп» (*Br. old-fashioned* an old man who has old-fashioned ideas and believes he is very important [BDCPF]); **a Shylock** – жестокий, безжалостный ростовщик, который отбирает все до последнего у своего дебитора (a ruthless, pitiless money-lender who will extract the last penny from his debtor [PDEI]);

2) *поступки, поведение, образ жизни*: **Hooray Henry** – rich, snobbish young man who moves in fashionable circles, gets drunk easily and enjoys showing off [PDEI]; **a Jack the Lad** – (*British, informal, old-fashioned*) a confident and not very serious young man who behaves as he wants to without thinking about other people [CIDI]; **a gay Lothario** – донжуан, ловелас (a rake or libertine [NODE]);

3) *род занятий, определенная деятельность* (*профессиональная деятельность*): **a son of Mars** – сын Марса, военный (a military man [NODE]); **Jack Ketch** – палач [по имени английского палача XVII в.] (an executioner [NODE]); **Tom Tailor** – портной;

4) *умственная или физическая неполноценность*: **a silly Billy** – дурак, болван (foolish fellow. The nickname for William IV who was considered none too bright [PDEI]); **Tom Thumb** – 1) крошка; карлик, лилипут; = мальчик с пальчик; 2) *презр.* ничтожество, пигмей (a very short male person); **a Peter Pan** – 1) человек, сохранивший детскую непосредственность и живость воображения; 2) *презр.* инфантильный человек (a male adult who mentally remains fixated on his childhood [PDEI]);

5) *внешность, внешний вид*: **an Adonis** – очень красивый юноша (any young man of striking beauty [PDEI]); **Teddy boy** – *разг.* стиляга [по имени английского короля Эдуарда VII, отличавшегося своеобразной манерой одеваться] (*British colloquial.* a youth, esp. of the 1950s, affecting an Edwardian style of dress and appearance, usually a long jacket and drainpipe trousers [COD]);

6) *различного рода отклонения, связанные с поведением, определенными склонностями мужчины*: **Nancy boy** *жарг.* – педераст, гомосексуалист (an effeminate young man; a homosexual [PDEI]); **Miss Nancy** *разг.* – неженка, «девчонка» (о мальчике, юноше); **a Peeping Tom** – a voyeur, a man who takes pleasure in looking secretly at nude women [PDEI]; **Jack the Ripper** – Джек Потрошитель (прозвище убийцы женщин, совершавшего зверские преступления в Лондоне в 1888–91 гг.) (an unidentified 19th century English murderer [NODE]);

7) *прозвища, клички*: **Holy Joe** *амер. жарг.* – 1) «святой Джо» (прозвище священника, тж. военного); 2) «святой Джо», святоша, ханжа (1. a clergyman; 2. a pious person [COD]); **father Abraham** – «отец Авраам» (прозвище президента США Авраама Линкольна [A. Lincoln, 1809–65]); **Tommy Atkins** – Томми Аткинс (прозвище английского солдата) (a generic name given to the English infantry soldiers in the First World War [PDEI]).

Основными фразео-семантическими областями, относящимися к референту-женщине, а следовательно, характеризующими тематические сферы женской картины мира во фразеологии, являются:

1) *внешность*: **a plain Jane** – женщина или девушка с непривлекательной внешностью (a woman or girl who is not attractive [CIDI]);

2) *умственная недостаточность*: **dumb Dora** – *амер. жарг.* глупая девчонка, дурочка (a foolish girl [BDCPF]);

3) *прозвища*: **Aunt Jane** – *амер. жарг.* «тетушка Джейн» (прозвище негритянок-богомолок) (US slang for any enthusiastic Black female member of a church congregation, noted for her uninhibited participation in religious service [BDCPF]); **G.I.Jane** *амер. воен. разг.* – военнослужащая (рядового состава) (nickname given in the 1980s to US army servicewomen who were eligible for all army roles except front-line combat ('jane' is US slang for a woman [BDCPF]); **Aunt Tabby** – *амер. жарг.* «тетушка Тэбби (или Томазина)» (прозвище консервативно настроенной женщины, противницы женского равноправия) (a derogatory expression for a woman who does not agree with the philosophy of Women's Lib and does not support its aims [BDCPF]);

4) *жизненная позиция*: **lady Bountiful** *преим. ирон.* – дама-благотворительница, дама-патронесса (a country lady who gave half her money to charity [PDEI]); a woman who enjoys showing people how rich and kind she is by giving things to poor people [NODE]).

Таким образом, фразео-семантических областей, относящихся к мужчине, к его характеру, поведению, роду занятий, образу жизни, жизненным принципам больше, чем фразео-семантических полей, которые имеют отношение к женщине. Данный факт является доказательством гендерной асимметрии и андроцентричности группы фразеологизмов с ИС, центральное место в которой занимают понятия, раскрывающие ценностные ориентиры мужской картины мира, мужского мировѐдения и мужской перспективы. Женская же картина мира представлена гораздо меньшим количеством фразео-семантических областей, в которых женщина представлена в большей степени как объект оценки, когда черты характера, поступки, внешность женщины рассматриваются с точки зрения их значимости, важности для мужчины.

3.2.2. Обозначение не-лица

Определение гендерного макрокомпонента в семантике ФЕ, обозначающих не-лица, представляет определенную сложность, поскольку в данном случае речь идет в основном об имплицитной гендерной референции, т.е. когда указание на гендерную отнесенность единицы не содержится в дефиниции, но может быть установлено на основании выводного знания. Однако встречаются случаи и эксплицитного выражения гендерного фактора в семантике фразеологизмов, например:

Cordelia's gift – *редк.* тихий, нежный женский голос [подобный голосу Корделии – героини трагедии Шекспира «Король Лир»];

Jane Crow – *амер. жарг.* дискриминация женщин;

the Oedipus complex – the association of patricidal fantasies and feelings of guilt in the mind of the young boy; a concept of the Freudian school of psychoanalysis based on the ancient Greek myth of Oedipus, who unwittingly slew his father and married his mother [PDEI].

Релевантным для декодирования имплицитно выраженной гендерной референции является характер понятия, которое обозначается идиомой. Как в детермированных, так и в индетерминированных ФЕ, обозначающих не-лица, можно выделить две основные подгруппы, которые обозначают: а) предмет (материальный, конкретный); б) абстрактное, отвлеченное понятие. В зависимости от того, что номинирует ФЕ – конкретный предмет или отвлеченное понятие, гендерный фактор может проявляться по-разному.

Природа материальных предметов такова, что при их фразеологической номинации гендерный компонент в той или иной степени обязательно учитывается. Основным фактором, способствующим сохранению и поддержанию гендера в семантике ФЕ, а также его декодированию, является внутренняя форма фразеологизма, создающая определенный ассоциативный фон. Иначе говоря, при декодировании гендерной информации ФЕ, обозначающих материальные предметы, необходимы три составляющие: знание о прототипе ФЕ, о характере переосмысления и о формирующихся на их основе определенных ассоциациях. Например: референция ФЕ **Sam Brown(e)** – *воен. прост.* офицерская портупея (an army officer's belt and the strap supporting it [named after Sir Samuel J. Browne, British military commander d. 1901] [COD]) определяется как **маскулинная** на основе следующих данных:

1. Прототип: лицо мужского пола – командующий вооруженными силами Британии.
2. Метонимическое переосмысление.
3. Ассоциации связаны исключительно с мужчинами: офицерская портупея – атрибут мужчин.

Данный вид гендерной референции может быть определен как **полный**, т.е. отнесение идиомы к сфере «маскулинного» полностью исключает ее отнесение к сфере «фемининного».

Примерами полной гендерной референции могут служить следующие идиомы: **Teddy bear** – плюшевый мишка, медвежонок (детская игрушка) (a soft toy bear; pet form of the name Theodore, with reference to Theodore Roosevelt, US president d. 1919, famous as a bear-hunter [COD]); **Gog and Magog** – Гог и Магог (две статуи в Лондонской ратуше [по одной из английских легенд два оставленных в живых потомка гигантов были привезены в цепях в Лондон и поставлены на страже у королевского дворца] (two giant statues standing in Guildhall, London, representing either the last two survivors of a race of giants supposed to have inhabited Britain before Roman times, or Gogmagog, chief of the giants, and Corineus, a Roman invader [NODE]).

Данные ФЕ имеют **маскулинную** референцию, поскольку, возникшие на основе метафорического и метонимического переосмысления ассоциации связаны исключительно с мужчинами:

игрушка медвежонок мужского пола; статуи, изображающие гигантов – мужчин. В качестве примера гендерной референции ФЕ с женскими именами можно привести идиому **a lazy Susan** – *амер.* вращающееся блюдо с отделениями для разных кушаний и приправ, менажница (a revolving stand or tray on a table, used especially for holding condiments [NODE]) – **фемининная** референция, так как данный предмет был номинирован с помощью женского имени на основе метафорического переосмысления, основанного на ассоциации с женщиной, подающей еду.

При определении гендерной референции абстрактных, отвлеченных понятий, номинированных ФЕ, роль решающего фактора играет внутренняя форма идиомы до процесса переосмысления, и гендерный макрокомпонент идиомы устанавливается с помощью обращения к культурно-историческим фактам, раскрывающим образ носителя того или иного ИС. Таким образом, пол прототипа говорит о возможной исходной гендерной референции идиомы, которая в процессе переосмысления нивелируется. Но следует отметить, что процесс нивелирования гендерного фактора полностью не лишает идиому возможности быть гендерно детерминированным знаком, поскольку ассоциации, полученные в ходе процесса переосмысления, определенным образом могут соотноситься с лицом либо мужского, либо женского пола. Например: **Draconian** (или **Draconic) laws** – драконовские *или* драконовы законы, суровые законы [по имени Дракона, легендарного греческого законодателя VII в. до н. э.] (very harsh laws. Draco was one of the nine chief magistrates in Athens in 621 BC who issued extremely severe laws and punishments that were so bad that Demades, an orator, said that they were written in blood [PDEI]) – **маскулинная** референция. Здесь ведущую роль в гендерной отнесенности идиомы играет пол прототипа, который дополняется в последующем рассмотрении ее семантики ассоциациями, которые вызывает в сознании носителя языка слово «суровые», и связанные с этим словом дополнительные коннотации: суровый, жёсткий, сильный, обладающий властью > мужчина. Еще одним примером определения гендерной референции ФЕ, выражающих отвлеченные понятия, может послужить идиома **the Procrustean** (или **Procrustes') bed** – прокрустово ложе, мерка, под которую насильственно подгоняют что-л., для нее не подхо-

дящее (Procrustean *adj*. seeking to enforce uniformity by forceful or ruthless methods. [Greek *Prokroustes*, literally ‘stretcher’: the name of a legendary robber who fitted victims to a bed by stretching them or cutting off parts of them [COD]), которая также имеет **маскулинную** референцию. Полное декодирование заложенного в данной идиоме понятия и адекватное полнозначное ее понимание возможны при раскрытии образа жестокого разбойника Прокруста и его поступков. В ассоциациях, которые вызывает данная личность, определенную роль играет и фактор пола, что дает возможность обобщения: насилие, жестокость и беспощадность, а также применение силовых мер в решении вопросов в большей степени характерны для мужчин. Иногда ассоциативный фон может «перекрывать» исходную гендерную референцию и «переключать» ее на противоположную, например, в идиоме **Lares and Penates** – домашний очаг, родные пенаты (the home [gods of the household worshipped in ancient Rome] [NODE]) – **фемининная** референция, так как дом, домашний уют в сознании носителя языка чаще ассоциируются с женщиной. Данный вид гендерной референции мы можем определить как «**стертую»**, причем исходная гендерная референция переменного прототипа идиомы при переосмыслении подвергается процессу нивелирования, но полностью не «нейтрализуется», оставаясь в ассоциативном фоне фразеологизма.

Отдельную группу составляют ФЕ, обозначающие как конкретные, материальные предметы, так и абстрактные понятия, в которых роль определяющего фактора гендерной референции играет характеризующая функция фразеологизма, т.е., характеризует ли ФЕ предмет или относится к сфере человека. Если идиома относится к сфере человека, то ее гендерная референция определяется как одновременно мужская и женская или интергендерная. Например, **the life of Riley** – *амер. жарг.* лёгкая, обеспеченная жизнь (the good life; a comfortable life. ‘*The life of Riley*’ is an easy-going life because one does not have to work or is not working. Someone who is poor can lead *the life of Riley* if he doesn’t mind being poor [CCAEI]). Данная ФЕ относится к области человеческого образа жизни, который могут вести как мужчины, так и женщины. Данный вывод подтверждается контекстом:

“When **Henry** retires, he plans to live the life of Riley. He won’t have to work and he’ll be able to putter around the garden every day.”

“Mrs. Hartley used to live the life of Riley until her husband died and she had to take on two jobs to support herself and her children.” [CCAEI].

В качестве примера интергендерной референции ФЕ с женскими именами можно рассмотреть идиому **the Goldilocks way** – чья-либо попытка уладить дела (one’s attempt to get things just right. From the children’s story ‘*Goldilocks and the Three Bears*’, in which *Goldilocks* tries out the food, chairs and beds of the three bears, and finds them too hot, too cold, too hard, too soft, etc., until eventually she discovers the ones that are ‘just right’ for her [PDEI]). Данная идиома относится к сфере человека, характеризует определенные действия, которые могут относиться как к мужчине, так и к женщине. Данный вывод подтверждается следующим контекстом: “The general was determined to stick to his ‘Goldilocks’ war plans – he would fight the enemy in a way that was not too hard and not too soft” [PDEI].

Таким образом, анализ ФЕ, обозначающих не-лица, позволяет выделить разную степень имплицитной гендерной маркированности: а) **полную**, б) **частичную (стертую)**, в) **интергендерную,** которая в определенной степени зависит от объекта номинации (т.е. номинирует ли идиома конкретный предмет или отвлеченное понятие). **Полной гендерной** имплицитной референцией обладают ФЕ, обозначающие конкретные материальные предметы. **Частичной гендерной** имплицитной референцией (или **стертой** референцией**)** обладают ФЕ, обозначающие абстрактные понятия. **Интергендерную** имлицитную референцию могут иметь ФЕ, обозначающие как конкретные, материальные предметы, так и абстрактные понятия, относящиеся к сфере человеческого. Конкретные числовые данные могут быть представлены следующим образом:

ФЕ с *мужскими именами*:

1) полная гендерная референция – 35 ФЕ + 2 ФСВ[19];
2) частичная гендерная референция – 48 ФЕ + 3 ФСВ;

[19] ФСВ – фразео-семантический вариант.

3) интергендерная референция – 27 ФЕ + 1 ФСВ.

ФЕ с *женскими именами*:

1) полная гендерная референция – 16 ФЕ + 1 ФСВ;
2) частичная гендерная референция – 7 ФЕ;
3) интергендерная референция – 2 ФЕ + 1 ФСВ.

Значительное количественное преобладание ФЕ с мужскими именами является определяющим фактором высокого уровня андроцентричности семантической структуры идиом, обозначающих не-лица.

Как показало исследование еще одним чрезвычайно важным моментом в определении гендерной референции ФЕ, обозначающих не-лица, является фактор направленности номинации, т.е. идет ли номинации от объекта (*прогрессивная* номинация), или, наоборот, обусловленная некими экстралингвистическими фактами, в виде некой существующей данности «приходит» к объекту (*регрессивная* номинация). Центральным звеном в выборе направления номинации является само имя собственное. Так, в индетерминированных ФЕ с множественными антропонимами номинация является прогрессивной, т.е. сам субъект, номинируя тот или иной предмет, явление, событие, выбирает имя, которое и станет его центром. Следовательно, гендерный признак становится своего рода «фокусом» фразеологизации для индетерминированных идиом, обозначающих не-лица. Ассоциации, связанные именно с родовыми характеристиками ИС являются одними из самых важных:

1) **long** (или **Long**) **Tom** – 1) *ист. мор.* «Длинный Том», тяжёлая пушка (находившаяся на вооружении небольших судов); 2) *воен. жарг.* «Длинный Том», дальнобойное орудие (калибра 155 мм) (*informal, historical* a large cannon with a long range [NODE]);
2) **Brown Betty** – *преим. амер.* хлебный пудинг с яблоками (1) *chiefly North American* a baked pudding made with apples or other fruit and breadcrumbs; 2) (*British* a large brown earthenware teapot [NODE]).

Номинирование тяжелого орудия и пудинга с яблочной начинкой с помощью мужского и женского имен соответственно неслучайно. Оно вызвано определенными коннотациями: воинственность, военное дело, война, сила, мужество относятся к так называемой области маскулинных понятий; в то время как, что-

то сладкое, вкусное, что-то, что возможно несет в себе какую-то загадку, изюминку, а также, например ассоциации с традиционной деятельностью женщин – готовить еду – относятся к сфере фемининных понятий. Ассоциации, имеющие отношение к областям маскулинных и фемининных понятий, прослеживаются во всех **индетерминированных** ФЕ, и именно они и обусловливают выбор женского или мужского имени, которое становится стержневым компонентом идиомы.

В **детерминированных** ФЕ, номинация является регрессивной. Существующая изначально определенная реальная или ирреальная экстралингвистическая данность, например библейский миф об Иове и выпавшем на его долю тяжелых страданиях, служит источником ассоциаций, на основе которых формируется идиома **Job's news** – *печальные новости, весть о несчастье*. Если мы заменим имя Job**,** например на имя Mike или Betty, произойдет дефразеологизация данной единицы. Следовательно, выбор имени обусловлен экстралингвистической ситуацией и не может произвольно выбираться номинатором. Прототип является мотивирующей базой идиомы, и, следовательно, его рассмотрение ориентировано на декодирование различных элементов коннотации, непосредственно выводимых из образа, лежащего в основе ФЕ, и соответственно является вспомогательным фактором определения гендерной референции.

Таким образом, гендерная референция субстантивных идиом, обозначающих не-лица, непосредственно связана с характером номинируемого объекта, а также с характером ИС – единичные и множественные антропонимы обнаруживают разные свойства в формировании гендерной отнесенности фразеологизма.

3.3. Прочие функциональные классы идиом

Как детерминированные, так и индетерминированные *глагольные* ФЕ распределяются по двум семантическим подгруппам: а) обозначение действия и б) обозначение состояния. Гендерная референция глагольных ФЕ не зависит от принадлежности ФЕ к той или иной подгруппе, она нивелируется и определяется как интергендерная. В **индетерминированных** глагольных идиомах ономастический компонент достигает высшей степени апел-

лятивации, на что указывает написание ИС со строчной буквы и/или употребление антропонима с артиклем, например: take **the mickey/mick** (out of smb.) – (*BrE, spoken*) to make someone to look silly by laughing at them or making them believe something that is not true [LID]; turn **charlie** – *жарг.* струсить; = праздновать труса; to make **a Charlie** of someone – to make a fool of someone [PDEI]. Становясь апеллятивом, ИС теряет свою гендерную идентификацию, сохраняя при этом только антропоцентричную характеристику, и обозначает человека вообще.

В **детерминированных** ФЕ антропоним в большинстве случаев не достигает полного перехода в ИН. ИС в детерминированных ФЕ обладает неким символическим значением, основная его функция – конденсация семантики фразеологизма и передача комплексных сведений о типизированных действиях, состояниях определенного лица, которые могут быть характерными для любого человека независимо от пола, например: break **Priscian's** head – *книжн.* нарушать правила грамматики [*этим. лат.* diminuere Priscianis caput; Присциан – известный римский грамматик VI в. н. э.]; out-**Herod Herod** – «переиродить самого Ирода», перестараться, переусердствовать (to exceed Herod in cruelty and wickedness. It was King Herod who had the babes of Bethlehem put to death (Matthew II, 16) [PDEI]). Однако в детерминированных ФЕ также встречаются единичные случаи полной апеллятивации ономастического компонента, на что указывает употребление артикля и написание ИС со строчной буквы, например: to **gerrymander** – to manipulate the boundaries of a parliamentary constituency so as to gain an unfair advantage, e.g. by transferring a large number of one's opponents to another constituency. Gerry was a governor of Massachusetts [PDEI]; to do **a Thatcher** – to stay in power as prime minister for three consecutive terms. From the former Conservative prime minister Margaret Thatcher [PDEI].

Как детерминированные, так и индетерминированные *коммуникативные* ФЕ распределяются по двум подгруппам: а) пословицы; б) поговорки. Бîльшая часть исследованных нами пословиц и поговорок является гендерно «нейтральной» (интергендерной), т.е. они могут быть отнесены как к референту-мужчине, так и к референту-женщине, например: **Jack is as good as his master** – *посл.* = работник не хуже хозяина (there is no difference

between the boss and the worker. We are all equal and we should all have equal rights [PDEI]); **Queen Anne is dead!** – *разг. ирон.* = открыл Америку! (said in reply to news that is no longer new [PDEI]). Однако четыре коммуникативных ФЕ имеют **маскулинную** гендерную референцию:

1) **he's real Casanova!** – he is irresistible to women. Casanova (1725–98) was an Italian adventurer who had a reputation for being one of the world's greatest lovers [PDEI];
2) **a good Jack makes a good Jill** – *посл.* «если Джек хорош, то и Джилл будет хороша» (ср. у хорошего мужа и жена хорошая);
3) **every Jack has his Gill** (или **Jill**) – *посл.* «для всякого Джека найдётся своя Джилл»; = у каждого голубка своя горлица (every man can find the right woman if he looks for her [PDEI]);
4) **all shall be well, Jack shall have Jill** – «всё будет хорошо, и Джилл достанется Джеку».

В первой ФЕ обнаруживается осуждение мужской безнравственности, сексуальной распущенности. Три другие ФЕ основаны на оппозиции «мужское – женское», где правый член данной оппозиции представляет активное начало, а левый – пассивное. Во второй пословице декларируется не только право мужчины главенствовать, но и его ответственность за свою спутницу жизни, поскольку от того, насколько достойно будет жить мужчина и как он будет заботиться о своей женщине, зависит ее жизнь и судьба. В третьей и четвертой пословицах раскрывается стереотип наличия именно у мужчины права выбирать себе женщину, женщина выступает главным образом в качестве объекта мужского выбора.

В *адъективных* детерминированных ФЕ выбор имени не влияет на гендерную референцию идиомы. Адъективные фразеологизмы с ИС могут обозначать признаки и свойства как людей, так и предметов и относиться как к референту-мужчине, так и к референту-женщине, например: **Janus-like** – to be two-faced, hypocritical. Janus was a Roman god of communication and guardian of the gate of heaven. He guarded doors and gates and had two faces, front and back, so that he could see everywhere, but each face had a contradictory expression and this is how he became associated with hypocrisy [PDEI]; (**as**) **rich as Croesus** – богат как Крез (very rich

[LID]); **like Alice in Wonderland**/**Alice-like** – illogical, incomprehensible, impractical [PDEI].

Однако, несмотря на то, что все адъективные идиомы с ИС имеют интергендерную референцию, следует отметить, что в ряде случаев данная референция будет асимметричной, т.е. ФЕ в большей степени будет относиться, например к мужчине, а не к женщине, либо наоборот. Подобная асимметрия, скорее всего, обусловлена гендерными стереотипами, под которыми, по определению А.В.Кирилиной, понимаются «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» (А.В.Кирилина, 1999: 98). Примерами такой асимметричной интергендерной референции могут служить следующие идиомы: **(as) game as Ned Kelly** – *австрал. разг.* смелый до безрассудства (Эдуард Келли – знаменитый австралийский разбойник, живший во второй половине XIX в. и отличавшийся необыкновенной храбростью); **(as) patient as Job** – терпеливый как Иов; = обладающий ангельским терпением (unlimited patience; the willingness to endure hardship patiently [CCAEI]). Безусловно, смелыми и терпиливыми могут быть все люди независимо от пола. Но, тем не менее, смелость это в большей степени атрибут мужчины, то, что воспитывается в нем с самого детства, в то время как терпение и смирение всегда рассматривается как основная женская добродетель.

Адвербиальные и *междометные* ФЕ с ИС не имеют **прямой гендерной референции**. Это объясняется основными функциями данных единиц.

Адвербиальные идиомы служат в первую очередь в качестве интенсификаторов прилагательных и глаголов, они могут лишь охарактеризовать, усилить или ослабить то или иное действие, состояние, качество, признак человека. Следовательно, их гендерная референция является **косвенной** (ситуативной) и зависит от того чье действие, состояние, свойство они характеризуют в данном контексте, референта-мужчины или референта-женщины, например **on one's jack** (или **Jack Jones**) – *жарг.* один, в одиночку; в одиночестве (on one's own [NODE]):

1) I thought I could go sneaking in there all on my jack and bring out the evidence (*Suppl*) – Я подумал, что смогу один пробраться туда и раздобыть улики;
2) You're on your Jack Jones. Ben's deserted you (*Suppl*) – Ты теперь одна. Бен бросил тебя.

В первом случае гендерная референция адвербиальной идиомы **on one's own** определяется как маскулинная, так как характеризует действие, выполняемое мужчиной, а во втором контексте гендерная референция фразеологизма рассматривается как фемининная, поскольку описывает состояние женщины.

Основная функция *междометных* ФЕ – это выражение различных чувств, эмоций, волевых побуждений лица. Следовательно, они, как и адвербиальные идиомы, могут иметь **косвенную** (ситуативную) гендерную референцию, которая определяется тем, чьи чувства (мужчины или женщины) выражает данная междометная единица в конкретной речевой ситуации, например идиома **by George!** – клянусь святым Георгием!, ей-богу!, боже!, боже мой!, видит бог!, честное слово!; чёрт возьми!; вот так так!, вот те на! (восклицание, выражающее восхищение, удивление, досаду и т.п.) [*первонач.* by St. George!; св. Георгий считается покровителем Англии]:

1) I didn't get to bed till three and I don't know how I got there then. By George, I was squiffy. (*W.S.Maugham, 'Of Human Bondage', ch. 37*) – Спать я лег часа в три – не знаю даже, как добрался до постели. Видит бог, я здорово нализался;
2) By George, how wonderful! What a girl! (*Th. Dreiser, 'The Financier', ch. XVIII*) – Честное слово, она восхитительна! Какая девушка!

В этих двух предложениях междометная ФЕ служит для выражения эмоций мужчин, следовательно, ее косвенная (ситуативная) гендерная референция определяется в данном случае как **маскулинная**.

Таким образом, гендерная референция глагольных, большинства коммуникативных, адъективных, адвербиальных и междометных ФЕ с ИС определяется как интергендерная, поскольку они могут характеризовать и относиться к человеку любого

пола. Гендерная референция адвербиальных и междометных идиом является косвенной, так как определяется только в конкретном речевом контексте (в зависимости от ситуации).

3.4. Гендерная референция и оценочность

Исследование оценочного макрокомпонента семантики ФЕ представляет определенный интерес с позиции гендерных исследований, поскольку способствует выявлению дополнительных культурных импликаций, отражающих гендерные стереотипы во фразеологии английского языка.

Объектом оценки могут быть разные фрагменты действительности, соответствующие разным по содержанию запросам и потребностям человека. Однако, как отмечает И.В.Фадеева, чаще всего оценке подвергается сам человек, его признаки и действия. Следовательно, антропоцентричный признак оценки может являться релевантным фактором для раскрытия понятий *маскулинности* и *фемининности* во фразеологическом фонде языка. Таким образом, необходимо установить, влияет ли гендерный компонент, гендерная референция фразеологизма на определение оценочности идиом.

Исследование оценочного макрокомпонента семантики гендерно маркированных ФЕ показало, что среди идиом как с мужскими, так и с женскими именами преобладают обороты с отрицательной оценочностью (181 фразеологизм), причем их процентное соотношение одинаково: отрицательную оценочность имеют 51 % ФЕ с мужским и 51 % с женским ИС. Отрицательно оценочные идиомы составляют подавляющее большинство во всех структурно-функциональных классах как детерминированных, так и индетерминированных фразеологизмов, например: **a proper (right) Charley** – *разг. пренебр.* круглый, набитый дурак (*Br. slang* a fool [PDEI]); **dumb Dora** – *амер. жарг.* глупая девчонка, дурочка (a stupid girl [COD]); **a Jeremiah** – человек, который во всем видит только плохое, мрачно воспринимает мир (one who always sees everything in the gloomiest light. Jeremiah was a prophet of gloom of the Old Testament [PDEI]); **(as) proud as Lucifer** – гордый как дьявол, высокомерный, надменный; **like Alice in Wonderland** – illogical, incomprehensible, impractical. Ideas and projects which can exist only in the realm of fantasy and wild imagination [PDEI]; **not know whether you are Arthur or Martha**

– (*BrE, spoken*) to feel very confused, especially because you have too much to do [LID]; **all work and no play makes Jack a dull boy** – smth. that you say which means people who work all the time become boring [CIDI].

Доминирование отрицательно коннотированных идиом не является случайным. Д.О.Добровольский указывает на то, что «фразеология весьма неравномерно покрывает основные сигнификативные сферы языка. Роль фразеологизмов особенно велика там, где речь идет о номинации явлений, обладающих существенной значимостью для именующего субъекта, что обусловливает специфику того места, которое занимают фразеологизмы в личном тезаурусе носителя языка. С этим связана... доминирующая роль отрицательной оценочности как содержательной категории, выражаемой фразеологизмами» (Д.О.Добровольский, 1990). Далее, Д.О.Добровольский добавляет, что этот тезис подкрепляется данными когнитивной психологии, согласно которым знания, связанные с отрицательными эмоциями, действительно более дифференцированы, что не может не отразиться и во фразеологии.

Следует отметить, что нейтрально и положительно оценочных ФЕ как с мужскими, так и с женскими именами меньше – 132 безоценочных ФЕ и 42 положительно коннотированных идиомы, например:

– *нейтральная оценка* – **before you can say Jack Robinson** – *разг.* немедленно, моментально; сразу же, тут же; = в два счёта, в мгновение ока; и опомниться или ахнуть не успел; не успел и глазом моргнуть (in a moment, before one could turn round [PDEI]); **a bloody Mary** – an alcoholic drink consisting of tomato juice, vodka and Worcestershire sauce [PDEI]; **render into Caesar the things that are Caesar's** – *книжн.* кесарю кесарево, т.е. каждому воздайте должное [этим. библ. Matthew XXII, 21, Luke XX, 25];

– *положительная оценка* – **to move/run like a Rolls** – to move/run perfectly and with the utmost smoothness (*like a Rolls-Royce car*) [PDEI]); **Aladdin's lamp** – a talisman enabling its holder to gratify any wish [COD]; **(as) pleased as Punch** – очень доволен, рад-радёшенек, от души рад (absolutely delighted, usually with oneself over some achievement [PDEI]).

Процентное соотношение нейтрально и положительно оценочных идиом с мужскими и женскими ИС также приблизительно одинаково. Данные процентного соотношения ФЕ различной оценки представлены в таблице:

Оценка / ФЕ	ФЕ с мужским ИС (в %)	ФЕ с женским ИС (в %)
Отрицательная	51	51
Нейтральная	36,7	40,5
Положительная	12,3	8,5

Преобладание отрицательно коннотированных идиом, по мнению А.В.Кирилиной (1999), как с мужскими, так и с женскими именами соотносится не с полом референта, а с общей закономерностью фразеологии: отрицательно оценочных идиом больше по всему фразеологическому полю, так как в оппозиции «положительное» – «отрицательное» маркирован последний член оппозиции, т.е. наличие чего-либо положительного рассматривается как норма и потому упоминается реже, а что-либо отрицательное является нарушением нормы, тем самым привлекая к себе большее внимание.

Однако результаты нашего исследования показали, что от вида оценки в некотором роде зависит степень устойчивости гендерной референции. Данное явление особенно ярко прослеживается в субстантивных детерминированных и индетерминированных ФЕ, обозначающих лица.

Так, рассматривая **отрицательно** и **нейтрально** оценочные фразеологизмы с мужскими именами мы установили их неравномерное распределение: из 22-х отрицательно коннотированных ФЕ 11 относятся к референту-мужчине и 11 – к представителю любого пола, в то время как, из 15-и нейтрально оценочных ФЕ 11 – относятся к мужчине, 1 – к женщине и лишь 3 фразеологизма – «гендерно нейтральны». Следовательно, в отрицательно оценочных идиомах с мужским антропонимом соотношение между интергендерными ФЕ и ФЕ, относящимися к референту-мужчине, одинаковое, в то время как в нейтрально оценочных ФЕ отмечается преобладание маскулинной референции. С одной стороны, данный факт можно было бы отнести к тому, что все негативное является интергендерным, и, следова-

тельно, выбор мужского или женского имени в идиоме с отрицательной оценкой не влияет на гендерную идентификацию идиомы. Таким образом, преобладание негативной оценочности можно было бы связать, как отмечалось выше, не с гендерным фактором, а с особенностью концептуализации действительности. Противопоставляются не «плохие» женщины «хорошим» мужчинам и наоборот, а «плохое» «хорошему» в рамках общечеловеческого. Однако мы считаем, что тот факт, что именно **отрицательно коннотированные** ФЕ с мужскими ИС (а не нейтрально или положительно оценочные фразеологизмы) в бóльшей степени склонны к изменению гендерной референции[20] способствует выявлению непосредственной взаимосвязи оценочного и гендерного компонентов идиом, т.е. та или иная оценка фразеологизма предопределяет степень устойчивости гендерного фактора, а следовательно, и его гендерную референцию: если идиома имеет негативную оценку, вероятность ее отнесенности к разряду интергендерных единиц максимальна, если мы имеем дело с нейтрально или положительно оценочной идиомой такая вероятность становится минимальной.

Данное явление обусловлено тем, что тенденция к повышению общественного статуса женщины, его приближение в социальном плане к мужскому статусу, отражается в переориентации гендерной референции языка в целом и во фразеологическом фонде в частности. Все отрицательное чрезвычайно флексивно и легко приобретаемо, что и подтверждает наш исследовательский материал. Нейтральность же (или «положительность») отличается большей устойчивостью вообще, и в гендерном аспекте в частности.

Тенденция употребления отрицательно оценочных ФЕ с мужскими именами по отношению к референтам-женщинам и сохранение отнесенности нейтрально и положительно коннотированных идиом к мужским референтам характеризует как детерминированные, так и индетерминированные идиомы, хотя последним это присуще в большей степени.

---

[20] Имеется в виду, что увеличивается возможность употребления ФЕ с мужскими ИС по отношению к женщине именно у фразеологизмов с негативной окраской.

ГЛАВА III.
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИДИОМ С МАРКЕРОМ – ИМЕНЕМ НАРИЦАТЕЛЬНЫМ

Раздел I.
Фразеологические единицы с терминами родства

§ 1. КЛАССИФИКАЦИЯ И ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Проблематика, связанная с особенностями слов, обозначающих родственные и семейные отношения, относится к числу вопросов, обладающих междисциплинарной значимостью. Исследования, ведущиеся в этой области на протяжении многих лет, относятся в той или иной мере к предметным сферам лингвистики, этнографии, социологии и ряда других наук. Причина функционального расчленения данного объекта изучения состоит в том, что ученые сразу обратили внимание на слова, обозначающие семейно-родственные отношения, как на структурно обособленную группу языковых знаков, которая отражает определенные синхронные и диахронные характеристики социальной системы и обнаруживает устойчивую тенденцию к последовательной исторической трансформации. Вопросом, требующим особого внимания, является вопрос конкретизации лингвистического понятия «термины родства». Н.А.Добронравин впервые среди лингвистов обратил внимание на то, что под данное понятие подводятся как минимум три разных группы лексики: 1) кодифицирующая лексика, составляющая собственно термины родственной номенклатуры; 2) имена родства: «детские» наименования родственников, слова-обращения, смыкающиеся с ними возрастные наименования лиц мужского и женского пола и т.п.; 3) относительно устойчивые описательные сочетания с узнаваемой мотивировкой и, очевидно, единственным значением, столь характерные для этнологических анкет (Н.А.Добронравин, 1998: 43).

Термины родства (далее – ТР) неоднократно привлекали внимание исследователей и рассматривались, в частности, с точки зрения их полисемии (А.А.Бурыкин, 1998), а также близости с единицами других лексико-грамматических классов, например имен собственных (см. работы С.А.Арутюнова, 1980; С.Д.Кацнельсона, 1972; А.А.Уфимцевой, 1989; Н.В.Бискулатова, 1973; М.В.Крюкова, 1980).

Большое влияние на значение, употребление и функционирование слов, обозначающих семейно-родственные отношения, могут оказывать различные социокультурные факторы, связанные с пониманием женских и мужских ролей в обществе, и в семейной сфере в частности. Поэтому говоря о гендерных исследованиях данных слов, необходимо учитывать два аспекта: лингвистический и социологический, так как между ними существует определенная связь.

Интерес с точки зрения гендерологии, учитывающей данную междисциплинарную связь, представляет социологическая концепция американского ученого Т.Парсонса (T.Parsons, 1956).

Рассматривая изменения, которые произошли с американской семьей к середине прошлого столетия, Т.Парсонс выделяет изоляцию нуклеарной семьи от системы родства и перемещение ряда функций к другим социальным институтам. Механизмом, обеспечивающим равновесие и стабильность самой системы социального взаимодействия, является, по его мнению, функциональное разделение сфер деятельности, или дифференциация ролей. Дело в том, что для существования любой социальной системы необходимо выполнение так называемых инструментальной и экспрессивной функций. Инструментальная функция обеспечивает отношения системы – в данном случае семьи – с внешним миром, обеспечивает средства к существованию. Экспрессивная функция – это поддержание интеграции членов системы, установление моделей отношений и регулирование уровня напряженности членов семейного союза. Т.Парсонс утверждает, что один и тот же человек не может выполнять одновременно и инструментальные (требующие властности и жесткости), и экспрессивные (предполагающие мягкость и умение погасить конфликт) функции. Именно поэтому, заявляет он, разделение этих ролей глубоко функционально и существует

во всех системах социального взаимодействия. Далее, Т.Парсонс делает совершенно естественный для традиционного биодетерминистского сознания вывод: роль инструментального лидера в семье всегда принадлежит мужчине, а женщина – это экспрессивный (эмоциональный) лидер. «Американский мужчина, по определению, должен содержать семью. Его первичная сфера деятельности – приносить деньги, быть кормильцем», – писал сотрудник Парсонса Морис Зелдич («Теория и методология гендерных исследований». 2001. С.43). Профессиональная деятельность мужчины имеет чрезвычайное значение для семьи не только потому, что является основным (а иногда и единственным) источником средств ее существования, но и потому, что величина дохода и престижность работы мужчины определяют социальный статус, стандарт и стиль жизни семьи в целом. Для женщин, по его мнению, основным является «статус жены своего мужа, матери его детей и личности, ответственной за домашнее хозяйство». Доминирующими женскими ролями являются роли жены, матери, домохозяйки. Социально престижная профессиональная деятельность мужчины предопределяет его главенство в семье, а домашний труд женщины, названный Т.Парсонсом псевдозанятием, – ее подчиненную роль. Такая сегрегация ролей интерпретируется им как *механизм подавления возможного разрушительного для брака и семьи соревнования между супругами за власть, статус, престиж*, и объявляется глубоко функциональной (T.Parsons, 1956).

В лингвистической литературе отмечается, что лексика, обозначающая родственные связи и отношения, относится к реляционным именам, общее свойство которых обозначать предметы, существование или название которых относительно, т.е. эти предметы либо не могут самостоятельно функционировать, либо они названы по их отношению к другим предметам (М.А.Журинская, 1979; Т.Гоббс, 1989; Дж.Локк, 1960; Дж.Милль, 1856). В разговорной речи, как указывает Г.В.Дзибель, встречаются случаи употребления слова «дедушка» как синонима к слову «старик», «матерью» можно назвать вообще женщину, имеющую детей. Но такой переход релятивов (ТР) в разряд абсолютных имен носит окказиональный характер и не меняет общего статуса первых (Г.В.Дзибель, 1998: 100).

Существуют различные подходы к терминологическому обозначению и классификации слов, обозначающих различные виды родственных связей (см. работы Н.А.Добронравина, 1998; В.А.Попова, 1998; А.А.Бурыкина, 1998; С.В.Кулланды, 1998; С.В.Силинского, 1995; М.Ш.Сарыбаевой, 1991). По сути дела все классификации отражают одни и те же особенности существующей в любом этносе системы родственных отношений, но поскольку английская терминологическая система родства чисто с лингвистической точки зрения менее детализирована, по сравнению, например с русской, а также в связи с тем, что процессу фразеологизации подвергаются, как правило, наиболее распространенные и употребительные ТР, то в дальнейшем мы будем использовать классификацию представленную Ю.И.Левиным, который отмечает, что существуют два вида родства: кровное родство и некровное родство (т.е. родство через супружескую связь). В свою очередь, в кровном родстве отмечают два вида отношений: прямое родство, например *отец, сын, дед, внук* и родство по боковой линии, например *брат, дядя, племянник* (Ю.И.Левин, 1982).

Во фразеологическом фонде английского языка группа ТР, обозначающих кровное родство, представлена следующими гендерно оппозиционными парами: 1) прямое родство: **mother – father**; **daughter – son**; **grandmother – grandfather**; 2) родство по боковой линии: **sister – brother**; **aunt – uncle**. Группа ТР, обозначающих некровное родство, включает следующие гендерно дифферентные парные лексемы: **wife – husband**; **widow – widower** и одну гендерно непарную лексему **bride**.

В ТР, участвующих в образовании гендерно маркированных ФЕ английского языка, основными семантическими признаками являются характер родства, пол и возраст. Хотя, как указывает А.А.Бурыкин, система родства состоит из шести универсальных классифицирующих признаков – 1) пол эго (мужской/женский); 2) пол альтера (мужской/женский); 3) пол коннектора (мужской/женский); 4) характер родства (кровное родство/некровное родство: свойство); 5) возраст относительно эго (старше эго/младше эго); 6) поколение относительно эго (то же самое поколение, старше/младше на одно поколение, старше/младше на два поколения и т.д.) – в лексико-семантической группе ТР в разных языках реализованы различные наборы семантических признаков, число

которых обычно меньше универсального набора (А.А.Бурыкин, 1998: 165).

Следует отметить, что женских терминов родства в английской фразеологии больше (8), чем мужских (7), и они обладают бîльшей фразеологической активностью: 94,5 ФЕ с женскими ТР *vs* 81,5 ФЕ с мужскими ТР (54 % *vs* 46 %). Данный факт представляется весьма интересным, поскольку говорит о неандроцентричном (**гиноцентричном**) характере идиом с ТР, а также о гендерной асимметрии, центром которой является система ценностей фемининной культуры. Таким образом, во фразеологической объективации концепта «семья» более высокой степенью релевантности обладают женские ТР, что указывает на то, что в данной области концептосферы английского социума «фемининность» является более значимой.

Проанализировав фразеологическую активность женских ТР, следует отметить, что доминирующее положение по количеству образованных ФЕ занимают лексемы ‘**mother**’, ‘**sister**’ и ‘**wife**’, которые можно рассматривать как три формальные гиноцентричные вершины. Среди мужских терминов количественное превосходство при фразеологизации имеют лексемы ‘**father**’, ‘**son**’ и ‘**uncle**’, которые можно считать тремя формальными андроцентричными вершинами. Три андроцентричные вершины обозначают отношения кровного родства, в то время как три гиноцентричные вершины обозначают отношения как кровного, так и некровного родства. Из шести выделенных вершин коррелирующую пару представляют только две лексемы, а именно **mother** – **father**, которые, как отмечает А.Вежбицкая (1997), составляют ядро семантической подсистемы, служащей для обозначения родственно-семейных отношений, и на которых обычно строятся все остальные ТР. Именно данные лексемы, каждая в своей соответствующей группе, образуют наибольшее количество идиом. Данное явление еще раз подтверждает хорошо известный факт, что женщина в англоязычном обществе – это, прежде всего, женщина-мать, а мужчина в первую очередь – отец. Следовательно, являясь центрами гендерной фразеологизации, ТР mother и father могут рассматриваться как лексемы, обозначающие некие идеализированные образы, способствующие увеличению фразеологической радиации с вершинным признаком пола.

Говоря о морфологических особенностях ТР как факторов гендерной идентификации английских идиом, следует отметить, что помимо полных форм процессу фразеологизации могут подвергаться и неполные формы, в основном уменьшительно-ласкательные *формы на -у*, например: **mummy's boy** – 1) любимец матери, любимчик; 2) маменькин сынок; **the big daddy** (of) – *разг. шутл.* 1) важная персона, важная птица, «шишка»; 2) *амер.* важнейшая вещь; самый большой предмет, самое большое животное и т.п.; **since Auntie had her accident** – *австрал. жарг.* давненько; **your grandmother** (или **granny**)! – *разг. фам.* как бы не так!; чёрта с два! Деривационные формы встречаются лишь у ограниченного числа ТР, а именно у существительных **mother**, **father**, **aunt** и **grandmother**. Остальные ТР употребляются исключительно в полных формах. А.Вежбицкая указывает, что с культурной точки зрения важен тот факт, что значение, приписываемое формам mummy и daddy, может быть также приписано и формам auntie и granny, в то время как для терминов uncle, grandfather соответствующих форм не существует. Далее А.Вежбицкая отмечает, что значимым является и то, что ни для родственников по «горизонтали», ни для родственников по нисходящей линии подобных параллельных форм также нет: см. brother «брат», sister «сестра», daughter «дочь», grandson «внук», granddaughter «внучка», nephew «племянник» и niece «племянница». Для сына в английском языке есть форма sonny, но она редко употребляется по отношению к собственному ребенку и имеет другое прагматическое значение (А.Вежбицкая, 1997: 104).

Употребление уменьшительно-ласкательных форм в основном в группе женских ТР, а также их количественное превосходство, говорит о наличии гендерной асимметрии на морфологическом уровне. Следует отметить, что уменьшительно-ласкательные формы ТР занимают особое положение и вызывают особый интерес со стороны многих ученых (как этнографов, так и, безусловно, лингвистов). Многие ученые выделяют данные формы слов в отдельную группу лексики, называя ее «лепетной» лексикой. Н.А.Добронравин отмечает, что «большое значение имеет во всех языках такая лексико-семантическая группа, как детские наименования родственников. … Детские имена родства невозможно просто игнорировать. Достаточно вспомнить, что они

могут вытеснять из языка «взрослые» имена, переходя в группу ТР» (Н.А.Добронравин, 1998: 43). Преобладание женских ТР в виде так называемой «лепетной» лексики в английской фразеологии еще раз доказывает, что фразеологический фонд языка является «зеркалом», отражающим определенные культурные и соционормативные установки. Семейная сфера, пожалуй, одна из немногих сфер, в которых до сих пор доминирующее положение занимала и занимает женщина, именно в ней женщине, по ее значимости и важности, пока нет адекватной замены. Отношение общества к женщине подчеркивает статус женщины-прародительницы, и потому релевантными для социума качествами в семейной сфере, являются те, которые в первую очередь относятся к женскому (материнскому) архетипу. Данный факт и подтверждается результатами, полученными при анализе гендерно маркированных фразеологизмов с ТР.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Основными вопросами, касающимися собственно лингвистической проблематики слов-терминов родства, являются, во-первых, вопросы, связанные с их многозначностью, выступающей как реализация одного из универсальных свойств языкового знака – полисемии, а, во-вторых, по словам А.А.Бурыкина, с тем фактом, что во многих традициях ТР используются в качестве апеллятивов (ср. русск. *отец/папаша, дядя* – по отношению к старшему по возрасту мужчине; *брат/братец* и т.п. – по отношению к равному по возрасту мужчине; *сынок* – по отношению к младшему по возрасту и т.п.) (А.А.Бурыкин, 1998: 155). Далее, А.А.Бурыкин отмечает, что при этом аналогичные по использованию родственно-половозрастной номенклатуры обращения к женщинам типа *дочка, тетя* или *бабушка* значительно менее употребительны, в особенности при общении женщин между собой. По мнению многих лингвистов, описание апеллятивных значений ТР представляет особый интерес и могло бы дать в итоге отдельную систему представлений о традиционном социуме и его дифференциации, которая неизбежно демонстрировала бы определенную этническую специфику, где ТР оказались бы включенными в набор понятий *традиционного гендерного этикета* (А.А.Бурыкин, 1998).

Многозначность ТР, обусловленная репродуктивным характером языковой техники в силу конвенциональной природы языка как исторически сложившегося средства хранения и передачи информации, говорит о возможности концентрированного выражения различных концептуальных признаков, имеющих одну языковую оболочку, представленных одним языковым знаком. Как отмечает В.Н.Телия, «приложение готовых языковых значений к новым образам – это и есть реальные процессы функционирования языка, в которых происходит подгонка и приспособление значений слов и синтаксических конструкций к тому, что обозначается в данном высказывании, а тем самым всегда существует возможность переосмысления значений» (В.Н.Телия, 1977: 133).

Как показало исследование, в семантической структуре ТР в зависимости от коммуникативной стратегии говорящего актуализации могут подвергаться разные концептуальные признаки. Например, в семантической структуре слов ‘**brother**’ и ‘**sister**’ указание на биологическое родство может преобразовываться в указание на духовное родство: ‘**brother**’: *a man or boy in relation to other sons and daughters of his parents – a member of a religious order of men*; ‘**sister**’: *a woman or girl in relation to other daughters and sons of her parents* – (*often* ***Sister***) *a member of a religious of order of women* [NODE]. Данное явление указывает на возможность «неоднократного использования» семантической структуры ТР для объективации новых концептов, для эксплуатации языковых значений как «снятых» концептуальных форм отражения действительности в формировании новых значений.

При рассмотрении специфики семантической структуры ТР особую роль играет их ассоциативно-коннотативный потенциал, исследование которого помогает раскрыть особенности проявления гендерного фактора в идиомах с существительными, выражающими родственные и семейные отношения.

В лингвистике, как отмечает А.А.Бурыкин, система ТР, помимо своей основной функции денотации социальных ролей, представляет собой систему определенных коннотаций, связанных с определенными словами. Во многих (если не во всех) языках ярко выраженный положительный стилистический эффект связывается со словами *отец, мать, сын*; вместе с тем такие слова,

как *отчим* и *мачеха* почти всюду имеют отрицательную коннотацию. В лингвистическом смысле система ТР, например кровного родства по восходящей и нисходящей линии, связывается с теми представлениями о социуме, которые индуцируются культурным контекстом языка описания. Номенклатура *бабушка* и *дедушка* применительно к языкам народов Сибири вызывает ассоциации тех социальных ролей, к которым привыкли говорящие по-русски – «забота о внуках», «проявление внимания со стороны внуков», «плохое состояние здоровья», «ограниченные возможности передвижения, добывания и приготовления пищи» и т.д. (А.А.Бурыкин, 1998: 85–86).

Анализируя ассоциативный фон семантики ТР, ряд ученых использовали интегральную теорию лексического значения, в основе которой лежит представление о том, что семы, выявленные в результате анализа парадигматических связей и отражаемые толковыми словарями, составляют лишь ядро лексического значения, которое в реальных коммуникативных условиях может обладать различной (в том числе минимальной) прагматической значимостью. Согласно этой теории, «значение не имеет жестких и четких границ и иррадиирует в конечном счете все значение» (М.В.Никитин, 1983). Помимо ядра, как отмечает Н.В.Багичева, в структуру лексического значения входит множество ассоциативных признаков (по другой терминологии – «интенсионал», «ассоциативный ореол»), способных в конкретной реализации слов приобретать первостепенную важность или, наоборот, становиться совершенно несущественными. Например, слова *мама* и *мать,* помимо основных дифференциальных признаков (кровное родство, женская линия, предыдущее поколение), обладают множеством ассоциативных признаков: добрая, ласковая, заботливая, самый родной человек и др. Соответственно *свекровь* – это не только прямая родственница по супружеству из предыдущего поколения, но и женщина, любящая и оправдывающая только собственного сына, обвиняющая во всех семейных неурядицах невестку, нарушитель семейного спокойствия (Н.В.Багичева, 1993).

Показательно, что ассоциативные признаки часто обнаруживаются в числе наиболее распространенных реакций в «Словаре ассоциативных норм русского языка»: *бабушка* – добрая, хоро-

шая, милая; *мать* – добрая, родная, хорошая, милая, нежная; *папа* – милый, любимый, дорогой и т.д. (Н.В.Багичева, 1993). Существует также мнение, что ассоциативный ореол связан не с лексическим значением слова, а со свойствами обозначаемой им реалии, что ассоциативные признаки относятся к сфере неязыкового знания, а сама интегральная теория лексического значения «растворяет собственно языковое содержание того или иного значения в необъятном море других знаний о предмете, который оно представляет (именует), и ведет, следовательно, к произволу, к совершенно неоправданному субъективизму в семантических исследованиях» (Л.М.Васильев, 1990). Однако, по словам Н.В.Багичевой (1993), признание бесконечной глубины лексического значения – это не «субъективизм», а закономерное следствие признания его отражательной природы, которое способно отразить бесконечное количество признаков обозначаемого словом объекта.

Как бы предугадывая возможность сомнений в принадлежности ассоциативных признаков не денотату или соответствующему понятию, а именно слову, Л.В.Щерба писал: «Слово *Европа* несомненно имеет в нашем языке (совершенно независимо от того, насколько или в каком отношении это соответствует действительности) характерный признак – «страна передовой цивилизации», откуда возможность таких сочетаний, как европейские манеры, европейская вежливость и т.п.» (Л.В.Щерба, 1974). В наиболее полном виде проблема соотношения дифференциальных и ассоциативных признаков слова разработана в концепции Д.Н.Шмелева (1973), который подчеркивает собственно языковой статус ассоциативных признаков, их специфические связи с ядром лексического значения и, что особенно важно, их большую роль для словообразования и развития вторичных значений.

Особо следует отметить, что концептуальные признаки семантической структуры мужских и женских ТР способствуют развитию достаточно устойчивой коннотации и достаточно устойчивого ассоциативного поля, в основе которого лежит стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно ориентированный образ мужчины или женщины как представителя иерархически организованного семейного коллек-

тива. Ассоциативный фон семантики ТР с гендерным вершинным признаком, т.е. с признаком, связанным с культурно-языковыми и социальными определениями и проявлениями понятий мужественности и женственности в семейной сфере отношений, дает также возможность исследовать ФЕ с ТР в рамках гендерной парадигмы.

Необходимо особо отметить, что фразеологический фонд английского языка отличается определенной избирательностью по отношению к тому, какие понятия, с каким ассоциативным кодом будут являться его базовым корпусом в процессе передачи и декодирования информации, раскрывающей традиционные представления о ролях мужчин и женщин в английском этносе.

§ 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТЕРМИНАМИ РОДСТВА

Для того чтобы исследовать особенности репрезентации гендерных категорий «мужчина» и «женщина» во фразеологическом фонде английского языка с помощью лексем, обозначающих родственные и семейные отношения, необходимо установить, какие концептуальные представления, образы наиболее активно участвуют в передаче кодифицированной гендерной информации, какие социокультурные установки, ценности, экспектации являются наиболее релевантными в мужской и в женской картинах мира.

Выделение и анализ концептуальных оснований, участвующих в процессе фразеологизации, помогает выявить специфику семантических возможностей женских и мужских ТР. Выбор термина определенной гендерной идентификации в процессе фразеологизации не является произвольным, а обусловлен и мотивирован лингвокультурными особенностями английского социума.

Процедура выделения концептуального центра фразеологизации включает в себя: рассмотрение ситуации, которая соответствует переменному прототипу идиомы; анализ образного гештальта, являющегося основой ее семантики, с выделением в нем вершинного признака; сопоставление вершинных признаков разных идиом и сведåние их в концептуально однородные группы.

Анализ 176 ФЕ с ТР показал, что главным концептуальным основанием для всех гендерно маркированных фразеологизмов является концепт «***роль в семье***». Поскольку данный концепт непосредственно связан с особенностями социобиологических функций мужчин и женщин, с пониманием их места, обязанностей, статуса в семье как социальной структуре, следовательно, данное концептуальное поле дихотомично, т.е. конституируется на основе бинарной оппозиции «мужское – женское».

Внутри главного концептуального основания можно выделить ряд субконцептов, раскрывающих наиболее релевантные фокусы концептуализации ценностных ориентиров гендерной картины мира. Данные субконцепты могут быть **простыми** и **сложными**, содержащими две и более концептуальные составляющие.

В группе ФЕ с ***мужскими*** ТР были установлены следующие простые и сложные субконцепты:

1) *главенствующая роль в семье*: например: **the big daddy** (of) (*тж.* **the Big Daddy**) *разг. шутл.* – 1) важная персона, важная птица, «шишка»; 2) *амер.* важнейшая вещь; самый большой предмет, самое большое животное и т.п.; **city fathers** *(тж.* **the fathers of the city**) – «отцы города», члены городского управления, городские советники, олдермены; **father Abraham** – «отец Авраам» (прозвище президента США Авраама Линкольна [A. Lincoln, 1809 –65]); **ship's husband** – *мор.* уполномоченный, распоряжающийся судном по доверенности владельца; **a good husband makes a good wife** – «у хорошего мужа и жена хороша»;

2) *главный в семье + воспитатель + защитник + тот, кто любит, балует,* например: **a father figure** – a man who takes the place of a father to a young man, as Dr Johnson did to Boswell, or to a whole nation, as President Tito did to Yugoslavia [PDEI]; **like a father** – по-отечески, авторитетно, строго, но благожелательно; **sugar daddy** – *жарг.* богатый пожилой поклонник; **big brother** – 1) *ирон.* «старший брат», более крупная компания, сильный конкурент; 2) опекун, покровитель; = брат и друг, наставник;

3) *старший по роду + главенствующая роль*, например: **Father Thames** = старушка Темза (прозвище реки Темзы);

4) *зарождающее начало*, например: **founding father** – основатель, учредитель; **the wish is father to the thought** – «желание – отец мысли»; = чего хочется, тому верится; **Forefathers' Day** – *амер.*

«день предков», годовщина высадки на американском берегу первых английских колонистов, прибывших на корабле «Мейфлауэр»;

5) *зарождающее начало + старший по роду*, например: **the Father of his country** – *амер.* «отец отечества» (прозвище Дж. Вашингтона – первого президента США, 1789 – 97); **the Fathers of the Constitution** (или **of the Republic**;) – *амер. ист.* создатели конституции США;

6) *зарождающее начало + главная роль в семье*, например: **the Father of Rivers** – *амер.* = «мать рек», «мать вод» (прозвище реки Миссисипи); **the Father of English poetry –** «родоначальник английской поэзии» [прозвище писателя Дж.Чосера [G.Chaucer, 1340–1400]);

7) *духовность, духовное начало*. Данное концептуальное основание является сложным, поскольку тесно связано с такими понятиями, как *воспитатель, наставник, старший по роду, главный*, например: **father confessor** *(уст.* **ghostly father**) – духовник, исповедник; **Father Superior** – настоятель, игумен; **the Most Reverend Father in God** – его высокопреосвященство (титул архиепископа); **spiritual father** – духовный отец [этим. библ. I Corinthians IV, 15];

8) *родовое сходство (родственная связь) + продолжатель дела*, например: **son of a bitch** (или **gun**) – 1) сукин сын, мерзавец (*тж. мор.* **son of a sea-cook**; 2) *амер.* сволочное дело, чертовски трудное дело; **the Son of God** (или **of Man**) – *религ.* сын божий, Иисус Христос; **a son of the Muses** – питомец муз, поэт; **the sons of men** – человечество, род людской; **son of the spigot** – *шутл.* кабатчик, трактирщик;

9) *человек, несущий ответственность за кого-либо + воспитатель*, например: **talk to smb. like a Dutch uncle** – *разг.* учить кого-л. уму-разуму; увещевать, журить, отчитывать кого-л.; **cry** (или **say) uncle** – *амер. разг.* сдаться, признать своё поражение; **come the uncle over smb**. – *разг.* бранить, ругать кого-л. по-родственному;

10) концепт *«мужчина»*, например: **I'll be a monkey's uncle!** – (*old-fashioned*) something that you say when you are very surprised [CIDI];

11) *умение вести хозяйство + семейный статус*, например: **husband's tea** – *разг. шутл.* очень слабый чай, «водичка»; **a hen-pecked husband** – a man who is domineered over by his nagging wife [PDEI].

В группе ФЕ с ***женскими*** ТР были установлены следующие простые и сложные субконцепты в рамках центрального концептуального основания «***роль в семье***»:

1) *порождающее начало*, например: **mother's mark** – родимое пятно, родинка; **love is the mother of love** – любовь порождает (ответную) любовь [love begets love *этим. лат.* amor gignit amorem]; **mother**

earth – *поэт.* = мать сыра-земля; **every mother's son** – все до одного; все как один (человек);

2) *воспитательская роль + зависимость детей от матери* (особенно в раннем возрасте), например: **have too much of his mother's blessing** – быть не в меру застенчивым; **be tied to your mother's apron strings** – if someone, usually a man, is tied to their mother's apron strings, they still need their mother and cannot think or act independently [CIDI]; **one's mother tongue** – родной язык; **to imbibe with one's mother's milk** – to adopt instinctively [PDEI]; **mother's milk** – хлеб насущный; что-либо необходимое как воздух;

3) *социально-биологические функции женщины*, например: **an earth mother** – a woman who has children and who has a natural ability as a mother [CIDI]; **a mother lode of smth.** – (*American*) a large collection of a particular type of thing [CIDI]; **Shall I be mother?** – (*British & Australian, humorous*) something that you say in order to ask whether you should serve food or drink to someone [CIDI];

4) *духовный наставник*, например: **Mother Superior** – мать-настоятельница, игуменья;

5) концепт *«женщина»*, например: **a (red) hot mam(m)a** – *амер. жарг.* знойная женщина, «секс-бомба»; **you'll be a man before your mother** – *разг. шутл.* = ничего, скоро подрастёшь (говорится подростку);

6) *вторичное порождающее начало* (часто сопровождается аллюзией), например: **a daughter of the horse-leech** – ненасытная вымогательница, кровопийца; **the Scavenger's daughter** – *ист.* = тиски (орудие пытки); **a daughter language** – a language which derives from an older one, e.g. the Romance languages, French, Italian, Spanish, etc., from Latin [PDEI];

7) *близкая подруга, способная понять и утешить*, например: **a sob sister** – *амер. жаре.* 1) репортёр, пишущий душещипательные статьи; 2) чувствительная особа (*обыкн.* о людях, любящих заниматься благотворительностью) (1. a female journalist who writes articles with sentimental appeal or answers readers' problems; 2. an actress who pays sentimental roles [NODE];

8) *беспомощность, слабость*, например: **a weak sister** – *амер. разг. пренебр.* 1) человек, на которого нельзя положиться, ненадёжный человек; слабак; «баба»; 2) изнеженный, беспомощный, неприспособленный к жизни человек; ~ кисейная барышня; маменькин сынок;

9) *старость, физическая немощь*, например: **granny(’s) knot** – 1) *мор.* неправильно связанный прямой узел, «бабий узел»; 2) небрежно завязанный узел;

10) *идеальная жена*, например: **bachelor’s wife** – *редк.* жена, существующая лишь в воображении, «мечта холостяка»; **there is one good wife in the country, and every man thinks he has her** – *посл.* = каждый муж думает, что лучше его жены нет; **a wife in a thousand** – an outstandingly good wife [PDEI];

11) *приписываемые женщинам качества* (*сплетничать, рассказывать небылицы и др.*), например: **an old wife** – кумушка, сплетница; «старая баба», сплетник; **an old wives’ tale** – an old story or belief that has no foundation in fact, a myth. [PDEI]; **a fish-wife** – a woman who is vulgar and uses bad language [PDEI];

12) *одиночество замужней неработающей женщины + социальная зависимость жены от мужа*, например: **a green widow** – a wife who has to spend all day by herself in her home in the country while her husband goes to work in the town [PDEI]; **a golf widow** – женщина, муж которой чрезмерно увлекается гольфом (a woman whose husband spends much of his time on the golf course, so that she is alone for most of the day [PDEI]; **not for widows and orphans** – not for investors of limited means who cannot afford to take risks with their money [PDEI];

13) *брачные обряды*, например: **give the bride away** – (*for a bride’s father*) to accompany the bride to the groom in a wedding ceremony [AID]; **bride price** – a sum of money or quantity of goods given to a bride’s family by that of the groom, especially in tribal societies [NODE]; **a left-handed wife** – морганатическая супруга.

В ходе исследования было также установлено, что ФЕ с мужскими и женскими ТР могут иметь **общие** концептуальные основания:

1) *степень родства + линия родства*, например: **a natural son/daughter** – an illegitimate son/daughter [PDEI]; **half brother** – сводный брат; **sworn brothers** – названые братья, побратимы; **a full sister** – родная сестра; **a half-sister** – сводная сестра; **by** (или **on**) **one’s** (или **the**) **mother’s** (или **maternal**) **side** – со стороны матери, по материнской линии; **by** (или **on**) **one’s** (или **the**) **father’s** (или **paternal**) **side** – с отцовской стороны, по отцовской линии;

2) *родовое сходство*, например: **like mother, like daughter** – *посл.* яблоко от яблони недалеко падает; **like father, like son** – *посл.* «каков отец, таков и сын»; яблочко от яблони недалеко падает (resemblance of the son to the father from the intellectual or emotional point of view [PDEI]; **is your father a glazier?** – *разг. шутл.* «твой отец стекольщик?»; = вы не прозрачный, не стеклянный (говорится человеку, загораживающему что-л., мешающему смотреть); **he is his father's son** – he resembles his father in character [PDEI];
3) *члены одной семьи*, например: **brother Jonathan** – 1) типичный американец, янки; 2) правительство США; **stick to smb. closer than a brother** – быть привязанным к кому-л. (из корысти, добрых чувств и т.п.); **brother in arms** – боевой товарищ, собрат по оружию; **everyone and his brother** – (*American*) a very large number of people [CIDI]; **a sister of mercy** – монахиня – сестра милосердия; **sisters under the skin** – two women with the same tastes, or abilities, friends, regardless of race [PDEI];
4) *старший по роду*, например: **old enough to be someone's mother/ father** – as old as someone's parents [AID]; **the Father of the Senate** – *амер.* старейший сенатор (по числу лет непрерывного пребывания в сенате); **the Pilgrim Fathers** – *ист.* «отцы пилигримы», первые английские колонисты в Америке (прибывшие в 1620 г. в количестве 102-х человек на корабле «Мейфлауэр»); **grandfather('s) clock** – высокие напольные часы; **teach one's grandmother to suck eggs** – учить, поучать старших; учить кого-л. делу, которое он хорошо знает (ср. учить учёного); **grandmother's funeral syndrome** – in the workplace, the absence of workers who are pretending to be ill. Originally, lying about a grandmother's death was used as an excuse to be absent from work [PDEI]; **since Auntie had her accident** – *австрал. жарг.* давненько;
5) *человек, которому можно довериться*, например: **an agony aunt/ uncle** – a person who answers readers' problems in letters sent to her/him for advice [PDEI].

Большую роль в процессе фразеологизации в рассмотренном нами материале играет *аллюзия*, которая в ряде случаев может выступать и в качестве самостоятельного основания формирования идиом, например:

the Father of lies – «отец лжи», сатана [этим. библ. John VIII, 44]; **the prodigal son** – блудный сын [этим. библ. Luke XV, 11–12]; **am I my brother's keeper?** (*тж.* **I am not my brothers keeper**) – «разве я сторож брату моему?», я за ближнего своего не отвечаю [этим. библ. Genesis IV, 9]; **Uncle Sam** – *разг.* 1) «дядя Сэм», США [шутли-

вая расшифровка букв US]; 2) американец; **one's uncle's** – лавка ростовщика [выражение, основанное на фонетическом сходстве с латинским словом uncus крюк. Ростовщики пользовались крюками для подъема заложенных вещей]; **Mother Carey's chicken** – *мор. разг.* буревестник [Mother Carey искажённое *лат.* Vlater caga богоматерь]; **the fatal** (или the three) **sisters** – мойры, парки [*этим. миф.* три сестры, богини человеческой судьбы; в греч. миф. назывались мойры; в римской – парки].

Таким образом, материал исследования показал, что мужские и женские ТР, участвуя в качестве стержневых компонентов в процессе фразеологической номинации, способствуют формированию гендерных концептуальных оснований, которые могут быть **частными** (маскулинными и фемининными) и **общими**. *Частные* маскулинные и фемининные концептуальные основания отражают особенности процесса специализации, стереотипизации понятий «мужское» – «женское», обусловленного социокультурными механизмами. *Общие* концептуальные основания способствуют выявлению и определению гендерно универсальных релевантных признаков, участвующих в процессе социополовой генерализации лингвокультурного пространства английского общества. По количеству ФЕ, продуцируемых на основе того или иного субконцепта, можно выделить **ядерные** и **периферийные** концептуальные центры фразеологизации как для частных, так и для общих субконцептов. Так, к **ядерным частным *маскулинным*** субконцептам относятся: «*зарождающее начало*» и «*главенствующая роль в семье*». **Ядерными частными *фемининными*** субконцептами являются: «*порождающее начало*» и «*воспитательская роль + зависимость детей от матери*». Наиболее релевантными **общими** субконцептами являются: «*степень родства + линия родства*», «*старший по роду*», «*члены одной семьи*». Остальные как частные, так и общие субконцепты относятся к **периферии** фразеологической номинации.

Выявление **ядра** и **периферии** фразеологизации способствует раскрытию наиболее важных в рамках гендерной картины мира англоговорящего социума представлений о роли мужчин и женщин в семье. Анализ **ядерных частных** субконцептов показал, что мужчина в семье это, прежде всего, глава, главный работник, добытчик, опора жене, детям, особенно сыну. Роль женщины в семье определяется, главным образом, ее основной функ-

цией, а именно – быть матерью; подчеркивается ее незаменимость и важность в процессе воспитании детей, особенно на раннем этапе их жизни, материнские наставления надолго запоминаются, долго остаются значимыми и для уже взрослых людей. Особое значение имеет связь матери с дочерью. **Ядерные общие** субконцепты содержат информацию о важности сохранения и продолжения рода, сохранения родственных связей и отношений, почитания старших, соблюдения и проявления уважения к членам своей семьи.

В ходе исследования было также установлено, что для *частных* субконцептов характерно явление **гендерной концептуально-фразеологической лакунарности**, суть которого заключается в том, что ряд субконцептов, которые потенциально могут выступать в качестве основания фразеологизации как с маскулинными, так и с фемининными маркерами (т.е. с обоими составляющими гендерной оппозиции), реально участвуют в формировании идиом только с обозначениями мужчин или только с обозначениями женщин, в результате чего, в противоположной части гендерного пространства образуется **концептуально-фразеологическая лакуна**. Например, такие субконцепты, как «*главенствующая роль в семье*», «*родовое сходство + продолжатель дела*» получают вербализованное выражение с помощью фразеологизмов только с **мужскими** ТР. Напротив, такие субконцепты, как «*социально-биологические функции*», «*брачные обряды*», «*одиночество + социальная зависимость*», «*беспомощность, слабость*» представлены только в **фемининном** фразеологическом пространстве. Особо следует отметить, что **гендерная концептуально-фразеологическая лакунарность**, имеющая место в группе идиом с ТР, может быть *природно обусловленной*, т.е. возможность фразеологической объективации того или иного субконцепта в противоположной части гендерного пространства полностью исключается, поскольку основой формирования этого субконцепта являются физиобиологические признаки индивида мужского или женского пола. Примером природно обусловленной гендерной концептуально-фразеологической лакунарности являются **маскулинный** субконцепт «*зарождающее начало*» и **фемининные** субконцепты «*порождающее начало*» и «*вторичное порождающее начало*».

Обращает на себя внимание и тот факт, что репертуар частных фемининных субконцептов шире репертуара маскулинных. Репертуар фемининных концептуальных оснований представлен разнообразнейшими социальными ролями, этапами жизни женщины, ее задачами и умениями. Данный факт говорит о бóльшей значимости и о бóльшем интересе англоязычного социума к женщине, к ее выполнению семейных функций и обязанностей.

В ходе исследования гендерных концептуальных оснований было также установлено, что чем ближе степень родства, тем больше частотность употребления вторичных ЛСВ[21] в процессе фразеологической номинации. Чем дальше родство, тем больше степень переосмысления первичного значения термина, тем шире ассоциативный фон ТР. Например, у лексем **sister, aunt** наиболее релевантными в процессе фразеологической номинации являются ассоциативные признаки «*близкая подруга, тот, с кем можно поделиться самым сокровенным, кто поймет и утешит*», а у лексем **mother, daughter** наибольшее количество ФЕ образует концептуальная зона «*порождающее начало*».

Особо следует отметить, что гендерные концептуальные центры, обладая национально-культурной спецификой, соответствующим образом раскрывают особенности конструирования гендера в разных культурах с помощью средств фразеологии. Например, то, что в английской культуре воспринимается как «мужское», в русской рассматривается как «женское», и наоборот:

– **Father Thames** = **старушка Темза** (прозвище реки Темзы). Данную ФЕ можно также сравнить с выражением **матушка-Волга**;
– **the Father of Rivers** – *амер.* = «**мать** рек», «**мать** вод» (прозвище реки Миссисипи);
– **the Mother of Parliaments** – 1) **родина** парламентаризма (Англия); 2) = «**отец** парламентов» (прозвище английского парламента).

По мнению известного популяризатора дзэн Дайсэцу Судзуки, в основе образа мышления и образа чувствования человека Запада лежит Отец, создавший мир, а в основе мировосприятия и

[21] ЛСВ – лексико-семантический вариант

психического склада восточного человека – Мать. Таким образом, при концептуализации определенных явлений реального или ирреального мира, осуществляемой с помощью фразеологических средств русского и английского языков, учитывается различное восприятие и отношение к понятиям «мужского» и «женского» в данных культурах. Язык как конституент культуры дает возможность постичь глубину феминизации русской культуры (по утверждению О.В.Рябова, 2001) и уровень маскулинизации английской (по словам В.Н.Аргуновой, 2000), узнать степень их гендерной асимметрии или соотношения.

Рассматривая специфику реализации социокультурных стереотипов с помощью ФЕ с ТР, особо следует остановиться на оценочном макрокомпоненте семантики данных идиом.

Исследование оценочного макрокомпонента семантики ФЕ с ТР, показало, что среди идиом как с мужскими, так и с женскими именами родства преобладают обороты с нейтральной оценкой (или безоценочные) – 115 единиц. Число отрицательно коннотированных идиом меньше – 44 ФЕ, а обороты с положительной оценкой представлены наименьшим количеством – 17 единиц.

Преобладание безоценочных ФЕ как с мужскими, так и с женскими ТР подтверждает особую значимость их концептуально-ассоциативного потенциала, который служит для передачи общекультурных ценностей, рассматривая их не как мужские – хорошие, женские – плохие, или наоборот, а как в равной степени значимые.

Как показало исследование, оценочный макрокомпонент семантики идиом определенным образом взаимосвязан с гендерной характеристикой ТР. Как частные, так и общие концептуальные основания, являясь гендерно кодифицированными, в процессе фразеологической номинации могут актуализировать стереотипные представления «мужское» – «женское» с разной оценкой, например, фразеологическая интерпретация частного фемининного концептуального основания «*вторичное порождающее начало*» может быть как отрицательно коннотированной, например во ФЕ **the Duke of Exeter's daughter** (дыба), так и нейтральной, например в идиоме **Eve's daughter** (женщина). Примером подобного явления может служит и фемининный суб-

концепт «*воспитательская роль + зависимость детей от матери*», который приобретает отрицательную оценку в идиоме **have too much of his mother's blessing** (*редк.* быть не в меру застенчивым) и является нейтральным в ФЕ **mother's milk** (хлеб насущный; что-л. необходимое как воздух).

Необходимо также отметить, что некоторые субконцепты, проходя процесс фразеологизации, фиксируются только с какой-либо одной оценкой, т.е. участвуют в создании либо отрицательно, либо положительно, либо нейтрально оценочных ФЕ. Например, частное маскулинное концептуальное основание «*умение вести хозяйство + семейный статус*» формируется только отрицательно коннотированными идиомами. В данном субконцепте доминирует стереотипное представление о том, что мужчина, во-первых, не умеет и не должен заниматься домашними делами согласно своему семейному статусу (не мужское это дело), а во-вторых, он – глава семьи, и, следовательно, не должен позволять своей супруге командовать собой.

С точки зрения гендерных исследований следует отметить, что как отрицательно, так и положительно оценочных ФЕ с женскими ТР значительно больше, чем с мужскими ТР, ср.: с **женскими** ТР 31 ФЕ – отрицательная оценка и 12 ФЕ – положительная оценка; с **мужскими** ТР 13 ФЕ – отрицательная оценка и 5 ФЕ – положительная оценка. Данный факт говорит о бîльшем интересе, проявляемом по отношению к женщине, женской деятельности, поступкам, жизни со стороны англоязычного общества. Таким образом, оценочность той или иной идиомы имеет непосредственное отношение к особенностям концептуализации действительности, в основе которой лежит бинарная оппозиция «мужское» – «женское», и свойствам, приписываемым социумом членам данной оппозиции.

§ 4. ГЕНДЕРНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ИДИОМ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Анализ структурно-функциональных классов 176 идиом с ТР показал существенное превалирование *субстантивных* ФЕ – 122 фразеологизма. Данный факт объясняется тем, что ТР, выступая в качестве опорного компонента гендерно маркированной идиомы,

является определяющим фактором в процессе фразеологической номинации. Наименования лиц, явлений, предметов, отвлеченных понятий занимают центральное положение и определяют номинативную ценность ФЕ с ТР. Второй по количеству входящих в нее идиом является группа *коммуникативных* ФЕ – 33 фразеологизма. Кумулятивная, прагматическая и директивная функции, свойственные практически всем пословицам и поговоркам с ТР, реализуются на основе актуализации их смыслового содержания и тесно связаны с культурно-историческими традициями английского этноса, с особенностями английской культуры и с ее качественными характеристиками, находящими выражение в поведенческих, речевых, и что наиболее важно для настоящего исследования, гендерных стереотипах.

Остальные структурно-функциональные классы весьма малочисленны: *глагольные* – 11, *адвербиальные* – 5, *адъективные* – 3 и *междометные* – 2 ФЕ.

Как показало исследование, гендерная референция ФЕ во многом зависит от того, к какому структурно-функциональному классу принадлежит данная идиома. Каждый функциональный класс обладает своей спецификой определения гендерной референции фразеологизмов.

4.1. Субстантивные идиомы

Класс субстантивных идиом с ТР включает в себя две семантические подгруппы: а) идиомы, обозначающие лицо (82 идиомы); б) идиомы, обозначающие не-лицо (40 идиом). Говоря об особенностях проявления гендерного фактора, следует отметить, что мужские ТР образуют большее количество ФЕ, обозначающих **лицо**. У 49-и ФЕ опорными компонентами являются мужские и лишь у 33-х ФЕ – женские ТР. В группе идиом, обозначающих **не-лицо**, большей фразеологической активностью обладают, наоборот, женские ТР, которые являются опорными компонентами у 29-и идиом. Только 11 ФЕ, обозначающих не-лицо, включают в свою структуру мужские ТР.

Таким образом, можно сделать вывод о разном характере гендерной асимметрии в субстантивных ФЕ, который зависит от природы объекта номинации. Группа идиом, объектом номинации которой является лицо, имеет андроцентричный характер, в

то время как группа идиом, номинирующая не-лицо, отличается гиноцентричностью.

Следовательно, в английских субстантивных ФЕ в ходе гендерных исследований обнаруживается тенденция, основанием которой является бинарная оппозиция «одушевленность – неодушевленность», раскрывающая приоритетные области фразеологической номинации с помощью мужских и женских ТР. В антропологической группе ФЕ, т.е. в группе номинирующей «человека», безоговорочным большинством обладают идиомы с мужскими ТР. Данный факт подтверждает маскулинизацию человеческой сферы, нашедшую свое воплощение не только в культуре и общественной жизни английского этноса, но и в языке, во фразеологическом фонде в частности. Среди людей, принадлежащих разным половым группам, представители мужского пола традиционно занимают главенствующее положение, что и подтверждается высокой степенью маскулинности ФЕ, обозначающих лицо. Сфера «неодушевленного» имеет фемининный характер.

Следует также отметить, что имеющая место в субстантивных идиомах бинарная оппозиция «лицо – не-лицо» с андроцентричной природой левого члена оппозиции и гиноцентричной природой правого, является показателем не только того, что во фразеологии одновременно представлено и «мужское» и «женское», но также является показателем некоего «языкового равновесия».

4.1.1. Обозначение лица

Исследование гендерной референции ФЕ, обозначающих лицо, позволяет распределить все идиомы с ТР по следующим группам:

1) группа ФЕ, относящихся к референтам-мужчинам – **42** ФЕ, например: **sugar daddy** – *жарг.* богатый пожилой поклонник (a rich old man who keeps a girl young enough to be his daughter [PDEI]); **sworn brothers** – названые братья, побратимы (two men who have sworn to behave like brothers towards each other [PDEI]);
2) группа идиом, относящихся к референтам-женщинам – **25** ФЕ, например: **a sob sister** – *амер. жарг.* 1) репортёр, пишущий душещипательные статьи; 2) чувствительная особа (*обыкн.* о людях, любящих заниматься благотворительностью) (1. a female journalist who writes articles with sentimental appeal or answers readers' problems; 2.

an actress who pays sentimental roles [NODE]); **a golf widow** – женщина, муж которой чрезмерно увлекается гольфом (a woman whose husband spends much of his time on the golf course, so that she is alone for most of the day [PDEI]);

3) группа идиом, относящихся к референтам обоих полов – **15** ФЕ, например: **a weak sister** – *амер. разг. пренебр.* 1) человек, на которого нельзя положиться, ненадёжный человек; слабак; «баба»; 2) изнеженный, беспомощный, неприспособленный к жизни человек; = кисейная барышня; маменькин сынок (a weak, ineffectual, or unreliable member of a group [NODE]); **ship's husband** – *мор.* уполномоченный, распоряжающийся судном по доверенности владельца (an agent who is responsible for providing maintenance and supplies for a ship in port [NODE]).

Общим для первых двух групп является фактор, определяющий основной принцип их гендерной отнесенности, т.е. гендерная референция идиом, входящих в данные группы, зависит в большинстве случаев от гендерной идентификации их центрального компонента. Если опорным компонентом является ТР, обозначающий женщину, то идиома относится к референту-женщине и наоборот.

Выделенные группы имеют и свои особенности. В группе ФЕ, относящихся к референту-мужчине, встречаются фразеологизмы, семантическими центрами которых являются ТР с обозначением женщины, например: **mamma's** (или **mother's) darling** – маменькин сынок (a **boy** who is indulged or spoiled by his mother [PDEI]). Характерной чертой подобных ФЕ является резко отрицательная оценочность их семантики. Употребление женских ТР в структуре ФЕ по отношению к представителю мужского пола эксплицирует пренебрежительное отношение к мужчине, имеет целью обидеть и унизить его. Осуждению и критике подвергаются, как правило, приписываемые ему женские качества: характер, манера поведения. Так, употребление ФЕ **a weak sister** по отношению к мужчине манифестирует безграничное презрение, которое к нему испытывают окружающие его люди: родственники, партнеры, друзья, например:

1) My sister married Gerald Baldwin... I was opposed to the match with Gerald. He looked to me like a weak sister and a chaser (*E.S.Gardner, 'Fools Die on Friday', ch. 19*) – Моя сестра вышла замуж за Джералда Болдуина... Я был против этого брака. Я считал его человеком ненадежным и порядочным бабником;

2) You're a weak sister, Johnnie, and I can't trust you any more... (*E.O'Connor, 'The Last Hurrah', ch. X*) – Ты баба, Джонни, я тебе больше не доверяю....

Особенностью третьей группы является то, что процесс нивелирования гендерного компонента в семантики ФЕ может проходить в четырех направлениях: 1) с помощью снятия гендерной характеристики женского ТР – 4 ФЕ, например: **an old wife** – кумушка, сплетница; «старая баба», сплетник, например в контексте: I don't make anything of Trent; I don't know whether he's a liar or only an old wife... (*R.L.Stevenson and L.Osbourne, 'The Wrecker', ch. XIII*). – Никак не пойму Трента. Не знаю, лгун он или просто сплетник; 2) с помощью снятия гендерной характеристики мужского ТР – 7 идиом, например: **everyone and his brother** – (*American*) a very large number of people [CIDI]; **the prodigal son** – блудный сын (someone who returns home after a long absence, and is received with great joy by his family despite (his) past behavior, [PDEI]); 3) с помощью одновременного употребления в структуре идиомы двух ТР с разной гендерной отнесенностью – 2 ФЕ, например: **every mother's son** – все до одного; все как один (everyone [LID]); 4) с помощью вариантной реализации во ФЕ мужского и женского ТР в зависимости от ситуации – 2 ФЕ, например: **an agony aunt/uncle** – a person who answers readers' problems in letters sent to her/him for advice. Nearly every magazine has an 'agony column' which is devoted to these letters: "The agony aunt of our local paper had a nervous breakdown after hearing about so many of her readers' problems" [PDEI].

В группе ФЕ, обозначающих лицо, обращает на себя внимание большая флексивность фразеологизмов с мужскими ТР в их гендерной референции. Идиомы с женскими ТР, наоборот, отличаются большей устойчивостью гендерной отнесенности. В случае же нейтрализации гендерного фактора женского ТР в семантике ФЕ, вершинным признаком в семантической структуре идиомы становится коннотация (оценка, в частности). При снятии гендерной характеристики ТР с обозначением мужчины в семантике ФЕ выдвижение коннотативного аспекта на первый план не происходит. Данное явление имеет прямую связь с общепринятым мнением о том, что приписывание мужчинам женских качеств – унижение, а приписывание женщинам – мужских – обычно похвала.

4.1.2. Обозначение не-лица

В субстантивных ФЕ, обозначающих не-лицо, можно выделить две семантические подгруппы: а) идиомы, обозначающие конкретные, материальные предметы – 15 ФЕ и один фразео-семантический вариант; б) идиомы, обозначающие абстрактные, отвлеченные понятия – 24 ФЕ и один фразео-семантический вариант.

Определение гендерной референции идиом, обозначающих не-лицо, обладает своей спецификой. ФЕ данной группы относятся не к референту – мужчине, и не к референту-женщине, а к сфере «маскулинного» или к сфере «фемининного» и могут быть распределены по следующим группам:

1) группа ФЕ, относящихся к «маскулинной» сфере – **12** идиом, например: **big brother** – *ирон.* «старший брат», более крупная компания, сильный конкурент; **one's uncle's** – лавка ростовщика;
2) группа ФЕ, относящихся к «фемининной» сфере – **27** идиом, например: **skipper's daughters** – *шутл.* «капитанские дочки», высокие волны с белыми гребнями; **widow's weeds** – вдовий траур;
3) группа ФЕ, относящихся как к сфере «маскулинного», так и к сфере «фемининного» (интергендерные идиомы) – **1** идиома, например: **a mother – complex** – an unhealthy or abnormal emotional tie between the son and his mother, resulting in the son's emotional dependence on the mother and coolness towards other women [PDEI].

Исследование гендерной референции ФЕ, обозначающих не-лицо, позволило прийти к следующим выводам: 1) группа идиом, обозначающих не-лица, имеет гиноцентричный характер, т.е. в большей степени отражает особенности культурного концепта «женщина»; 2) гендерная референция фразеологизмов напрямую связана с гендерной характеристикой ТР. Данный факт говорит о том, что выбор мужского или женского термина является в английской фразеологии культурно обусловленном. В процессе фразеологизации как мужских, так и женских ТР происходит аккумуляция различного рода ассоциаций, вокруг которых происходит средоточие фоновых знаний, значение которых определяется типизированным образом, сложившимся в национальном сознании; 3) в субстантивных идиомах с ТР прослеживается четкая демаркационная линия между концептами

«мужское» и «женское». Преобладание ФЕ с определенной (конкретной) гендерной референцией и малочисленность группы так называемых интергендерных идиом подтверждает устойчивость гендерного фактора в семантике субстантивных фразеологизмов, обозначающих не-лицо.

4.2. Прочие функциональные классы идиом

Коммуникативные фразеологические единицы (КФЕ) представлены двумя подгруппами: а) пословицы; б) поговорки. По характеру (типу) гендерной референции все пословицы и поговорки распределяются следующим образом:

1) группа КФЕ, относящихся к референту-мужчине – **10** идиом, например: **mother's darlings make but milksop heroes** – из маменькиных сынков героев не выйдет; **there is one good wife in the country, and every man thinks he has her** – каждый муж думает, что лучше его жены нет.

В данной группе внимание уделяется разным сторонам жизни мужчины, среди которых наиболее важными являются две мужские роли: мужчина – отец и мужчина – муж. Особо акцентируется зависимость детей и жены от отца и мужа, подчеркивается ответственность мужчины перед детьми и женой, именно он в ответе за их благополучие, благосостояние, нравственность и т.д., например: **a good husband makes a good wife** – «у хорошего мужа и жена хороша». Следует отметить, что для данной группы характерно включение в состав ФЕ одновременно двух гендерно детерминированных лексем: в сочетании могут выступать либо мужской и женский термины, например *husband – wife, man – mother*, где ведущей является мужская лексема, либо два мужских термина, таких, как *father – son*. В идиомах, в которых встречается употребление лексемы 'father' в сочетании со словом 'son', раскрываются взаимоотношения между отцом и сыном, отмечается тесная, близкая связь между ними, именно отцовское участие в воспитании сына во многом определяет то, каким не только человеком, а, прежде всего, мужчиной (в самом широком смысле этого слова) он вырастет, например: **like father, like son** – «каков отец, таков и сын»; = яблочко от яблони недалеко падает; **the sins of the fathers are visited on the sons** – грехи отцов преследуют их сыновей (later generations suffer the consequences of

their ancestors' vices [PDEI]); **he is his father's son** – он характером весь в отца (he resembles his father in character [PDEI]). ФЕ данной группы также имплицируют правила поведения для мужчин, указывают на важность развития чисто мужских качеств: смелости, силы, храбрости. Обнаруживается некоторый, условно говоря, кодекс правил для мужчин, в котором осуждается мужская безнравственность и сексуальная распущенность, например: **a sailor has a wife in every port** – sailors have always had a reputation for promiscuity, owing to their long absences from home [PDEI];

2) группа КФЕ, характеризующая референта-женщину – **3** идиомы, например: **like mother, like daughter** – «какая мать, такая и дочь», = яблоко от яблони недалеко падает; **who's 'she', the cat's mother?** – (*especially BrE, spoken*) used in order to tell someone not to use 'she' about someone who is there, because it is considered rude [LID].

Из-за малочисленности данной группы, женская картина мира здесь практически не представлена;

3) группа КФЕ, которые могут употребляться как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине – **15** идиом, например: **when smb. was a (mere) twinkle in their father's eye** – (*humorous*) at a time before someone was born [CIDI]; **am I my brother's keeper?** – «разве я сторож брату моему?», я за ближнего своего не отвечаю и другие.

В данной группе гендерная характеристика ТР нивелируется, значение идиомы подвергается процессу гендерной генерализации, т.е. независимо от того какой ТР (мужской или женский) входит в качестве опорного компонента в состав идиомы, ее гендерная референция расширяется и распространяется как на представителей мужского, так и на представителей женского пола. На первый план в подобных фразеологизмах выходят понятия, имеющие отношение к сфере «общечеловеческого». Например, во фразеологизмах **don't teach your grandmother to suck eggs** – яйца курицу не учат (don't try to instruct someone who is more experienced than you [PDEI]) и **Caesar's wife must** (или should) **be above suspicion** – жена Цезаря должна быть выше подозрений – пол объекта и субъекта действия нерелевантен, их основная цель научить, дать совет, предостеречь любого человека, будь то мужчина или женщина;

4) группа КФЕ, имеющая отношение к абстрактным понятиям – **5** идиом. Гендерная референция здесь является условной. В данную группу входят такие ФЕ, как: **diligence is the mother of good luck** (или **of success**) – терпение и труд всё перетрут; **idleness is the mother of all evil (sin** или **vice**) – праздность – мать всех пороков; **love is the mother of love** – любовь порождает (ответную) любовь; **want is the mother of industry** – «нужда – мать усердия» (ср. *голь на выдумки хитра*); **the wish is father to the thought** – «желание – отец мысли»; = чего хочется, тому верится.

В *глагольных* идиомах выделяются две семантические подгруппы: а) ФЕ, обозначающие действия, б) ФЕ, обозначающие состояние. Идиомы, обозначающие как действие, так и состояние могут характеризовать и мужского, и женского референта, т.е. являются *интергендерными*. Исключение составляет одна идиома, гендерная референция которой определяется в большей степени как *маскулинная*: **be tied to your mother's apron strings** – if someone, usually a **man**, is tied to their mother's apron strings, they still need their mother and cannot think or act independently. "*He's 30 but he's still tied to his mother's apron strings*" [CIDI].

В глагольных ФЕ также обнаруживается тенденция к гендерной генерализации отнесенности ФЕ. Семантической доминантой идиом становятся ассоциации, имеющие отношение не к полу референта, а в большей степени к определенным общенациональным понятиям и образам, которые связаны с тем, как понимаются обязанности, статус, функции, роли мужчин и женщин в сфере семейно-родственных отношений, например: **have too much of his mother's blessing** – быть не в меру застенчивым; **talk to smb. like a Dutch uncle** – учить кого-л. уму-разуму; увещевать, журить, отчитывать кого-л (a person who talks to one like a close relative, giving advice which is fair, sound, well-meant, and something stern [CCAEI]); **stick to smb. closer than a brother** – быть привязанным к кому-либо (из корысти, добрых чувств и т.п.).

Большое значение в подобных ФЕ придается внутренней форме, рассматриваемой в качестве мотивирующей базы, с которой фразеологизм связан деривационными отношениями и которая играет важную роль в формировании его семантики, а также влияет на степень устойчивости или нивелирования его гендерной референции.

Среди *адъективных* идиом можно выделить идиомы, которые характеризуют: а) лицо (1 ФЕ); б) нелицо (2 ФЕ). Адъективная ФЕ, относящаяся к человеку, является гендерно вариантной, т.е. в зависимости от того лицо какого пола имеется в виду и зависит выбор мужского или женского ТР, например: **old enough to be someone's mother/father** – as old as someone's parents:

"You can't go out with Bill. *He*'s old enough to be your father."

"He married a *woman* who is old enough to be his mother." [AID]

Гендерная референция адъективных ФЕ, относящихся к сфере «неодушевленного», определяется как условная. Закрепление того или иного ТР в структуре и в семантике ФЕ является мотивированным. Однако в настоящее время данные единицы имеют высокую степень абстракции, которая привела к полному переосмыслению значений ТР. Они не только не характеризуют мужчину или женщину, но могут относиться только к неодушевленным предметам:

1) **a mother lode of smth.** – (*American*) a large collection of a particular type of thing: "*His collection of letters and papers is a mother lode of information for writers and journalists*" [CIDI];
2) **the mother and father of** – the biggest and the worst: "*I'm sorry I can't go out with you tonight. I've got the mother and father of a toothache*" [PDEI].

Адвербиальные ФЕ не могут непосредственно относиться к мужчине или к женщине, с тем или иным референтом они соотносятся через действие, состояние и т.д. Следовательно, их гендерная референция определяется как **косвенная** (ситуативная), т.е. зависит от того, лицом какого пола совершено или совершается действие. Однако необходимо отметить, что в ряде случаев определенные гендерные ассоциации, связанные с тем или иным ТР, становятся вершинными признаками семантики ФЕ, как, например, в идиоме: **like a father** – «по-отечески, авторитетно, строго, но благожелательно», ср.: *If she won't listen to reason, I will talk to her like a father*. (*OED*) – Если она не прислушается к голосу здравого смысла, придется мне по-отечески поговорить с ней. «Интергендерность» данной идиомы является неполной, т.е. допускается возможность употребления этой идиомы по отношению к женщине, но все таки в большинстве случаев она характеризует действие, выполняемое мужчиной.

Гендерная референция *междометных* фразеологизмов также является **косвенной** (или ситуативной), т.е. определяется тем, чье эмоциональное состояние (мужчины или женщины) она выражает или передает в конкретном коммуникативном акте. Например, ФЕ **my (giddy** или **sainted) aunt!** – «вот те на!, вот так так!, вот так штука!, подумать только!, ну и ну!» может относится как референту-женщине, так и к референту-мужчине:

1) феминнная референция:

   “My Aunt!” murmured Clare. “Who would read a book like that?” (*J.Galsworthy*, ‘*Maid in Waiting*’, *ch. XXXI*). – Ну и ну! – пробормотала Клэр. – Кто будет читать такую книгу?

2) маскулинная референция:

   “How long has this been going on?”

   “For some weeks, sir,”

   “My sainted aunt!” (*P.G.Wodehouse*, ‘*The World of Jeeves*’. *ch. 2*)

   – Как давно вы ухаживаете за этой девушкой?

   – Несколько недель, сэр

   – Подумать только!

Раздел II.
Фразеологические единицы
с антропометрическими лексемами

§ 1. ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ

ФЕ, опорными компонентами которых являются антропометрические лексемы (далее – АЛ), т.е. существительные, семантической доминантой которых является признак пола, представляют собой самую многочисленную группу гендерно маркированных идиом. В лингвистической литературе существуют разные подходы к изучению семантики АЛ. Одним из наиболее распространенных является подход, направленный на изучение особенностей апеллятивного потенциала АЛ, влияющего на выбор и возможную замену той или иной АЛ в конкретной речевой ситуации, что говорит о важной роли коммуникативных компонентов в их семантике. Как справедливо отмечает Е.С.-Кубрякова, «… одна и та же форма может служить источником разных значений, одно и то же значение может быть передано с помощью разных языковых форм. Стратегии говорящего заключаются в выборе надлежащей формы для передачи задуманного значения, стратегии слушающего – в выборе из возможных для данной языковой формы надлежащего значения» (Е.С.Кубрякова, 1986: 35).

Особое значение в исследованиях, посвященных семантики АЛ, отводится роли ассоциативного потенциала, который декодирует определенные стереотипные представления, получающие развитие в процессе формирования семантической структуры АЛ. Как отмечает Ю.Д.Апресян, ассоциации «отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые факторы» (Ю.Д. Апресян, 1974). Ю.Д.Апресян также считает, что ассоциации, вызванные тем или иным словом, пронизывают сферу коннотаций. Таким образом, ассоциативные признаки АЛ играют решающую роль в процессе актуализации того или иного семанти-

ческого компонента лексемы в соответствии с коммуникативной стратегией говорящего. С.В.Силинский подтверждает данную точку зрения в исследованиях речевой вариативности АЛ. Так, слово gentleman, как отмечает С.В.Силинский (1995), в определенных речевых условиях может содержать указание на манеру поведения человека, его происхождение и воспитание. В слове lady, помимо основных сем пола и возраста, присутствует указание на определенный социальный статус женщины в английском обществе, хотя в американском варианте английского языка сфера употребления слова lady была значительно расширена, оно употребляется для обозначения женщин из более низких слоев населения; ср. charlady вместо charwoman в британском варианте. Общество «равных возможностей», отмечает также С.В.Силинский, влияет определенным образом на языковую номинацию и предписывает коммуникантам специфический речевой этикет: именование людей с социально более низкой ролью происходит с помощью их личных имен Mr. X или Mrs. Y или даже завышается. Характерно, что и в британском варианте коммуникант может употребить речевой эвфемизм lady вместо референциально обусловленного, но социально сниженного, ср.: “Caroline is the lady who cooks for me. Incidentally she is the wife of my gardener” (пример С.В.Силинского).

Продолжая мысль о том, что ассоциативный потенциал АЛ способствует актуализации определенных стереотипных образов в сознании носителей английского языка, следует также отметить замечание С.В.Силинского о концептуальных признаках слов maiden и dame, которые содержат указание на отношение к браку и на определенный статус. Слово dame, например, в британском варианте современного английского языка, указывает С.В.Силинский, употребляется редко, а в американском варианте оно функционирует с эмотивным компонентом пренебрежительного отношения. Словарь сленга сопровождает его следующей дефиницией: “woman, often with the implication of promiscuity”. (С.В.Силинский, 1995).

Большим ассоциативным потенциалом обладают и АЛ, называющие людей по признаку имущественного и социального положения, а именно king – queen, prince – princess, duke – duchess, в которых, по мнению исследователя английской лексики Х.С. Серенсена (1958), в основу номинации кладется признак иерар-

хии. Ассоциативное поле семантики данных АЛ способствуют формированию определенных стереотипных образов, связанных с такими концептуальными признаками, как «правитель», «самый главный», «высокое социальное положение», «власть», «богатство». С.В.Силинский указывает на то, что импликационные компоненты таких слов, как king – queen, prince – princess, duke – duchess, являются рефлексами ассоциативных признаков денотатов, каковыми являются “distinguished in wealth, in power, clothes, manners” и ряд других. К примеру, мать говорит о своем ребенке “*The baby’s going to be dressed like a prince, isn’t he?*” В данном случае в АЛ prince семантически доминантным является концептуальный признак “beautifully clad” с соответствующим ассоциативным полем (С.В.Силинский, 1995).

С позиции гендерных исследований интерес также представляет работа американского лингвиста Линды Бебоут, посвященная изучению современного употребления и новых тенденций в изменении значения таких АЛ, как lady/gentlemen; woman/man; girl/boy (L.Bebout, 1995). Л.Бебоут проводила исследование данных АЛ по следующим аспектам: параллельное/синхронное употребление lady/gentlemen – woman/man; социальный статус данных слов; степень сексуальности, подразумевающаяся при употреблении данных оппозиций; рассмотрение укоренившихся стереотипов в устойчивых выражениях ‘the real man / the real woman’; установление возрастных границ таких оппозиций, как woman :: man (lady :: gentleman); young woman :: young man; girl :: boy, а также выявление так называемых приоритетов в употреблении информантами слов lady/gentleman/woman/man/girl/boy для описания людей в различных ситуациях, т.е., например, при разговоре с ребенком о незнакомом человеке того или иного пола, или при обращении к человеку не состоящем в браке или к лицу противоположного пола.

Поскольку данные оппозиционные пары АЛ формируют бîльшую часть гендерно маркированных ФЕ данной группы, некоторые выводы, к которым пришла Л.Бебоут в изучении новых тенденций и изменений, проявляющихся в сдвиге семантических компонентов АЛ (что приводит к выдвижению одних и «затуханию» других концептуальных признаков с соответствующим ассоциативным пространством), являются весьма важными для настоящего исследования, а именно: 1) использование

слова ‘lady’ в качестве эвфемизма слову ‘woman’ (подобное употребление в ряде случаев воспринимается говорящим в качестве немаркированного термина для обозначения лица женского пола); 2) в отличие от АЛ ‘woman’, слово ‘lady’ часто служит для передачи несерьезного, тривиального отношения к референту; 3) гораздо реже, но все-таки встречаются случаи, в которых АЛ ‘lady’ употребляется для передачи концептуальных признаков «аристократические манеры», «благородное происхождение», «родовитость, знатность»; 4) в отличие от соответствующих мужских АЛ, лексемы ‘lady’, ‘woman’, ‘girl’ могут употребляться по отношению к референтам разных возрастных категорий – особенно АЛ ‘girl’, которая может относиться к человеку гораздо старшего возраста, чем слово ‘boy’; 5) усиливается тенденция употребления АЛ ‘guy’ во множественном числе по отношению к группе людей, включающей лица женского пола; 6) усиливается тенденция к специализации значения АЛ ‘lady’. Данное слово все чаще употребляется в качестве маркера более низкого социального статуса референта в отличие от слова ‘woman’ (особенно в атрибутивной функции или в названиях профессий). Однако коррелирующая с ней АЛ ‘gentleman’ сохраняет свое употребление в большинстве случаев по отношению к референту с благородными манерами поведения (L.Bebout, 1995).

Исследование гендерно маркированных оппозиций той части лексикона английского языка, к которой относятся слова, семантической доминантой которых является признак пола, чрезвычайно важно для полного и адекватного восприятия и понимания языковых реалий. Наметившиеся тенденции в ином восприятии и понимании АЛ, говорят об изменениях этой части концептуального пространства английского этноса. Исследование наиболее востребованных в коммуникативном плане концептуальных признаков мужских и женских АЛ способствует более глубокому проникновению в глубинные структуры фразеологической семантики, раскрывает причины гендерных асимметрий английских ФЕ с АЛ, а также способствует представлению более полной картины взаимодействия, взаимосвязи и специфики функционирования гендерных категорий во фразеологическом пространстве английского языка.

§ 2. КЛАССИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИХ ЛЕКСЕМ

Необходимо отметить, что в основе гендерных маркеров, выраженных АЛ, лежит четкое дихотомическое деление, т.е. распределение лексем данной группы на пары соподчиненных элементов с определенной гендерной характеристикой, а именно – противопоставлением мужского и женского родов.

Как показало исследование, АЛ образуют одиннадцать гендерных лексических оппозиций. В каждой гендерно оппозиционной паре маркеров, помимо общего доминантного семантического признака пола, можно выделить ряд микропризнаков, которые, с одной стороны, отличают ту или иную оппозицию от всех остальных, а с другой стороны, могут объединять гендерно противопоставленные лексемы в подгруппы. Таким образом, выделяя некоторые из таких признаков в качестве центральных, можно провести следующую классификацию АЛ:

1) по возрастному признаку и семейному статусу в одну подгруппу можно включит такие гендерно оппозиционные лексемы, как: **boy** – **girl**; **man** – **woman**; **fellow/lad/guy** – **maid/maiden**; **Mr** – **Mrs** – **Miss**; **male** – **female**;
2) по признаку социального статуса и благородного происхождения в одну подгруппу объединяются такие гендерно оппозиционные пары, как: **gentleman** – **lady**; **lord/master** – **mistress**; **knight/chevalier** – **dame**; **king** – **queen**; **prince** – **princess**; **duke** – **duchess**; и одна непарная лексема **baron**.

Однако следует отметить, что подобная классификация проводится без учета процесса фразеологизации, т.е. без учета той роли, которую играет та или иная лексема в результирующем значении идиомы. Если учитывать, какие именно признаки в семантике лексемы участвовали в формировании семантики соответствующей идиомы, то классификация оппозиций может быть иной. Так, например, если концептуальным центром фразеологизации становится такой признак, как «внешность», то в одну группу гендерных маркеров можно объединить такие парные лексемы, как boy – girl, man – woman, а также непарные слова lady и queen, например: **a glamour girl** – *разг.* красотка; шикарная девица; **a toy-boy** – a handsome young man who is chosen as a lover by a much older but wealthy woman [PDEI]; **a slip of a boy/**

girl – худышка, тростиночка (о мальчике или девочке); **a man-eater** – (*informal*) a woman who attracts men very easily and has many relationships [CIDI]; **lady killer** – a handsome man who believes that women cannot resist him and want him desperately. He will break many women's hearts [PDEI]; **a media queen** – a beautiful woman who is the favorite subject of journalists and television reporters [PDEI].

Обращает на себя внимание и тот факт, что гендерные маркеры, выраженные АЛ, могут формировать не только двух, но и трехчленные оппозиции, например **girl** – **boy**; **lady** – **gentleman**; **Miss** – **Mrs** – **Mr**. Гендерные оппозиции антропометрических лексем могут включать также и их синонимы, ср.: **mistress** – **lord**/**master**; **dame** – **knight/chevalier**; **maiden/maid** – **fellow/guy/lad**.

Отличительной структурной особенностью АЛ, выступающих в качестве гендерных маркеров идиом, является доминирование производных пар, в которых слова, обозначающие лицо женского пола, образованы от слов, обозначающих лицо мужского пола. В исследовании было обнаружено шесть гендерно оппозиционных парных лексемы, построенных по такой деривационной модели образования: **man** – **woman**; **master** – **mistress**; **male** – **female**; **prince** – **princess**; **duke** – **duchess**; **Mr** – **Mrs**. Гендерно оппозиционных пар с моделью суплетивного способа образования меньше, а именно было зафиксировано пять бинарных оппозиций: **boy** – **girl**; **gentleman** – **lady**; **king** – **queen**; **fellow** – **maid**; **knight/chevalier** – **dame**.

Группа ФЕ с АЛ носит андроцентричный характер. На андроцентричный характер ФЕ с АЛ указывает тот факт, что мужские АЛ обладают бíльшей фразеологической активностью, чем женские АЛ. Среди мужских АЛ гораздо чаще других в процессе фразеологической номинации участвует лексема **man**, которая является компонентом 86-и идиом. Среди женских АЛ наибольшее количество фразеологизмов образуют лексемы **lady** (24 ФЕ) и **woman** (20 ФЕ). Преобладание ФЕ с мужскими АЛ говорит о более высокой степени их релевантности, о бíльшей коммуникативной востребованности мужских АЛ, участвующих во фразеологической вербализации различных понятийных областей концептосферы английского этноса. *Андроцентричность* данной группы идиом показывает ориентированность фразеологизмов с

АЛ на раскрытие мужской картины мира, мужского взгляда на мир, мужской перспективы и мужской доминантности.

Общие количественные данные соотношения фразеологической активности мужских и женских АЛ следующие: ФЕ с обозначениями мужчин – 226, женщин – 109, одновременно мужчин и женщин – 33.

§ 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИМИ ЛЕКСЕМАМИ

Исследование концептуальных оснований 368 ФЕ с АЛ, выступающими в качестве их опорных компонентов в процессе фразеологизации, показало, что главным концептом данной группы идиом является концепт «***социальная роль и социальная значимость мужчин и женщин***». Главное концептуальное основание сформировано из ряда простых и сложных субконцептов, в которых уточняются, т.е. подвергаются процессу специализации, или обобщаются, т.е. подвергаются процессу генерализации, гендерные категории «маскулинность» и «фемининность».

В группе ФЕ с ***мужскими*** АЛ можно выделить следующие простые и сложные субконцепты:

1) *мужская деятельность, род занятий*, например: **the grand old man of smth.** – (*humorous*) a man who has been involved in a particular activity for a long time and is known and respected by a lot of people [CIDI]; **a man of the cloth** – (*formal*) a priest [CIDI]; **grey men** – an anonymous body of men who work behind the scenes of large institutions and organizations [PDEI]; **the man higher up** – *амер. разг.* политический босс; воротила, заправила, туз; **the boys** (или **men**) **in blue** – 1) моряки; 2) полицейские; **a boy in buttons** – мальчик-коридорный; мальчик-лифтёр (в гостинице); **Mr. Fixit** – *амер.* 1) мистер «Наладь-почини» (о человеке, умеющем искусно чинить, мастерить); 2) уполномоченный по улаживанию конфликтов; **gentlemen of the (long) robe «**джентльмены в мантиях», юристы; **a gentleman in waiting** – камергер; **a gentleman of fortune** – *эвф.* 1) *уст.* «джентльмен удачи», пират, разбойник; 2) «джентльмен удачи», авантюрист, искатель приключений; **knight of the pencil** – «рыцарь карандаша», букмекер; **chevalier of industry** – *эвф.* «рыцарь лёгкой наживы», авантюрист, аферист, мошенник, проходимец;

2) *мужское начало/ мужественность*, например: **to make a man (out) of smb**. – to make a young man without much experience develop into a confident and experienced adult [CIDI]; **to be man enough to do smth**. – to be brave enough to do something [CIDI]; **play the man** – вести себя, поступать как подобает мужчине; **between man and man** – как мужчина с мужчиной; **a man's man** – настоящий мужчина; **to separate/sort out the men from the boys** – if a difficult situation or activity separates the men from the boys, it shows which people in a group are brave and strong and which are not [CIDI].

Данный субконцепт является компликативным и флексивным, т.е. фокусами концептуализации могут становиться разные понятия, имеющие отношение, как правило, к типичным, сугубо мужским качествам. В данном субконцепте могут превалировать такие понятия, как, например «*мужские черты характера*»: **a strong man** – сильная личность, диктатор; **ladies'** (или **lady's**) **man** – дамский угодник, волокита, ловелас, кавалер; или концепт «*мужские слабости*», например: **the way to a man's heart is through his stomach** – *посл.* «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок»; **boys and/with toys** – used in order to say that men like to own fast cars, the most modern electronic equipment etc. [LID]; или концепт «*мужское поведение + образ жизни*», например: **a medallion man** – (*British, humorous*) a man, usually an older man, who dresses in a way that he thinks women find attractive, often wearing an open shirt in order to show his chest and a lot of gold jewellery [CIDI]; **a strong-arm man** – *амер. жарг.* 1) хулиган, громила, головорез, налётчик; 2) вооружённый молодчик (из охраны); **a four-letter man** – *жарг.* низкопробный тип, отвратительный субъект, подонок; **bully-boy tactics** – shouting someone down and adopting violent and aggressive behavior [PDEI];

3) *социально-профессиональная успешность мужчины*, например: **a man for all seasons** – (*slightly formal*) a man who is very successful in many different types of activity [CIDI]; **a self-made man** – a man who is rich and successful as a result of his own work and not because his family had a lot of money [CIDI]; **the grand old man of smth**. – (*humorous*) a man who has been involved in a particular activity for a long time and is known and respected by a lot of people [CIDI]; **the leading man** – видный деятель; **prince of/among** – a man regarded as

outstanding or excellent in a particular sphere or group [NODE]; **Prince of the Church** – (*historical*) a dignitary in the Church, especially a wealthy and influential cardinal or bishop [NODE] (кардинал);

4) *товарищ, собрат; свой, близкий, один из своих (себе подобных)*, например: **the old-boy network** – an association of ex-public school boys, i.e. old boys, who obtain jobs for one another on the basis of their common background, rather than merit [PDEI]; **one of the boys** – *разг.* свой человек, свой парень; **old boy** – *разг. фам.* 1) старый школьный или университетский товарищ, однокашник; 2) старина, старикан, братец, дружище; **hail fellow well met** – человек, находящийся со всеми в дружеских, приятельских отношениях, запанибрата, на дружеской ноге; **one of the lads** – *разг.* = свой парень;

5) *лицо мужского пола + возрастной признак*, например: **man and boy** – с юных лет; **from a boy** – с детских лет, с малых лет, с раннего детства; **the blue-eyed boy** – любимец, любимчик; **a little fellow** – малыш, ребёнок; **a little man** – *шутл.* «маленький мужчина» (о мальчике); **the grand old man** – маститый деятель, «патриарх»;

6) *богатая, обеспеченная жизнь*, например: **as rich as a king** – wealthy, affluent [PDEI]; **a king's ransom** – a huge, excessively large sum of money [PDEI]; **to live like a king** – to live in a very comfortable way with all the luxuries you want [CIDI]; **to live like a lord** – to live in great luxury with the best food and wine, and be waited upon by many servants [PDEI]; **a butter and egg man** – богач, сорящий деньгами (обык. о провинциале, приехавшем в город);

7) *хозяин, владелец, повелитель + самый главный*, например: **man of the house** – the male head of the a household [NODE]; **big boy** – важная персона, «шишка»; хозяин, заправила; **be master in one's own house** – не допускать вмешательства в свои дела; **be master of oneself** – владеть собой, держать себя в руках; **a master of ceremonies** – 1) распорядитель (вечера танцев и т.п.); 2) *амер.* конферансье; **serve two masters** – быть слугой двух господ (ср. и нашим и вашим); **new lords, new laws** – *посл.* новые хозяева – новые законы; **lord it over smb**. – to behave in a way that shows you think you are better or more powerful than someone else, especially by telling them what to do [LID];

8) *внешность мужчины + образ жизни, поведение*, например: **a toy-boy** – a handsome young man who is chosen as a lover by a much older but wealthy woman [PDEI]; **lady killer** – a handsome man who believes

that women cannot resist him and want him desperately. He will break many women's hearts [PDEI];

9) *знаток своего дела, мастер*, например: **a master of fence** – искусный спорщик [*букв.* искусный фехтовальщик]; **a past master** – знаток своего дела, непревзойдённый мастер;

10) *доблесть, благородство*, например: **a knight in shining armour** – *ирон., шутл.* доблестный рыцарь, галантный кавалер; **knight of the shire** – 1) *ист.* член парламента от графства; 2) *разг.* «рыцарь своего графства», защитник интересов данного графства (о члене парламента); **a white knight** – someone who gives money to a company in order to prevent it from being bought by another company [CIDI].

Как правило, данный субконцепт «разворачивается» в семантике ФЕ в тесном взаимодействии с такими понятиями, как «*высокие этические принципы личности*», «*достойные уважения и гордости моральные качества*», «*высокие поведенческие установки и нормы*», например: **a man of honour** – a man who adheres to what is right or to a high standard of conduct [NODE];

11) *семейный статус мужчины*, например: **a fancy man** – возлюбленный; любовник; **one's young man** – молодой человек, поклонник, жених.

Данный субконцепт может быть дополнен концептуальным основанием «*отношение к семейным обязанностям*», например: **a New Man** – (*British & Australian*) a man who shows his belief in the equality of the sexes by helping his partner with the care of the children and by sharing the work that needs to be done in the house [CIDI]; в качестве со-вершинного субконцепта может выступать также понятие «*степень интереса к своей семье*», например: **a family man** – a man whose interests are in his house, rather than outside it, e.g. in his career, or in sport, socializing, etc. [PDEI]. Необходимо отметить, что для данного концептуального основания характерно наличие «женского голоса», который четко прослеживается в передаче еще одного дополнительного субконцепта, выступающего в качестве осложняющего фактора концептуального основания «семейный статус мужчины», а именно субконцепта «*идеальный образ супруга*», например: **Mr. Right** – будущий муж, суженый (a man who would be the perfect husband for a particular woman because he has all the qualities that she wants [CIDI]. Передача данного субконцепта может осуществляться и с

помощью *аллюзии*, например: **a Prince Charming** (**prince charming**) – сказочный принц, идеал будущего мужа (an ideal male lover who is both handsome and of admirable character [NODE]). Субконцепт «*идеальный образ супруга*» представляет собой собирательный образ мужчины, рассматриваемого в качестве мужа или жениха, и подразумевает такие его параметрические признаки как внешность, характер, материальный достаток, отношение к браку;

12) *умственные способности мужчины*, например: **a Renaissance man** – (*formal*) an intelligent and well-educated man who knows a lot about many different subjects [CIDI];

13) *отношение к женщине*, например: **a male chauvinist pig** – a term of abuse coined by the Women's Lib movement for any man who is domineering or aggressive in his attitude to women. 'Chauvinist' derives from Nicolas Chauvin, a French soldier, well known for his exaggerated nationalistic views; 'pig' stands for male greed and insensitivity [PDEI].

В группе ФЕ с ***женскими*** АЛ можно выделить следующие простые и сложные субконцепты в рамках главного концептуального основания «***социальная роль и социальная значимость мужчин и женщин***»:

1) *женская деятельность, род занятий*, например: **a woman's work is never done** – *посл.* = работе по дому конца нет; **a woman of pleasure** – продажная женщина, куртизанка; **a Hallelujah girl** (или **lass**) – *ирон*. девушка из Армии спасения; **a meter maid** – *амер.* женщина-полицейский, следящая за соблюдением правил стоянки автомашин; **the leading lady** – *кино, театр.* ведущая актриса, актриса на первых ролях; **principal girl** – *театр.* актриса, исполняющая главную женскую роль; **a call girl** – a woman who has sex with men for money, especially one who arranges her meetings by telephone [CIDI].

Данный субконцепт в ряде случаев может сопровождаться *аллюзией*, например: **the old woman is picking her geese** – *шутл.* «старушка ощипывает гусей», идет снег; **a girl Friday** – помощница, «правая рука», надежный работник [особ. о девушке-секретаре];

2) *женское начало/женственность + женские качества, черты женского характера* (*слабость, робость, трусливость, капризность*),

например: **the eternal feminine** – вечно женственное, вечная женственность; **play the woman** – плакать; трусить; вести себя как не подобает мужчине, быть «бабой»; **an old woman** – *пренебр.* «старая баба», робкий или суетливый человек (о мужчине); **a Miss Nancy** – *разг.* неженка, «девчонка» (о мальчике, юноше); **to hide behind a woman's skirts** – to try to avoid the consequences of one's actions by putting the blame on a woman [PDEI]; **a big girl's blouse** – (*British & Australian, humorous*) a man or a boy who behaves in a way which other men think is how a woman would behave, especially if they show they are frightened of something [CIDI]; **the princess of American politics** – (*N.Amer.*) a spoilt or arrogant young woman [NODE].

Данный субконцепт может также включать такой концептуальный признак, как «*женское поведение*», например: **hell has no fury like a woman scorned** – «фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной» [выражение создано английским драматургом У.Конгривом (W.Congreve, 1670 – I729)];

3) *внешность женщины*, например: **a glamour girl** – *разг.* красотка; шикарная девица; **a sweater girl** – *амер. разг.* девушка с пышным бюстом; **a pin-up girl** *амер.* – фотография красотки, кинозвезды, вырезанная из газеты или журнала; **a media queen** – a beautiful woman who is the favorite subject of journalists and television reporters [PDEI]; **a man-eater** – (*informal*) a woman who attracts men very easily and has many relationships [CIDI]; **a man is as old as he feels, and a woman as old as she looks** – *посл.* возраст мужчины определяется тем, как он себя чувствует, а женщины – как она выглядит.

В данном субконцепте может актуализироваться не только понятие «*физические данные женщины*», но и концептуальный признак «*внешний вид*», например: **to look like a bag-lady** – to look dirty and untidy, unkempt, frumpy [PDEI]; **a Teddy girl** – *разг.* стиляга; **a media queen** – a beautiful woman who is the favorite subject of journalists and television reporters [PDEI];

4) *нравственная сторона жизни женщины*, например: **a lady of easy virtue** – женщина сомнительной нравственности, особа лёгкого поведения; **a fallen woman** – (*old-fashioned*) a woman who is not respected any more because she had sex without being married [CIDI]; **a loose woman** – a woman who does not value her morals highly [PDEI]; **a scarlet woman** – (*old-fashioned*) a woman who people think is morally bad because she has sex with a lot of men [CIDI]; **a good time girl** – a

girl who lives for pleasure, loose woman [PDEI]; **a lady of the town** – a woman of loose morals [PDEI].

Данный субконцепт может взаимодействовать с концептуальным основанием «*брачные обычаи*», например: **make an honest woman (out) of smb.** – «сделать кого-л. честной женщиной», жениться на гулящей; прикрыть грех, т.е. жениться на любовнице, узаконить любовную связь браком;

5) *девичество и замужество*, например: **one's young woman** – *разг.* возлюбленная; **one's best girl** – любимая (девушка), возлюбленная; **a bachelor girl** – одинокая девушка, живущая самостоятельно, «холостячка»; **old girl** – *разг. ласк.* 1) «старуха», «старушка» (независимо от возраста; часто о матери или жене); 2) милая моя, дорогая (в обращении); **Miss Right** – *разг.* будущая жена, суженая, избранница; **Mrs. Thing** – миссис «Как там её» (выражение употребляется, когда говорящий не знает имени и фамилии замужней женщины); **a maiden speech** – первая речь (особ. нового члена парламента); **a maiden attempt** – первая попытка; **to be an old maid** – to be a spinster long past marriageable age [PDEI]; **one's young woman** – *разг.* возлюбленная; **ask for a lady's hand** – просить чьей-л. руки и другие.

В рамках данного субконцепта в качестве осложняющего фактора может выступать концептуальное основание «*отношения в браке*», например: **think you are God's gift to women** – (*humorous*) if a man thinks he is God's gift to women, he thinks he is extremely attractive and that all women love him [CIDI];

6) *хозяйка + самая главная*, например: **the Mistress of the Adriatic** – *ист.* «владычица Адриатики» (Венеция); **the Mistress of the Seas** – *уст.* «владычица морей» (Великобритания); **mistress of the situation** – хозяйка положения; **Lady Muck** – (*British & Australian, humorous*) a woman who thinks she is very important and should be treated better than everyone else [CIDI]; **Dame Fortune** – *книжн.* госпожа Фортуна, судьба; **Dame Nature** – *книжн.* мать-природа;

7) *лицо женского пола*, например: **a lady in the case** – в этом деле замешана женщина [выражение создано английским поэтом и драматургом Дж. Гаем 1685 – 1732]; **my good woman** – *разг.* (моя) любезная (покровительственное обращение); **there is a woman in it** – здесь замешена женщина;

8) *возраст женщины*, например: **a bread and butter miss** – *шутл.* школьница, девочка школьного возраста;

9) *социальные обычаи*, например: **ladies first** – *разг.* пожалуйста, проходите (говорится женщине, когда мужчина пропускает её вперёд);

10) *умственные способности женщины*, например: **woman's reason** – *преим. ирон.* женская логика; **the girl next door** – любящая, верная, миловидная, но «земная» и заурядная по уму девушка или молодая женщина;

11) *отношение к мужчине*, например: **a woman needs a man like a fish needs a bicycle**, **a woman without a man is like a fish without a bicycle** – (*humorous* feminist variations from 'to need smth. like a fish needs a bicycle' – to have absolutely no need of smth. [PDEI];

Как показало исследование, для группы ФЕ с АЛ характерны и **общие** субконцепты, такие как:

1) *деятельность, род занятий*, например: **the men in white coats** – (*humorous*) doctors who look after people who are mentally ill [CIDI]; **if you want… smb. is your (the) man/woman** – (*spoken*) used in order to say that a particular man/woman is the best person to help someone or do a particular job [LID]; **smb.'s right-hand man/woman** – someone who helps you with your work and who you depend upon [CIDI]; **low man on the totem pole** – the person of least importance or rank [CCAEI]; **a King's** (или **Queen's**) **counsel** – *юр.* королевский адвокат; **wear the King's** (или **Queen's**) **coat** – *ист.* служить в английской армии; **take the King's** (или **Queen's**) **shilling** – *уст.* поступить на военную службу [вербовщики уплачивали рекрутам один шиллинг];

2) *черты характера, человеческие качества*, например: **you can't keep a good man/woman down** – (*humorous*) something that you say which means that a person with a strong character will always succeed, even if they have a lot of problems [CIDI]; **a man of his word/a woman of her word** – someone you can trust because you know they will do what they say they will do [CIDI]; **a driven man/woman** – a highly motivated person, possessing the power to fulfil his or her aims [PDEI]; **be as… as the next man/woman** – used in order to say that you have as much of a quality as anyone else, or are able to do something as well as anyone else, especially when you are explaining the reason for something you have said [LID]; **a wise guy** – *амер. ирон.* «умник», самоуверенный человек, зазнайка;

3) *образ жизни + поведение*, например: **like a man/woman possessed** – if you do something like a man possessed, you do it with a lot of energy in a way that is not controlled [LID]; **a kept man/woman** – (*humorous*) someone who does not work and who is given money and a place to live by the person who they are having a sexual relationship with [CIDI]; **to be one's own man/woman (person)** – to do what one likes without being answerable to anyone; **the/a bad guy** – used about someone who people blame or dislike for what is wrong in a situation [LID]; **the/a good guy** – used about someone who people like or trust because they are not doing bad or illegal things in a situation when other people are, or because they are trying to stop these things from happening [LID]; **to be one's own man/woman (person)** – to behave in the way that you want and not let other people influence you [CIDI];
4) *член определенной социальной группы*, например: **It Girls** – upper-class girls famous during the 1990s for their aristocratic connections and wealth, and who enjoyed partying and being photographed [PDEI]; **girl power** – the influence that young women feel they can wield over social and economic issues [PDEI]; **rah-rah boys** – *амер.жарг.* студенты, предпочитающие весёлое времяпрепровождение занятиям; бездельники, лоботрясы [rah-rah искажённое hurrah]; **a new boy** – someone who is new to a position of employment or a place of work [PDEI]; **a man/woman of means** – someone who has a lot of money [CIDI];
5) *благородное происхождение*, например: **a gentleman's agreement** – an agreement that has no legal force but is based solely on the honour of the parties involved [PDEI]; **one of Nature's gentlemen** – истинный джентльмен, человек безупречного поведения; **it's not the gay coat that makes the gentleman** – *посл.* «нарядная одежда ещё не делает джентльменом»; = не одежда красит человека; **a gentleman at large** – дворянин, который нигде не служит; светский человек; **like a lady, in a lady-like way/manner/fashion** – to behave perfectly, faultlessly, to have excellent manners, to be exquisite [PDEI]; **ladies who lunch** – wealthy women who don't have to work and have much time on their hands for socializing, gossiping and dining in exclusive restaurants [PDEI];
6) *самый главный, самый важный + старший + власть*, например: **not to call the King** (или **Queen**) **one's cousin** – *разг.* зазнаться, заважничать; **the king of beasts** – царь зверей, лев; **the king of day** – *поэт.* дневное светило, солнце; **the King of glory** (**of Heaven** или **of Kings**)

– *рел.* царь царей, бог, Христос; **to queen it** – to domineer over, to take advantage of one's rank to humiliate someone [PDEI]; **to feel like a queen** – to feel majestic and splendid; **the prince of liars** – the biggest liar of all, the worst of liars [PDEI]; **to feel like a princess** – to feel elevated, magnificent and proud [PDEI]; **princess of the blood** – a woman who is a princess by right of her royal descent [NODE];

7) *совершенство, высшая степень положительного качества*, например: **the King's** (или **the Queen's**) **peace** – общественный порядок, спокойствие, тишина; **the King's** (или **Queen's**) **English** – литературный английский язык, правильный английский язык; **to a** (или the) **queen's taste** – в совершенстве; **King's** (**Queen's** или royal) **weather** – чудесная погода; **May Queen** (*тж.* **the Queen of** (**the**) **May**) – «королева мая» [девушка, избранная за красоту королевой в первомайских народных играх, коронуется венком из цветов].

Данный субконцепт может сопровождаться *аллюзией*, например: **lord of creation** – «венец творения», мужчина (в противоположность женщине) [этим. библ. Genesis I, 27–28]; **the answer to a maiden's prayer** – *разг. шутл.* «мечта девушки», красивый холостяк, завидный жених; красавец-мужчина;

8) *внешность*, например: **a slip of a boy** (или **a girl**) – худышка, тростиночка (о мальчике или девочке); **be a fine figure of a man/woman** – (*old-fashioned*) to be someone who is big and strong with an attractive body [CIDI];

9) *интеллектуальные способности*, например: **a half-baked boy/girl** – (*slang*) a foolish, stupid boy or girl [PDEI];

10) *внешние данные + умственные способности*, например: **the thinking man's/woman's crumpet** – (*British, humorous*) a man or woman who is popular with the opposite sex because they are both intelligent and sexually attractive [CIDI];

11) *среднестатистический человек*, например**: the man/woman on the Clapham omnibus** – (*British*) an imaginary person whose opinions and behaviour are thought to be typical of ordinary British people [CIDI]; **the man/woman/person in the street** – a typical, ordinary person [CIDI].

В проанализированном нами материале несколько обособленное положение по отношению к остальным общим субконцептам занимают фразеологические *аллюзии*, которые могут рассматри-

ваться в качестве отдельного концептуального основания, участвующего в процессе фразеологической номинации, например:

> **Peck's Bad Boy** – *амер.* человек, ставящий других в неловкое положение своей простодушной бестактностью [по названию книги 'Peck's Bad Boy and His Pa' Дж.У.Пека (G.W.Peck, 1840–1916)]; **the Iron Maiden** (of Nuremberg) – *ист.* «железная дева» [орудие пытки, применявшееся в Нюрнберге в Средние века]; **singe the beard of the King of Spain** – *ист.* «подпалить бороду испанского короля», опустошать берега Испании [выражение создано Ф.Дрейком (F.Drake, 1545–95)].

Необходимо особо подчеркнуть, что анализ субконцептов указал на возможность отнесения концептуальных оснований с одним и тем же признаком, например «*внешность*», как к частным, так и к общим концептуальным центрам. Подобная необходимость обусловлена в первую очередь спецификой, целями и характером функционирования двух блоков субконцептов, поскольку основная функция **частных** концептуальных оснований – *индивидуализирующая*, т.е. они выявляют характерные признаки для раскрытия исключительно мужской или женской картины мира, а основная функция **общих** субконцептов – *обобщающая*, т.е. они называют наиболее типичные, свойственные всем, интергендерные признаки и сферы, релевантные для жизнедеятельности и социализации людей как единого языкового коллектива.

Как в частных (фемининных, маскулинных), так и в общих субконцептах можно выделить приоритетные, доминирующие зоны концептуализации. Например, в **частных феминнных** субконцептах приоритетными зонами фразеологической объективизации являются концепты «*внешность женщины*», «*девичество и замужество*» и «*нравственная сторона жизни женщины*», а в **частных маскулинных** субконцептах такими зонами являются «*мужская деятельность, род занятий*», «*мужское начало* (*мужественность*)» и «*социально-профессиональная успешность мужчины*». В **общих субконцептах** наиболее значимыми являются субконцепты «*образ жизни + поведение*», «*самый главный, важный + старший + власть*» и «*благородное происхождение*». Определение наиболее и наименее релевантных концептуальных зон/центров позволяет выявить **ядерные** и **периферийные** области

фразеологической номинации в рамках гендерной парадигмы. Выделение ядерных и периферийных субконцептов особенно в пределах частных концептуальных оснований, а также их сопоставление способствуют раскрытию гендерно обусловленных информационных матриц, отражающих традиционное социально-культурное отношение и восприятие стереотипных образов «мужчина» и «женщина». В качестве примера можно сравнить два частных концептуальных основания «*внешность мужчины*» – «*внешность женщины*». Принадлежность маскулинного субконцепта к *периферийным*, а фемининного – к *ядерным* концептуальным основаниям свидетельствует о степени релевантности данных понятий в адекватном отображении гендерных категорий. Внешность, а именно – красота, обаяние, привлекательность, являются своего рода визитной карточкой женщины, залогом ее успеха, поскольку в первую очередь увеличивают ее шансы на успешное замужество. Но если даже замужество не является на каком-то этапе жизни женщины главным, тем не менее, привлекательная внешность в большинстве случаев может увеличить возможности на достижение каких-либо других целей, поскольку красивая женщина привлекает внимание окружающих, в том числе и мужчин, не говоря уже о том, что для ряда профессиональных сфер внешность является главным, приоритетным критерием отбора, основным условием получения работы и успешного карьерного роста. Следовательно, критерий оценки женщины по ее внешности крайне важен и довольно высок. Красивая же внешность мужчины относится к разряду не только незначащих и ненужных, но и «немаскулинных» качеств. Исследование идиом, формирующих данный маскулинный субконцепт, показало, что обладание мужчинами красивой внешностью часто сопровождается недостойным, «немужским» поведением или образом жизни, т.е. тем, что не имеет отношения к понятию «настоящий мужчина».

Таким образом, анализ процесса фразеологизации и формирования семантики идиом с АЛ показал, что концептуальные основания, участвующие в процессе фразеологической номинации имеют гендерно маркированный характер.

В ходе исследования были также установлены особенности, которые характеризуют только частные (а), либо только общие субконцепты (б):

а) отличительной чертой *частных* (фемининных и маскулинных) субконцептов является **гендерная концептуально-фразеологическая лакунарность**. Подтверждением наличия гендерных концептуально-фразеологических лакун служит отсутствие вербализованного выражения с помощью идиом таких частных **маскулинных** субконцептов, как, например, «*доблесть, благородство*», «*социально-профессиональная успешность*», «*богатая, обеспеченная жизнь*», «*свой, близкий* (*один из своих*)», «*знаток своего дела, мастер*» в «фемининном» концептуальном пространстве. С другой стороны, концептуальные основания «*нравственная сторона жизни*», «*социальные обычаи*», характеризующие «фемининную» концептуальную область и формирующиеся посредством идиом с женскими обозначениями, не выступают в качестве индивидуализирующих частных субконцептов в маскулинной части языковой картины мира. Специфика гендерной концептуально-фразеологической лакунарности, характерная для группы фразеологизмов с АЛ, заключается в том, что в ряде случаев она (лакунарность) имеет место, когда одна из частей бинарной гендерной оппозиции представлена крайне незначительным количеством идиом. Например, субконцепт «*семейный статус*», представленный достаточно большим количеством фразеологизмов в фемининном концептуальном пространстве, в маскулинной концептуальной сфере, во-первых, фактически выступает лишь в качестве *дополнительной* составляющей в сложных концептуальных основаниях (например, «*семейный статус + отношение к семейным обязанностям*») и, во-вторых, получает языковую объективацию посредством крайне малого количества идиом. **Гендерная концептуально-фразеологическая лакунарность,** выявленная в группе фразеологизмов с АЛ, обусловлена степенью социально-культурной релевантности концептуальных оснований процесса фразеологизации, а также необходимостью фразеологической объективизации только тех концептов, которые в наибольшей степени раскрывают специфические особенности полярных категорий гендерной парадигмы;

б) характерной особенностью *общих* субконцептов является наличие **гендерной асимметрии**. При рассмотрении общих концептуальных оснований фразеологизации, обращает на себя внимание тот факт, что внутри одного субконцепта может происходить смещение фокуса концептуализации в сторону той или иной гендерной категории. Например, субконцепт «*совершенство, высшая степень положительного качества*» является **гиноцентричным**, поскольку данное концептуальное основание образовано в большей степени с помощью лексемы **queen**, а субконцепт «*самый главный + старший + власть*» – **андроцентричен**, так как в нем преобладают ФЕ с АЛ **king**.

Говоря о характере, природе главного концептуального основания «***социальная роль и социальная значимость мужчин и женщин***», содержание которого раскрывается с помощью входящих в него частных и общих субконцептов, следует отметить, что оно имеет *андроцентричный* характер, т.е. в нем наиболее широко представлен и является наиболее значимым маскулинный аспект языковой картины мира с его приоритетами и ценностными ориентирами. Как известно, язык отражает наиболее значимые для каждой культуры концепты. Количество ФЕ, участвующих в развертывании и раскрытии частных маскулинных субконцептов, значительно больше. Данный факт дает основания считать, что мужские представления, мужской образ, мужское вѐдение мира, мужская роль доминируют в системе социально-культурных ценностей англоязычного общества. Подтверждение данному факту можно найти при сравнении двух гендерно противоположных частных субконцептов, например таких, как «*мужская деятельность*» – «*женская деятельность*». Детальное исследование данных концептуальных оснований служит введением в целую систему общественных установок, норм и правил, раскрывающих специфику взаимоотношения, взаимодействия и сосуществования двух пространств: мужского и женского. Частный маскулинный субконцепт включает разнообразнейшие виды деятельности, построение социальной пирамиды начинается с работы слуги, трактирщика (например, **a man of all work** – *шутл*. «слуга, делающий всю работу по дому один») и заканчивается высокими должностями, назначениями (например, **the man higher up** – *амер. разг.* «политический босс;

воротила, заправила, туз»). Женская же деятельность не столь разнообразна и не связана с ключевыми общественными сферами. Данный факт говорит о второстепенной роли женщины в социальной сфере англоговорящего общества.

На наш взгляд, важным является и тот факт, что наряду с частными (маскулинным и фемининным) субконцептами «*мужская деятельность*» – «*женская деятельность*», которые четко определяют пространство социальной активности мужчин и женщин, существует общее концептуальное основание «*деятельность*», в котором статус мужского и женского выравнивается. Однако данный общий субконцепт представлен незначительным количеством фразеологизмов, что позволяет сделать вывод о том, что иерархия социальных отношений, основанная на гендерной идеологии, достаточно актуальна.

Большое значение при определении степени социальной значимости мужчин и женщин имеет анализ оценочного макрокомпонента семантики идиом с АЛ.

Исследование оценочного макрокомпонента семантики ФЕ с АЛ показал, что безоценочные или нейтрально коннотированные идиомы составляют подавляющее большинство – 221 единица. Второе положение по количеству идиом занимают отрицательно оценочные ФЕ – 81 единица, а положительно коннотированные фразеологизмы представлены наименьшим количеством – 66 единиц.

Следует также отметить, что идиомы с мужскими АЛ преобладают в количественном отношении во всех трех типах оценки, что говорит об их большей лингвокультурной значимости для английского социума, ср.:

АЛ / Оценка	Отрицательная в %	Положительная в %	Нейтральная в %
Мужские	71	71	65
Женские	29	29	35

Как частные, так и общие субконцепты, участвуя в процессе фразеологической объективации, как правило, могут представлять социокультурные стереотипы «маскулинное» – «фемининное» с разной коннотацией. Например, общий субконцепт «*черты*

характера, человеческие качества» проходит процесс фразеологической номинации и с отрицательной оценкой, как, например, во ФЕ **a wise guy** – *амер. ирон.* «умник», самоуверенный человек, зазнайка; и с положительной, как, например, в идиоме **a driven man/woman** – a highly motivated person, possessing the power to fulfil his or her aims [PDEI]. Примером разнородности оценок внутри частных концептуальных оснований могут служить такие идиомы, как **the man on the horseback** – (военный) диктатор и **a woman of the streets** – уличная девка, проститутка, имеющие отрицательную коннотацию, и такие нейтрально оценочные фразеологические обороты, как **odd man** – член комиссии, комитета, чей голос может быть решающим и **a woman of letters** – литератор, писательница. Данные фразеологизмы являются конституентами таких частных концептуальных оснований, как «*мужская деятельность*» и «*женская деятельность*» соответственно.

В ходе исследования группы идиом с АЛ обнаруживается также тенденция у некоторых частных и общих субконцептов к доминированию какой-либо одной оценки. Например, частный фемининный субконцепт «*нравственная сторона жизни женщины*» актуализируется исключительно в отрицательно коннотированных ФЕ, например, таких, как **a good-time girl** – a girl who lives for pleasure, a loose woman [PDEI]. Частный маскулинный субконцепт «*товарищ, собрат*; *близкий, один из своих*» в процессе фразеологической номинации приобретает достаточно устойчивую положительную коннотацию, например в таких фразеологизмах, как **one of the lads** – *разг.* свой парень.

Анализ оценочного макрокомпонента семантики ФЕ с мужскими и женскими АЛ позволяет выявить ценностные ориентиры языковой картины мира. Высокую оценку имеют частные фемининные субконцепты, участвующие во фразеологической номинации красивой внешности женщины, среди частных маскулинных субконцептов высоко ценятся те, которые способствуют передаче с помощью ФЕ сугубо мужских качеств, таких, как «сила», «смелость», «власть», «мужество», «благородство». Особо высоко ценятся также достижения мужчин в социально-профессиональной деятельности.

Отдельно следует отметить специфику оценочного макрокомпонента семантики фразеологических аллюзий. На коннотатив-

ный заряд подобных ФЕ большое влияние оказывает весь комплекс ассоциативных связей, образованный входящими в их структуру словами-компонентами, например: **Mrs. Grundy** – «миссис Гранди», ханжа (отсюда Grundyish ханжеский, Grundyism условности, Grundyist, Grundyite приверженец условностей, ханжа) [Миссис Гранди – ни разу не появляющийся на сцене персонаж комедии Т.Мортона (Th. Morton, 1769 – 1838) ‘Speed the Plough’ – воплощение ходячей морали] – отрицательно оценочная идиома; **knight of the Round Table** – рыцарь Круглого стола (один из рыцарей легендарного короля Артура) – положительно коннотированная идиома.

§ 4. ГЕНДЕРНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ИДИОМ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Анализ структурно-функциональных классов 368 ФЕ с АЛ показал, что наибольшее количество идиом являются *субстантивными* единицами – 273 фразеологизма. Преобладание субстантивных идиом обусловлено функциональными особенностями лексем, выступающих в качестве их опорных компонентов. Второе положение по количеству входящих в него фразеологизмов занимает *коммуникативный* класс идиом – 42 единицы. В паремических выражениях обнаруживаются свойства и признаки понятий, наиболее релевантные для данного лингвокультурного сообщества и дающие достаточно полное представление об особенностях стереотипизации основных категорий гендерной картины мира. *Глагольный* структурно-функциональный класс занимает третью позицию и представлен 36-ю идиомами. Остальные структурно-функциональные классы являются весьма малочисленными: *адъективный* класс включает семь ФЕ, *адвербиальный* класс состоит из шести идиом и класс *междометных* фразеологизмов включает четыре единицы.

Как показало исследование, определение гендерной референции ФЕ во многом зависит и обусловлено их структурно-функциональными особенностями.

4.1. Субстантивные идиомы

Субстантивные ФЕ с АЛ распределяются по двум семантическим подгруппам: а) идиомы, обозначающие лицо – 222 ФЕ; б) идиомы, обозначающие не-лицо – 51 ФЕ.

Как показало исследование, наибольшей фразеологической активностью в «антропологической» группе фразеологизмов обладают *мужские* АЛ, что указывает на андроцентричный характер данной группы: 118 идиом и один фразео-семантический вариант образованы с помощью лексем, обозначающих лица мужского пола, и в 60-и фразеологизмах и одном фразеосемантическом варианте в качестве опорных компонентов выступают женские АЛ. В структуру 43-х идиом входят как маскулинные, так и фемининные маркеры гендера.

В группе ФЕ, обозначающих не-лицо, доминирующее положение занимают идиомы, семантической доминантой которых являются слова, указывающие на лицо *женского пола*: 23 фразеологизма и один фразео-семантический вариант образованы с помощью женских АЛ, в то время как мужские АЛ участвуют в образовании 17-и идиом и одного фразео-семантического варианта. В 10-и единицах содержатся как маскулинные, так и фемининные обозначения гендера. Данный факт говорит о гиноцентричности группы ФЕ, участвующих в номинации сферы неодушевленного.

Следует отметить, что определение гендерной референции субстантивных ФЕ во многом зависит от сферы предметного обозначения идиом, т.е. принадлежат ли они к сфере: 1) одушевленного или 2) неодушевленного.

4.1.1. Обозначение лица

Исследование гендерной референции идиом, обозначающих лицо, позволяет распределить их по следующим группам:

1) группа идиом, относящихся к референтам мужского пола – **124** идиомы + один фразео-семантический вариант, например: **a wide boy** – (*British, informal*) a man or boy who tries to make a lot of money in ways that are not honest [CIDI]; **best man** – шафер, свидетель (при бракосочетании); **the Iron Duke** – «Железный герцог» [Артур Уэлсли,

герцог Веллингтон (1769–1852), победитель Наполеона при Ватерлоо, прозванный так за непреклонность и упорство]; **a back(-)room boy** – *разг.* 1) научный сотрудник секретной лаборатории; учёный или конструктор, работающий над новыми видами оружия; 2) эксперт, специалист (*особ.* старающийся держаться в тени);

2) группа идиом, относящихся к референту-женщине – **54** идиомы + один фразео-семантический вариант, например: **a walking lady** – *кино, театр.* статистка; **a bachelor girl** – одинокая девушка, живущая самостоятельно, «холостячка» [первонач. *амер.*]; **Miss Right** – *разг.* будущая жена, суженая, избранница;

3) группа идиом, относящихся к референтам как мужского, так и женского пола – **43** фразеологизма, например: **a four-minute man** – *амер. уст.* оратор, произносивший короткие, но зажигательные речи (особенно для распространения правительственных займов во время Первой мировой войны); **a man born of woman** – рождённый женщиной, смертный [*этим. библ.* Job XIV, I]; **a slip of a boy** (или **a girl**) – худышка, тростиночка (о мальчике или девочке).

Отличительной чертой идиом первой и второй групп является наличие случаев, когда внутренняя форма ФЕ содержит лексему, обозначающую лицо женского или мужского пола, а в результирующем значении фразеологизм приобретает не соответствующую, а противоположную гендерную референцию. Наиболее характерным в данном случае является употребление женских АЛ для обозначения референтов-мужчин, например: **an old woman** – *пренебр.* «старая баба», робкий или суетливый человек (о мужчине); **ladies'** (или **lady's**) **man** – дамский угодник, волокита, ловелас, кавалер; **the answer to a maiden's prayer** – *разг. шутл.* «мечта девушки», красивый холостяк, завидный жених; красавец-мужчина; **a Miss Nancy** – *разг.* неженка, «девчонка» (о мальчике, юноше) и другие. Было также зафиксировано два случая употребления мужской АЛ в качестве стержневого компонента ФЕ, относящейся к референту-женщине: **principal boy** – *театр.* травести, актриса, исполняющая мужскую роль; **a man-eater** – (*informal*) a woman who attracts men very easily and has many relationships [CIDI].

Следует отметить, что фразеологизмы, в плане выражения которых употребляются лексемы, обозначающие лицо женского

пола, но их гендерная референция определяется как маскулинная, т.е. данные идиомы употребляются только по отношению к мужчине, в большинстве случаев имеют отрицательную коннотацию. Данный факт говорит о том, что приписывание мужчинам женских черт и качеств удваивает степень негативности, усиливает к ним отрицательное отношение. Таким образом, выявляется иерархически организованная структура человеческих характеристик, свойств или качеств, в которой «женское» рассматривается как менее значимое или ценное по отношению к «мужскому».

Особенностью гендерной референции идиом третьей группы является наличие в данной группе фразеологизмов с крайне слабой степенью «гендерной нейтральности», т.е., являясь *интергендерными*, они имеют тенденцию к преферентному употреблению по отношению к денотату того или иного пола. Это означает, что они могут относиться как к мужчине, так и к женщине, но частотность их употребления по отношению к представителю мужского или женского пола разная, например, она (частотность) может быть очень высокой, если фразеологизм относится к мужчине, и крайне низкой, если та же идиома употребляется по отношению к женщине, и наоборот. Например, следующие идиомы гораздо чаще употребляются по отношению к референту-мужчине, чем к референту-женщине:

– **one of the boys –** *разг.* свой человек, свой парень (to be part of a group of men who are friendly and spend time together, doing the ordinary things that men are expected to do. You may hear people describe a woman as being one of the boys if she is friends with a group of men and likes doing the things they do [LID];
– **a hit man –** a criminal who is paid to kill people [CIDI];
– **your lord and master –** (*humorous*) someone who you must obey because they have power over you [CIDI];
– **a medicine man –** знахарь, шаман (a person believed to have maginal powers of healing; a shaman [NODE]).

На существование ФЕ с тенденцией к преферентному употреблению, в частности к лицу мужского пола, указывают обнаруженные в ходе исследования случаи неодинаковой интерпретации значения идиомы в разных лексикографических источниках, например: **a marked man** – 1) a ***man*** who is sought for purposes

of revenge or retribution because of his betrayal or actions against someone [PDEI]; 2) ***someone*** who is being watched by someone who wants to harm or kill them [CIDI]. Гендерная асимметрия отнесенности идиомы устанавливается также с помощью анализа ее контекстных употреблений, например, фразеологизм **low man on the totem pole –** the person of least importance or rank [CCAEI] гораздо чаще употребляется по отношению к женщине, что может быть подтверждено рассмотрением особенностей его дискурсивного употребления, например: "Sheila eventually wanted to become a manager, but since she had just joined the company, for now she would have to be low man on the totem pole."

Отличительной чертой ФЕ, относящихся к группе интергендерных единиц, являются также различные способы семантического нивелирования гендерного фактора, а именно: 1) нейтрализация гендерной характеристики мужской АЛ, например: **a new boy** – *someone* who is new to a position of employment or a place of work [PDEI]; **the men in white coats –** (*humorous*) *doctors* who look after people who are mentally ill [CIDI]; **the bad guy** – used about *someone* who people blame or dislike for what is wrong in a situation [LID]; 2) присутствие в структуре ФЕ вариантных АЛ, т.е. АЛ с обозначением как мужчин, так и женщин, например: **man/woman of the world** – a *person* who is experienced in the ways of sophisticated society [NODE]; **a man/woman after your own heart** – if *someone* is a man or woman after your own heart, you admire them because they do or believe the same things as you [CIDI]; **a half-baked boy** or **girl** – a foolish, stupid *boy or girl* [PDEI].

4.1.2. Обозначение не-лица

Исследование гендерной референции 51-го фразеологизма, обозначающего не-лицо, позволяет распределить все идиомы данного класса по следующим группам:

1) группа идиом, относящихся к маскулинным понятиям и/или определяющих мужскую картину мира – **17** идиом + один фразео-семантический вариант, например: **the old-boy network** – an association of ex-public school boys, i.e. old boys, who obtain jobs for one another on the basis of their common background, rather than merit [PDEI]; **a man to man talk** – when men talk honestly about subjects which may be difficult or embarrassing [CIDI]; **the king of day** – дневное светило,

солнце; **male (masculine) rhyme** – мужская рифма (рифма с ударением на последнем слоге);

2) группа идиом, относящихся к фемининным понятиям и/или определяющих женскую картину мира – **23** идиомы + один фразео-семантический вариант, например: **girl power** – the influence that young women feel they can wield over social and economic issues [PDEI]; **woman's reason** – женская логика; **the Mistress of the Seas** – «владычица морей» (*Великобритания*); **a Queen's head** – почтовая марка с изображением королевы; **Dame Nature** – мать – природа; **the Queen of Heaven** – «царица неба», луна;

3) группа идиом, являющихся интергендерными – **10** единиц, например: **the lower man** – *шутл.* нижняя половина туловища; **a snow man** – снежная баба, снеговик (a representation of a human figure created with compressed snow [NODE]); **the King's (Queen's) English** – литературный английский язык, правильный английский язык; **the King's (Queen's) peace** – общественный порядок, покой, тишина.

Говоря о специфике определения гендерной референции идиом первых двух групп, следует отметить, что в данных группах можно выделить два типа корреляции между гендерной маркированностью и гендерной отнесенностью идиомы: 1) когда структурная маркированность обусловливает соответствующую семантическую маркированность, которая в свою очередь определяет коррелирущий тип гендерной референции, например: **a king's head –** почтовая марка с изображением короля; **Dame Fortune** – госпожа Фортуна, судьба; **a pin-up girl** – фотография красотки, кинозвезды, вырезанная газеты или журнала и т.д.; 2) когда структурный маркер гендера не имеет эксплицитного выражения в семантике ФЕ, что делает необходимым для установления гендерной референции идиомы проведение анализа таких рематических макрокомпонентов семантической структуры идиомы, как оценочный, мотивационный, эмотивный, а также анализа внутренней формы ФЕ. Как показало исследование, в подобных случаях особую роль и значимость имеют также ассоциативные признаки той или иной АЛ, которые определяют и влияют на выбор и закрепление мужской или женской АЛ в процессе фразеологической номинации объектов «неантропологической» сферы или сферы «неодушевленного». ФЕ, гендерная референция которых устанавливается на основе исследования различных

рематических макрокомпонетов фразеологической семантики и/или ассоциативных признаков АЛ, представляют собой особую группу гендерно маркированных единиц, раскрывающих особенности восприятия англоязычным обществом языковой картины мира, связывая те или иные понятия общей картины мира с представлениями о «мужском» и «женском», с мужским или женским образом. Например, понятие «деньги» вербализуется с помощью ФЕ, АЛ в которых обозначают мужчину: **iron man** – (серебряный) доллар; **a king's ransom** – a very large amount of money [CIDI], что и определяет их гендерную отнесенность как маскулинную. В то же время здание, в котором деньги хранятся, номинируется с помощью идиом с АЛ, обозначающими женщин, например: **the old lady of Thread-needle street** – Английский банк (a nickname for the Bank of England [PDEI]). Влияние и важность ассоциативных признаков, связанных с женским образом, прослеживается в идиомах, номинирующих страны, города, религиозные организации (церкви), транспортные средства и т.д., например: **the Mistress of the Adriatic** – «владычица Адриатики» (Венеция), **the Mistress of the Seas** – Великобритания; **the lady of Babylon (of Rome)** – «вавилонская блудница» (о римско-католической церкви, папизме); **old girl** – «старушка» (о судне, машине и т.д.), а также в идиомах, вершинным концептуальным признаком которых является понятие «девственный» («нетронутый, не испробованный, первый»), например: **a maiden sword** – меч, не обагренный кровью; **a maiden flight** – первый полет (самолета), **maiden trip (voyage)** – первое плавание, первый рейс (нового корабля).

Таким образом, как показало исследование, природа гендерного маркера структуры ФЕ играет существенную роль в процессе становления семантики фразеологизма, что и обусловливает характер гендерной референции идиомы, т.е., если в структуре ФЕ маркером гендера является лексема с указанием на представителя мужского пола, то гендерная референция будет определяться как маскулинная, и наоборот, если структурным маркером гендера является лексема, указывающая на женщину, то идиома будет иметь фемининную гендерную референцию.

ФЕ с интергендерной референцией (идиомы третьей группы) можно объединить в две подгруппы: первая подгруппа включает

ФЕ с лексемой ‘man’, в семантике которой произошел процесс нейтрализации гендерного компонента, например: **the outward man** – 1) *рел.* тело (в противоположность душе); 2) *шутл.* одежда; **the inner man** – 1) внутреннее «я», ум, душа; 2) *шутл.* желудок. Во вторую подгруппу входят вариантные ФЕ, т.е. фразеологизмы, в которых может употребляться как мужская, так и женская АЛ, при этом значение фразеологизма не меняется, например: **King’s (Queen’s) weather** – чудесная погода; **King’s (Queen’s) pipe** – 1) *ист. шутл.* печь в лондонских доках для сжигания контрабандного табака; 2) печь для сжигания мусора и другие.

4.2. Прочие функциональные классы идиом

Коммуникативный класс ФЕ включает две семантические подгруппы, а именно – пословицы и поговорки.

Исследование гендерной референции паремических выражений позволяет распределить их по трем подгруппам:

1) пословицы и поговорки, относящиеся к референту-мужчине – **11** единиц, например: **Boys will be boys** – used in order to say that it is natural for boys (men) to be noisy and untidy, or to behave badly and do things that are not sensible [LID]; **you’ll be a man before your mother** – *разг. шутл.* ничего, скоро подрастешь (говорится подростку); **the way to a man’s heart is through his stomach** – путь к сердцу мужчины лежит через его желудок; **faint heart never won fair lady** – «робкому сердцу не завоевать прекрасной дамы»; **put not your trust in princes** – men of power and influence can be just as fickle and unreliable as the rest of us [PDEI] и т.д.;
2) пословицы и поговорки, относящиеся к референту-женщине – **7** единиц, например: **hell has no fury like a woman scorned** – «фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной» (выражение создано английским драматургом У.Конгривом (W.Cingreve, 1670–1729)) (something that you say which means a woman will make someone suffer if they treat her badly [CIDI]; **there is a woman in it** – здесь замешана женщина; **a woman’s work is never done** – работе по дому конца нет; **ladies who lunch** – wealthy women who do not have to work and have much time on their hands for socializing, gossiping and dining in exclusive restaurants [PDEI] и др.;
3) пословицы и поговорки, в которых актуализируются формулы народных наблюдений и размышлений, народной мудрости, совета

без учета понятий «маскулинности» и «фемининности» **– 24** ФЕ, например: **the opera isn't over till the fat lady sings** – there is still time for things to change [PDEI]; **adversity** (**misery** или **poverty**) **makes strange bedfellows** (*тж.* **misery** или **poverty acquaints men with strange bedfellows**) **–** в нужде с кем не поведёшься [в Англии в средние века, а также в XVI и XVII вв. отдельные кровати были редкостью. Лица одного пола часто спали вместе еще и в середине XVII в.]; **new lords, new laws** – новые хозяева, новые законы; **a cat may look at a king** – spoken by an inferior 'I have as much right to look at you as you have to look at me. We are both equal.' [PDEI]; **kings go mad, and the people suffer for it –** «короли сходят с ума, а народ расплачивается».

Коммуникативные ФЕ, соотносимые по гендерной референции с первой или со второй подгруппой, носят ярко выраженный гендерный характер, и поскольку по объему передаваемой в них социокультурной информации с пословицами и поговорками не может сравниться ни один структурно-функциональный класс идиом, то можно утверждать, что паремии наиболее полно отражают особенности восприятия и познания основных гендерных категорий, выявляют как их традиционные, так и новые свойства, связи и отношения, раскрывают историю, обычаи и новые тенденции к переосмыслению основных функций, роли и места мужчин и женщин в англоязычном обществе. Коммуникативные идиомы третьей группы носят интергендерный характер, их роль в большей степени определяется хранением и передачей информации, относящейся к общечеловеческим ценностям. Следует также отметить, что процесс нивелирования гендерного компонента в семантике коммуникативных фразеологизмов с выходом на интергендерную референцию паремий проходит в большинстве случаев за счет снятия гендерной характеристики *мужской* АЛ, например: **stone-dead hath no fellow** – мертвые не говорят, мертвые хранят тайну. Были также зарегистрированы пословицы и поговорки с коммуникативно обусловленными вариантными АЛ и паремии, в которых «нейтрализуется» гендерная характеристика *женской* АЛ, например: **if you want… smb. is your (the) man/woman** – (*spoken*) used in order to say that a particular man/woman is the best person to help someone or do a particular job [LID]; **what will Mrs. Grundy say? –** *разг.* что скажут люди?

Анализ гендерной референции *глагольных* ФЕ, обозначающих как действия, так и состояния людей, показал, что все идиомы данного класса можно распределить по трем подгруппам:

1) фразеологизмы, относящиеся к референту-мужчине – **13** ФЕ, например: **to feel like a king** – to feel majestic and proud [PDEI]; **to be master in one's own house** – не допускать вмешательства в свои дела; **to sort out the men from the boys** – if a difficult situation or activity sorts out the men from the boys, it shows which people in a group are brave and strong and which are not [CIDI]; **to make a man out of someone** – turn a young man into a mature adult [NODE].

Особенностью глагольных идиом данной подгруппы является резко отрицательный характер тех фразеологизмов, в которых для обозначения мужских поступков/действий употребляется женская АЛ, например: **play the woman –** плакать; трусить; вести себя как не подобает мужчине, быть «бабой»; **to be tied to a woman's apron-strings** – to be emotionally dependent on a woman, often used in reference to boys and young men [PDEI]; **to hide behind a woman's skirts** – to try to avoid the consequences of one's actions by putting the blame on a woman [PDEI];

2) фразеологизмы, относящиеся к референту-женщине – **5** ФЕ, например: **to be an old maid** – to be a spinster long past marriageable age [PDEI]; **to be one's own mistress** – быть хозяйкой своей судьбы, ни от кого не зависеть, свободно распоряжаться собой; **to feel like a queen –** to feel majestic and splendid [PDEI];

3) идиомы, относящиеся как к референту-мужчине, так и к референту-женщине – **18** ФЕ, например: **to be one's own man/woman** – to do what one likes without being answerable to anyone [PDEI]; **to refresh one's inner man** – *шутл.* поесть, подкрепиться, = заморить червячка; **to live like a lord** – to live in great luxury with the best food and wine, and be waited upon by many servants [PDEI]; **not to call the King/Queen one's cousin** – *разг.* зазнаться, заважничать.

Необходимо особо отметить, что поскольку в ряде глагольных идиом гендерные маркеры семантики не выражены эксплицитно, то в определении их гендерной референции особую роль играют традиционные экспектации, т.е. определение того или иного действия/поступка как мужского или женского происходит с точки зрения нормативных поведенческих правил (например, от мужчины ожидается смелое, храброе поведение, важен про-

цесс его социализации и доминирующее положение в обществе, приобретение опыта, взросление и т.д.): **to be man enough to do** – to be brave enough to do [NODE]; **to be treated like a king** – to act or behave towards someone with the utmost respect, to see to his every need [PDEI].

Важно также обратить внимание на более устойчивый характер гендерной референции глагольных идиом с женскими гендерными маркерами по сравнению с мужскими, что подтверждается рассмотрением их дискурсивного употребления. Например, один и тотже концепт, а именно «*доминирование, использование своего превосходства с целью унизить кого-либо*» может объективироваться с помощью двух идиом: **to queen it (over smb.)** и **to lord it (over smb.)**. Однако гендерная референция первой идиомы определяется как фемининная, а второй фразеологизм может употребляться как по отношению к референту-мужчине, так и по отношению к референту-женщине, ср.:

“I don’t like the way your friend Doris queens it over the other girls in the office. Who does she think she is!” [PDEI]

“She likes to lord it over the more junior staff in the office.” [CIDI]

“Kitayama’s never used his position to lord it over anyone – everyone seems to like him.” [LID]

Из семи *адъективных* фразеологизмов шесть идиом являются интергендерными, причем интергендерный характер данных ФЕ обусловлен двумя факторами: 1) снятием гендерного признака АЛ, обозначающей мужчину, например: **as drunk as a lord** – very drunk indeed [PDEI]; **fit for a king** – suitable for a king’s use [PDEI]; totally suitable [AID]; **as jolly as a sandboy** – очень веселый, жизнерадостный, полный жизни; в нем жизнь бьет ключом (very happy and to have no worries [CIDI]); 2) включением в структуру ФЕ двух коммуникативно обусловленных вариантных лексемы, например: **like a man/woman possessed –** if you do something like a man possessed, you do it with a lot of energy in a way that is not controlled [CIDI]; **as the next man/woman** – used in order to say that you have as much of a quality as anyone else, or are able to do something as well as anyone else especially when you are explaining the reason for something you have said [LID]. Была также зафиксирована идиома, гендерная референция которой

определяется как фемининная, т.е. данная ФЕ употребляется по отношению к референту-женщине, и характерным признаком в данном случае является то, что в структуре фразеологизма употребляется АЛ, обозначающая женщину: **like a lady** – to behave perfectly, faultlessly, to have excellent manners, to be exquisite [PDEI].

Особенностью *адвербиальных* ФЕ с АЛ, в отличие от *адвербиальных* идиом с ИС и ТР, является наличие в данном классе гендерно детерминированных фразеологизмов, а именно идиом, относящихся к референту-мужчине, например: **from a boy** – с детских, с малых лет, с раннего детства, **man and bo**y **–** с юных лет; **between man and man/man to man** – как мужчина с мужчиной (in a direct and frank way between two men; openly and honestly [NODE]). Необходимо также отметить одну идиому, гендерная референция которой определяется как фемининная, причем данная ФЕ является вторичным образованием по аналогии от фразеологизма с маскулинной гендерной референцией: **woman to woman** – in a direct and frank way between two women [NODE]. К интергендерным относятся два фразеологизма, один из которых в качестве опорного компонента имеет мужскую, а другой женскую АЛ, например: **since Adam was a boy** – очень давно, с давних пор, с незапамятных времен; **to a/the queen's taste** – в совершенстве.

Гендерная референция *междометных* ФЕ определяется как **косвенная** (ситуативная), поскольку основным критерием ее установления может быть употребление междометной идиомы субъектом мужского или женского пола, что также говорит о коммуникативно обусловленном характере гендерной референции фразеологизмов данного функционального класса. Например, гендерная референция ФЕ **Good Lord!** – видит бог!, бог мой!, боже мой! определяется как маскулинная или фемининная в соответствующих контекстах:

1) Good Lord, I didn't know you were upset about your change of job (*M.Dickens, 'Thursday Afternoons', ch. IX*). **–** Видит бог, я не знал, что вы так переживаете уход со старой работы;
2) 'Was that the young man, the one I saw you with?' He really had some ghastly expressions. The young man! 'Good lord, no, she

cried. ‘He was just an old friend who comes from my part of the world.’ (*J.B.Priestley*, ‘*Angel Pavement*’, *ch. V*)

– А кто это был с вами? Ваш ухажер? Какие у него выражения! «Ухажер»!

– Да что вы, вовсе нет! – воскликнула мисс Мэтфилд. – Это просто мой старый знакомый, земляк.

Анализ междометных ФЕ показал также, что все фразеологизмы данного структурно-функционального класса образованы только с помощью лексем, обозначающих лицо мужского пола, а именно с помощью лексем *man* и *lord*, например: **man alive**! – 1) живей!, быстрей!; 2) боже милостивый!, боже правый!; **Lord have mercy!** – господи помилуй! (восклицание, выражающее удивление).

Раздел III. Фразеологические единицы с агентивными существительными

§ 1. КЛАССИФИКАЦИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГЕНТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

С точки зрения гендерной лингвистики рассмотрение степени закрепленности (или флексивности) гендерного фактора в языковой категории, представленной агентивными существительными (далее – АС), связано с особенностями процесса концептуализации знаний о практической деятельности человека.

Проблема гендерной асимметрии, представленная в той части концептосферы, которая прошла процесс языковой объективации с помощью лингвистических знаков, обозначающих различные виды человеческой деятельности, обусловлена целым рядом факторов, имеющих отношение к таким социально-экономическим проблемам, как, например, профессиональная сегрегация по признаку пола, проблема концептуализации женского труда в тех видах деятельности, результат которых не получает рыночной оценки, и т.д.

Разделение труда по половому признаку очевидно в большинстве известных обществ, но его проявление и степень дифференциации социально и исторически относительны. Разделение труда традиционно рассматривается как форма сегрегации согласно представлениям о «мужской работе» и «женской работе» на основании гендерных различий, которые, хотя и создаются, как полагают, социально, являются результатом «естественных» качеств и способностей полов («Основы гендерных исследований». 2001. С.22).

За последнее время в некоторых современных обществах отмечается усиление тенденции к пересмотру отношения к женской деятельности, темп перераспределения профессиональных ролей достиг внушительных масштабов. Однако, несмотря на данную тенденцию, женщины главным образом задействованы в специфических отраслях экономики – в сфере услуг и профессиях, связанных с уходом. Опыт женского наемного труда в преобладающей степени связан с худшими условиями

труда, более низким уровнем оплаты и меньшим охватом. Так, Баррет (1988) утверждает, что мужскую и женскую деятельность отличает как *вертикальное*, так и *горизонтальное* разделение труда. В первом случае мужчины пользуются преимуществом в отношении оплаты и условий труда. Во втором – женщины сосредоточены в ограниченном числе занятий, которые отражают и укрепляют социальные ожидания относительно фемининности и домашней жизни («Основы гендерных исследований», 2001: 22).

Говоря об изменениях, способствующих формированию образа «новой женщины» в Англии, С.А.Нестерова отмечает, что первые признаки изменения положения женщины стали появляться еще в 80-е годы XIX века, когда начинает рушиться стереотипное представление об общественной роли женщины, согласно которому сознательное удаление женщины из общественной жизни, ограничение ее деятельности сферой семьи, считалось разумным и целесообразным, вполне соответствующим природному разделению полов (С.А.Нестерова, 2000).

Далее С.А.Нестерова указывает на то, что дальнейшее массовое изменение общественного сознания происходило в первые десятилетия XX века. В эти годы английская женщина смогла выйти из круга семьи и решительно вступить в социально-экономическую жизнь общества, у нее появилось больше возможностей реализовать себя как личность. Женщина перестает восприниматься исключительно как жена, мать, хранительница домашнего очага. В начале XX века возросло число женщин, которые предпочли карьеру браку. Работа «телефонной барышни» или медсестры их не устраивала, они искали более достойного применения своим знаниям и способностям. Однако путь в мужском мире оставался трудным, успех подразумевал исключительные способности, соединенные с огромными усилиями, и число преуспевающих на этом поприще было небольшим. Тем не менее женщины активно осваивали новые профессиональные сферы и добились в ряде из них внушительных успехов. Так, в начале XX века в Лондоне была открыта больница, в которой работали исключительно женщины-врачи (С.А.Нестерова, 2000).

Поскольку язык является обязательным атрибутом и необходимым условием коммуникативной деятельности индивида,

отражающей культурный мир и особенности мировоззрения той или иной нации, он не мог не отреагировать на новые общественные тенденции. В лингвистической литературе появляется большое количество работ, центральным вопросом которых является рассмотрение проблемы взаимосвязи и влияния социально-экономических и культурных перемен, связанных с перераспределением ролей мужчин и женщин в сфере профессиональной деятельности, на изменение гендерного статуса языковых категорий, в том числе агентивных существительных.

Так, О.Есперсен (1958), рассматривая категорию рода, обращает внимание на то, что существуют такие слова, которые, хотя и не имеют никаких видимых ограничений в самой форме, фактически применяются (главным образом или исключительно) для обозначения существ одного пола. Это наблюдается, по мнению ученого, когда соответствующие общественные функции издавна выполняются представителями лишь одного пола – или только мужчинами или только женщинами: ср., с одной стороны, minister – «министр», «священник»; bishop – «епископ»; lawyer – «адвокат»; baker – «пекарь»; shoemaker – «сапожник»; а с другой, nurse – «няня»; dressmaker – «портниха»; milliner – «модистка». Там, где говорящий хочет ограничить слова общего пола применением их к какому-нибудь одному полу, отмечает О.Есперсон, можно прибегнуть к различным способам: ср. man-servant – «слуга» (или servant-man); maid-servant – «служанка» (или servant-girl); a he-devil – «дьявол»; a she-devil – «дьяволица»; her girl-friends – «ее подруги»; a poetess – «поэтесса». (Но гораздо большая похвала – сказать о миссис Браунинг, что она a great poet [«великий поэт»], чем a great poetess [«великая поэтесса»]). Author еще в большей степени является словом общего пола, хотя и существует слово authoress; однако для обозначения учительницы и певицы (teacher, singer) соответствующих образований нет. Аналогичные непоследовательности наблюдаются у большинства языков; часто языковые трудности обусловливаются проникновением женщин в те сферы человеческой деятельности, которые раньше принадлежали исключительно мужчинам (О.Есперсон, 1958).

А.Мартынюк (1990), используя метод контрастивного анализа при исследовании слов, обозначающих мужской или женский

вид деятельности в английском и русском языках, поднимает вопрос о проявлении сексизма на уровне словообразования в языковой системе вообще и в английском и русском языках, в частности. Проанализировав способы и формы образования терминов, относящихся к мужскому или женскому виду/роду деятельности, с помощью -man (в качестве «суффикса»), деривационных суффиксов -ess/-ette или слов woman-/lady-/female- (в качестве «приставок») в английском языке и образование и употребление профессиональных терминов в русском языке, автор приходит к выводу о том, что, с одной стороны, флексивный характер русского языка не дает основания полагать, что он является в большей степени гендерно маркированным, чем английский язык. С другой стороны, русский язык обладает большими ресурсами для маркировки профессиональных терминов с точки зрения образования терминов женского рода от уже имеющихся терминов мужского рода. Это подтверждается существованием системы параллельных слов для большинства должностей, профессий и занятий. Исключение составляет группа наименований, относящихся к ряду престижных профессий, являющихся, как правило, заимствованными из других языков, вследствие чего возникает определенная трудность образования адекватных женских профессиональных терминов. Английский язык в этом плане находится в более выгодном положении. Несмотря на разное отражение гендерного фактора в английском и русском языках, ни тот ни другой язык не решает проблему сексизма (A.Martynyuk, 1990). С нашей точки зрения, данная проблема обусловлена тем фактом, что языковая система поддается различного рода инновационным преобразованиям только при жестком условии продолжительного и довольно устойчивого характера протекания изменения стереотипных представлений о социально-профессиональной деятельности мужчин и женщин.

Под особым углом зрения возможно рассмотреть проблему сдвигов в гендерном статусе внутри языковой категории «имена деятеля», используя положения и подходы когнитивной парадигмы знания. И в данном случае интерес представляют наблюдения, отмеченные в исследовании Е.М.Поздняковой (1999). Имена деятеля (или агентивные существительные), по мнению

Е.М.Поздняковой, возникают в актах номинации, где получают обозначение как опыт осуществляемой предметно-практической деятельности, так и опыт, основанный на осознании социального взаимодействия между людьми. Поэтому АС, обозначая деятельность человека опосредованно, с точки зрения того, кто или что ее выполняет, во всей своей совокупности представляют знание о структуре деятельности.

Важным для настоящего исследования является также положение Е.М.Поздняковой о том, что рассмотрение словообразовательной категории имени деятеля в когнитивном аспекте способствует решению задач исследования человеческого фактора в языке. Автор приходит к выводу о том, что изучение производных АС позволяет увидеть организацию знания об определенном участке языковой картины мира – человеческой деятельности с точки зрения ее исполнителя и средств ее реализации. Это, в свою очередь, позволяет раскрыть принципы категоризации, свойственные человеческому мышлению (Е.М.Позднякова, 1999). Изменения в характере гендерной отнесенности той или иной агентивной лексемы, обусловлены пересмотром профессионального статуса мужчин и женщин, определяющего изменения в концептосистеме англоговорящего социума.

Иными словами, изменение восприятия и понимания роли и места мужчин и женщин в различных сферах профессиональной деятельности говорит об устойчивом характере тенденции к пересмотру гендерных ролей в социально-экономическом пространстве. Данная тенденция находит свое отражение в сдвиге центров гендерной асимметрии в концептуальном пространстве англоговорящего общества, что приводит к снятию гендерной маркированности того блока языковых знаков, который используется для обозначения профессиональной деятельности человека.

Агентивные существительные, или имена деятеля, составляют крупнейшее по составу объединение лексики. В связи с гетерогенной структурной и семантической природой АС в лингвистической литературе существуют различные подходы к проблеме их классификации, к вопросам описания особенностей их структуры и семантики.

В основу исследования М.Халиловой (1975) был положен структурный принцип анализа АС. Так, автором выделяются три

основных структурных типа наименований по профессии, а именно: простые, производные и сложные. Самую большую группу АС, отмечает М.Халилова, составляют производные наименования по профессии, число которых в два раза больше сложных слов и почти в десять раз больше простых. В ходе анализа словообразовательных структур производящих основ производных наименований по профессии М.Халилова устанавливает также их принадлежность к тем или иным лексико-грамматическим классам слов и определяет специализацию суффиксов по сферам человеческой деятельности. Например, суффиксы -er/-or; -yer, -ier, -eer участвуют в образовании АЛ, относящихся к таким сферам человеческой деятельности, как «физический труд» и «научная деятельность» (например: cleaner, folder; astronomer, stratigrapher), суффикс -ian образует имена деятеля, которые относятся к «медицине» и к «бытовому обслуживанию и искусству» (например: sanitarian, physician; librarian, comedian), а суффиксы -ist и -ess участвуют в формировании существительных, обозначающих деятельность таких сфер, как «умственный труд и различные области знания» и «бытовое обслуживание и искусство» соответственно, например: botanist, druggist; actress, sculptress и т.д. (М.Халилова, 1975: 16).

Рассмотрение деривационных особенностей АС, выступающих в качестве стержневых компонентов в гендерно маркированных ФЕ, показало, что их также можно распределить по трем структурным типам. Так, из 85-и АС, участвующих в процессе фразеологической номинации, 76 имен деятеля являются однословными производными словами (например, abbot, parson, columnist), 7 АС – простыми (например, poet, nurse, monk) и 2 АС относятся к сложным словам (candle-stick maker, schoolmaster). Основная масса однословных производных слов (а именно 49 АС), обозначающих различные виды деятельности, формируется с помощью суффиксов –or/-er/-ar, например, *actor, butcher, burglar*.

Для настоящего исследования интерес представляет также принятая в настоящее время в русском языке типология АС, построенная по семантическому принципу. Согласно этой типологии в русском языке существуют четыре типа АС: 1) АС со значением функции; 2) АС с актуальным значением; 3) АС со значением свойства; 4) АС с результативным значением (А.Д.Шмелев,

1983; Е.Я.Шмелева, 1984). Предлагаемая А.Д.Шмелевым и Е.Я. Шмелевой классификация АС представляется вполне приемлемой и для английских имен деятеля. Однако специфика английского материала, как отмечает С.В.Силинский (1995), требует внесения в нее (классификацию) некоторых изменений. Так, в частности, С.В.Силинский отмечает, что по определению А.Д. Шмелева и Е.Я.Шмелевой, АС со значением свойства называют лицо по действию, постоянно присущему данному лицу, обычному для данного лица (*гуляка, моралист, ханжа*). Имена деятеля со значением свойства характеризуют лицо по действию, не приуроченному к какому-либо отрезку времени, и не указывают на сам факт совершения этого действия: *болтун, мечтатель* и т.п. Однако закрепить за подобными именами статус только АС со значением свойства, по мнению С.В.Силинского, недостаточно. Сами авторы данной классификации указывают, что их семантика включает не только признак действия, но и характерологические, поведенческие, иногда мировоззренческие и прочие признаки лица *(игрок* – это не только тот, кто играет в карты, но и тот, кто азартен по натуре). Поэтому С.В.Силинский предлагает не выделять в отдельную группу АС со значением свойства, а объединить семантически сходные с русскими *гуляка, ханжа, моралист* английские слова *gambler, simpleton, coquette* в семантическое поле имен, называющих людей по качественному признаку, поскольку именно семантические признаки качества оказываются доминантным в их семантике.

Таким образом, С.В.Силинский распределяет все английские имена деятеля по четырем семантическим микрополям: 1) АС со значением функции (в основе – сема «профессионального занятия); 2) АС с актуальным значением (в основе – сема «непрофессиональной деятельности в определенный момент времени»); 3) АС со значением состояния (в основе – сема «непрофессиональной деятельности, связанной с качественным состоянием лица») и 4) АС с результативным значением (в основе – сема «непрофессиональной деятельности, осмысляемой как результат»). В результате анализа лексического материала, отмечает автор, корпус английских имен деятеля возможно рассматривать в виде двух больших взаимодействующих (и противостоящих) семантических полей: поля АС со значением функции, в которых

отчетливо выделяется сема профессиональной деятельности, и поля АС с актуальным значением, значением состояния и с результативным значением. Объединение существительных последних трех типов, по мнению С.В.Силинского, оказалось возможным в результате того, что в их структуре есть общий семантический компонент «непрофессиональная деятельность» (С.В.Силинский, 1995).

Деление АС на два крупных семантических блока, предложенное С.В.Силинским, было положено в основу описания и классификации имен деятеля, участвующих в образовании гендерно маркированных ФЕ.

Исследование показало, что из 85-и имен деятеля, участвующих в процессе фразеологической номинации, 69 относятся к группе АС, обозначающих «*профессиональную деятельность*» (например: architect, captain, skipper, friar, politician), и 16 относятся к группе АС, обозначающих «*непрофессиональную деятельность*» (например: author, columnist, delegate, gospeller, partner).

Анализ агентивных лексем, обозначающих как профессиональную, так и непрофессиональную деятельность, позволил выделить 16 коммуникативно релевантных для процесса фразеологизации сфер человеческой деятельности. Наиболее многочисленной является группа АС, указывающая на деятельность, которая имеет отношение к *армии и военно-морскому флоту* – 15 лексем, например: officer, pilot, soldier, campaigner. Чуть меньше по количеству является группа имен деятеля, обозначающая *деятельность, связанную с физическим трудом* – 13 АС, например: cobbler, baker, shearer, tailor, fisher, worker. Далее идет группа имен деятеля, которая относится к *религии и церкви* – 11 АС, например: priest, abbot, pope, preacher, vicar. Четвертую по многочисленности группу АС можно отнести к *политической и административной сферам* – 9 лексем, например: politician, president, alderman, delegate, administrator. Довольно малочисленными являются группы, относящиеся: к *образованию, науке* – 5 АС, например: philosopher, professor, schoolmaster; к *бизнесу, экономике* – 5 имен деятеля: bidder, broker, partner, creditor, debtor; к *юриспруденции* – 4 лексемы: advocate, lawyer, judge, arbiter; к *медицине* – 4 АС: doctor, nurse, physician, apothecary; к

литературе и искусству – 4 имени деятеля: author, writer, artist, poet; к *уголовно наказуемой деятельности* – 3 АС: poacher, slaver, burglar; к *сфере развлечений* – 3 АС: actor, conjurer, piper; к *сфере торговли* – 2 АС: merchant, shopkeeper; к *журналистике* – 1 АС: reporter; к *зодчеству* – 1 АС: architect; к *спорту* – 1 АС: climber. В отдельную группу можно выделить имена деятеля, обозначающие *людей, находящихся на личной службе у кого-либо* – 4 АС: butler, servant, maid, valet.

Рассматривая выделенные сферы человеческой деятельности с точки зрения их гендерной отнесенности, следует отметить, что андроцентричным характером обладает лишь группа АС, относящаяся к религии и церкви. Гендерный статус данной сферы определяется традиционной нормой и укладом. Остальные группы имен деятеля, с *лингвистической* точки зрения, являются гендерно «нейтральными», что доказывается анализом дефиниций АС, центральную роль в раскрытии семантики которых выполняет сема ‘a person’. Исключение составляют: АС ‘maid’, имена деятеля с полусуффиксом *–man*, а также слова butler, valet, myrmidon, musketeer (две последние лексемы относятся к референту-мужчине в силу исторического фактора).

Однако, установив, что большинство как имен деятеля, так и сфер человеческой деятельности, которые они определяют, являются гендерно нейтральными в лингвистическом пространстве, мы не можем говорить о подобной гендерной нейтральности в концептуальной сфере англоговорящего сообщества.

«Информационный тезаурус человека», который отражает структуры представления экстралингвистического знания о деятельности человека гендерно асимметричен. Размещение центров гендерной асимметрии обусловлено историческим ходом развития, следовательно, может меняться в сторону андроцентричности или гиноцентричности в определенный исторический период.

§ 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АГЕНТИВНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Одним из важных вопросов при рассмотрении особенностей функционирования АС в составе идиом как знаков вторичной

номинации с точки зрения гендерных исследований является также вопрос, касающийся рассмотрения их семантики и ассоциативного потенциала.

Формированию ассоциативного фона у АС, относящихся к профессиональной деятельности, способствует, как правило, актуализация двух семантических признаков: 1) специфика конкретной деятельности. Например, слово *actor* подразумевает не только человека, играющего в театре, кино, но и то, что этот человек должен обладать соответствующей внешностью, хорошей фигурой, хорошей памятью, артистичностью. Ассоциативный фон слова *lawyer* содержит такие признаки, как незаурядная логика мышления, способность убеждать и отстаивать свое мнение, умение найти верные доводы, а ассоциативный фон слова *general* подстроен на стереотипном образе властного командира, начальственным голосом отдающего приказания подчиненным; 2) социальная оценка. В последние годы были сделаны попытки доказать, что указания на социальную оценку могут не иметь формального выражения. Так, С.В.Силинский отмечает, что у АС, обозначающих профессиональную деятельность, в качестве признаков этого рода оценки можно рассматривать семы «престижность профессии» (положительная социальная оценка деятельности) – «непрестижность профессии» (отрицательная социальная оценка) (С.В.Силинкий, 1995). Сема «престижность – непрестижность», указывает С.В.Силинский, не является константной в значении слова в связи с относительностью понятия «социальная роль». Если оно присутствует в качестве социальной оценки в структуре значения АС, обозначающих профессиональную деятельность, то естественным образом необходимо учитывать и «роль» говорящего, его социальный статус – точку отсчета, с которой производится оценка говорящим профессии референта. Семантика социальной оценки будет меняться в зависимости от такой точки отсчета в АС.

Немаловажной особенностью имен деятеля, относящихся к профессиональной деятельности человека, является возможность их употребления в индивидуализирующей функции. В ряде случаев АС, обозначающие профессиональную деятельность, утрачивают свои семантические особенности, т.е. свойство производителя действия, и называет референта в отрыве от

его признаков и, таким образом, приближается по своей семантике к именам собственным. Как отмечает С.В.Силинский, в определенных речевых ситуациях круг денотатов АС может настолько сузиться, что в итоге это имя начинает называть только одного человека. Так происходит превращение имени нарицательного в имя собственное (С.В.Силинский, 1995). И.К.Архипов также указывает на возможность гибкого речевого перехода от названий лиц, в которых отражается их конкретная деятельность, к названиям, в которых действие является лишь семантической «этикеткой» и наоборот (И.К.Архипов, 1984).

Переход АС в имена собственные отчетливо наблюдается при употреблении их в роли обращений, в частности в апеллятивах, образованных из АС, называющих людей по чину, званию, ученой степени. Такой переход особенно отчетливо выражен в случае употребления АС в качестве «сигнала антропонимов» (термин В.И.Болотова), типа *captain* Nicholas, *Major* Burnaby, *Doctor* Pearson.

Десемантизированными с точки зрения способности передавать значение деятельности могут оказаться многие слова, например, такие, как *detective, secretary, butler*. Следует также отметить, что переход АС в индивидуализирующий знак менее ощутим (или, точнее, его семантика не освобождается от функционального значения) в тех случаях, когда употребление АС происходит на фоне «естественной» ситуации, сферы деятельности, подразумевающей вполне конкретных участников. Так, для имени *doctor* естественной ситуацией будет ситуация, представленная словом *hospital*, для имени *teacher – school*.

Останавливаясь на семантических особенностях АС, обозначающих непрофессиональную деятельность, необходимо отметить, что ассоциативная структура имен деятеля данной группы не может быть основана на четких стереотипных образах, как это происходит у АС, обозначающих профессии. А.А.Бодалев объясняет это тем, что стереотипы актуализируются в сознании оценивающего лица только тогда, когда оно располагает информацией об общественно-профессиональном статусе оцениваемой личности, в случае оценки лица по более или менее детальным и частным, а не общим признакам (А.А.Бодалев, 1982). Имена деятеля, относящиеся к непрофессиональной деятельности, по

мнению С.В.Силинского, обозначают референтов именно по общим или даже окказиональным признакам, которые являются недостаточными для того, чтобы в обыденном сознании коммуникантов сложился более или менее устойчивый образ субъекта, т.е. определенный стереотип (С.В.Силинский, 1995).

Следует также отметить, что ассоциативный фон АС, обозначающих непрофессиональную деятельность, связан в основном с денотативным аспектом значения и значительно реже затрагивает периферийные признаки, как, например, в слове *prisoner-of-war*, где ассоциативный фон может строиться на знании об известной Женевской конвенции, регламентирующей порядок обращения с военнопленным, согласно которой они не могут быть убиты по чьему-либо произволу (С.В.Силинский, 1995).

Конституентом ассоциативной структуры агентивных лексем, обозначающих как профессиональную деятельность, так и непрофессиональную, является также и гендерный компонент. И здесь необходимо отметить, что функционирование гендерного компонента в семантике АС во многом зависит от «центров» формирования ассоциативных признаков. Если центром образования ассоциативной зоны АС является сигнификативной аспект значения (как в случае с большинством агентивных лексем, обозначающих *профессиональный* вид деятельности), то на восприятие того или иного имени деятеля как слова, номинирующего мужскую или женскую деятельность, большое влияние оказывает положение дел на рынке труда на том или ином этапе жизни и развития общества. Для таких АС характерна гендерная асимметрия. Если же центром образования ассоциативных признаков имен деятеля является денотативный аспект значения, в котором характер гендерного компонента определяется семой ‘person’ (как в случае с АС, обозначающими *непрофессиональный* вид деятельности), то можно говорить об устойчивом интергендерном статусе таких лексем.

§ 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С АГЕНТИВНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ

Анализ концептуальных оснований ФЕ с агентивными существительными показал, что концептуальным фокусом фразеологизации у идиом данной группы является понятие «***профессиональная деятельность***». В рамках данного концептуального основания можно выделить ряд простых и сложных субконцептов. Необходимо отметить, что в отличие от концептуальных оснований фразеологизации у идиом с терминами родства, а также у идиом с антропометрическими лексемами, субконцепты, участвующие в образовании значений идиом с именами деятеля, составляют только одну группу, а именно группу *общих* субконцептов. Выделению *частных* (фемининных и маскулинных) концептуальных оснований препятствуют два основных фактора. Во-первых то, что семантическая структура большинства агентивных лексем гендерно немаркированна. Во-вторых, если даже агентивная лексема имеет конкретную гендерную референцию, в большинстве случаев в процессе фразеологизации родовая характеристика имени деятеля нивелируется.

Таким образом, все субконцепты, представленные ФЕ с именами деятеля, рассматриваются в рамках одной группы *общих* с точки зрения гендерной отнесенности концептуальных оснований.

Основное концептуальное основание «***профессиональная деятельность***» имеет двухступенчатую структуру, представленную в виде двух основных номинативных блоков: 1) **наименование деятеля**; 2) **наименование деятельности.** Каждый номинативный блок содержит субконцепты, характер которых тесно связан с характером и спецификой номинируемой области.

I. Первый номинативный блок включает субконцепты, обозначающие деятеля по:

1) *инструменту/атрибуту деятеля*, например: **sailor before the mast** – простой матрос; **workers by hand and brain** – работники физического и умственного труда; **write to the signet** – присяжный стряпчий;
2) *результату деятельности*, например: **hot warrior** – сторонник развязывания войны; **conscientious objector** – человек, отказываю-

щийся от военной службы (по политическим или религиозным мотивам); **a fisher of souls** – проповедник, миссионер; **Doctor Feelgood** – *амер. жарг.* «доктор хорошее самочувствие» (прозвище врача, широко применяющего возбуждающие лекарственные средства);

3) *сфере деятельности*, например: **myrmidon of justice** (или **of the law**) – *презр.* блюститель закона (полицейский, судебный пристав и т.п.); **a returning officer** – чиновник, контролирующий проведение выборов, уполномоченный по выборам; **business doctor** – *амер.* промышленный консультант; **the clerk of the weather** – *шутл.* «чиновник по делам погоды» (о метеорологе); **the arbiter of elegance** – законодатель мод [*этим. лат.* arbiter elegantiarum; первонач. о римском поэте и писателе Петронии, отличавшемся утонченным вкусом];

4) *плохим профессиональным качествам*, например: **a bad sailor** – человек, подверженный морской болезни; **a hot-air artist** (или **merchant**) – *жарг.* болтун, хвастун, пустомеля [первонач. *амер.*]; **a back-seat driver** – *разг. неодобр.* 1) пассажир, дающий советы водителю, как вести машину; 2) непрошеный советчик, критикан; **a led captain** – *редк.* нахлебник; подхалим, подпевала;

5) *хорошим профессиональным качествам*, например: **cat burglar** – ночной вор-взломщик (проникающий с крыши в верхние этажи дома); **the highest bidder** – тот, кто больше даст [букв. лицо, предлагающее наибольшую цену на аукционе]; **power broker** – *амер. полит.* «политический маклер», политический деятель, оказывающий влияние на приход к власти того или иного кандидата; закулисный политический деятель; **a hot gospeller** – 1) красноречивый бродячий проповедник; 2) горячий защитник, страстный приверженец (чего-л.);

6) *степени опытности, компетентности*, например: **chief mourner** – самый близкий родственник или друг умершего, присутствующий на похоронах [*букв.* главный плакальщик]; **an old soldier** – 1) бывалый человек; мастак по части чего-л.; **an old campaigner** – бывалый человек, человек, видавший виды [*букв.* старый служака, бывалый воин]; **old-field preacher** – *амер.* старомодный, провинциальный проповедник; **come the old soldier over smb.** – командовать кем-л., поучать кого-л. (на правах более опытного человека); **a raw recruit** – новичок, простак, молокосос; **a cub reporter** – *амер.* начинающий репортер;

7) *физическим характеристикам*, например: **a walking delegate** – (разъездной) представитель профессионального союза; **a burn-cork artist** – *амер. жарг.* исполнитель негритянских песен, загримированный под негра; **silent butler** – совок для собирания крошек, пепла и т.д. со стола; **a machine politician** – *амер.* политикан, тесно

связанный с партийной машиной; **a peanut** (или **two-bit**) **politician** – *амер.* мелкий политикан;

8) *высокому профессиональному рангу*, например: **the First Commoner** – «первый парламентарий» (спикер палаты общин в Англии); **the predominant partner** – «главный компаньон» (Англия в составе Великобритании); **a visiting fireman** – *амер. разг.* именитый, важный гость, заезжая знаменитость; **Regius Professor** – профессор, кафедра которого учреждена одним из английских королей (*особ.* о профессорах, руководящих кафедрами, основанными королём Генрихом VIII в Оксфорде или Кембридже);

9) *по характерным признакам*, например: **creditors have better memories than debtors** – *посл.* «у заимодавцев память лучше, чем у должников»; **apothecaries would not sugar their pills unless they were bitter** (*тж.* if the pills were pleasant, they would not be gilded) – *посл.* «аптекарь потому и подслащивает пилюли, что они горькие»;

10) *по месту деятельности*, например: **lake poets** – поэты «озерной школы» (Вордсворт, Кольридж, Соути).

II. Второй номинативный блок включает субконцепты, обозначающие деятельность по:

1) *результату*, например: **physician, heal thyself** – врачу, исцелися сам [*этим. библ.* Luke IV, 23]; **the parson** (или **priest) always christens his own child first** – *посл.* = своя рубашка ближе к телу; **butcher's bill** – *жарг.* список погибших на войне; **the schoolmaster is abroad** – образование широко распространяется; **the tailor makes the man** – «портной творит человека», одежда красит человека; **the cobbler's wife is the worst shod** – у жены сапожника обувь хуже всех, сапожник без сапог.

Данное концептуальное основание представлено наибольшим количеством ФЕ и в ряде случаев функционирует в неразрывной связи с другими субконцептами, например:

а) Субконцепт «*результат деятельности*» тесно связан с такими концептуальными основаниями, как «*хорошая, удачная профессиональная деятельность*» (например: **every man is the architect of his own fortune** – *посл.* всякий человек своего счастья кузнец [этим. лат, faber est suae quisque fortunae]; **be the captain of one's soul** – ни от кого не зависеть, свободно распоряжаться собой, быть хозяином своей судьбы; **catch the Speaker's eye** – *парл.* получить слово (в палате общин); **a maid of all work** – человек, выполняющий самые

различные работы, имеющий очень широкий круг обязанностей) и «*плохая, неудачная профессиональная деятельность*» (например: **drop the pilot** – отказаться от умного и преданного советчика; **what is a workman without his tools?** – *посл.* = без топора не плотник; без косы и сена не накосишь);

б) На результат деятельности может также повлиять «*отсутствие или наличие мастерства*». Субконцепт «*отсутствие мастерства*» представлен следующими ФЕ: **hasty climbers have sudden falls** – *посл.* = взлетел высоко, да сел низко; вверх бегом – вниз кувырком; тише едешь – дальше будешь; поспешишь – людей насмешишь; **who shall decide when doctors disagree?** – *шутл.* что же делать простому смертному, когда мнения знатоков расходятся?; **he is no conjurer** – он пороха не выдумает, он звезд с неба не хватает; **a bad shearer never had a good sickle** – *посл.* = у плохого косаря всегда серп виноват; **a bad workman finds fault** (или **quarrels**) **with his tools** – *посл.* «у плохого мастера всегда инструмент виноват». Отсутствие мастерства и как результат отсутствие профессиональной компетенции в ряде случаев приводит к «*нарушению профессиональной этики*», например: **Fleet parson** – *уст.* священник, готовый за мзду венчать кого угодно; **the friar preached against stealing and had a goose** (или **pudding**) **in his sleeve** – *посл.* «монах проповедует не красть, а у самого гусь (или пудинг) в рукаве».

Субконцепт «*наличие мастерства*» представлен такими идиомами, как: **you are the doctor** – *разг.* вы специалист – вам и решать, вам виднее; **what the doctor ordered** – *разг. шутл.* «что доктор прописал», как раз то, что нужно; **the workman is known by his work** – *посл.* мастера видно по работе, дело мастера боится; **an old poacher makes the best keeper** – *посл.* «нет лучше лесника, чем бывший браконьер»;

2) *характерному атрибуту*, например: **doctor's stuff** – лекарство; **the President's official family** – *амер.* члены кабинета (министров); **the cowl does not make the monk** – *посл.* не всяк монах на ком клобук;

3) *характерному поведению или внешнему виду*, например: (**as**) **sober as a judge** – 1) совершенно трезвый; = трезв как стёклышко, ни в одном глазу; 2) серьёзный, здравомыслящий; **as grave as a judge** – важный как судья, с важным, серьезным видом; (**as**) **fat as an alderman** – «толстый, как олдермен», тучный, полный, с брюшком; **swear like a bargee** (*тж.* **swear like a sailor** или **like a trooper**) – *разг.* = ругаться на чём свет стоит, ругаться как извозчик;

4) *месту*, например: **Doctors' Commons** – *ист.* коллегия юристов по гражданским делам в Лондоне; **the Poets' Corner** – 1) «Уголок поэтов» (часть Вестминстерского аббатства, где похоронены выдающиеся английские поэты); 2) *шутл.* отдел поэзии (в газете); **the Speakers' Corner** – «Уголок ораторов» (в лондонском Гайд-парке);
5) *степени опасности превышения полномочий*, например: **fire and water are good servants**, **but bad masters** – *посл.* = «огонь и вода – верные слуги (человека), но воли им давать нельзя»; **the cobbler must** (или **should**) **stick to his last** (*тж.* **let the cobbler stick to his last** или **let not the cobbler go beyond his last**) – *посл.* = всяк сверчок знай свой шесток (ср.: «Суди, дружок, не выше сапога» А.С.Пушкин);
6) *функции*/*праву нанимателя*, например: **he** (или **the man**) **who pays the piper calls the tune** – *посл.* «кто платит волынщику, тот и заказывает песни», т.е. кто платит, тот и распоряжается; **pay the piper and call the tune** – «платить волынщику и заказывать песни», нести расходы и контролировать их;
7) *степени ответственности за других*, например: **administrator with the will annexed** – *юр.* лицо, назначенное для выполнения обязанностей душеприказчика; **at nurse** – в руках доверенного лица, опекуна (об имении); **a dry nurse** – 1) няня; 2) *разг. шутл.* человек, которому поручено присматривать за другим, «нянька»; **go to nurse** – перейти в руки доверенного лица, опекуна (об имении); **put** (**out**) **to nurse** – передать (имение) в руки доверенного лица, опекуна.

В блоке **«наименование деятельности»** можно выделить отдельную группу идиом, в которых процесс концептуального декодирования предполагает распознавание целых ситуаций, тесно связанных с конкретным видом деятельности, например:

a busman's holiday – праздничный или свободный день, проведенный за обычной работой [выражение связано с тем, что водителям автобусов приходилось в праздничные дни обучать новичков]; **choose an author as you choose a friend** – *посл.* выбирай книгу так, как выбираешь друга; **after death the doctor** – *посл.* как мертвому припарки; **go for the doctor** – *австрал. жарг.* 1) действовать решительно, энергично [*первонач.* – напрягать все силы, чтобы прийти первой к финишу (о лошади)]; 2) смыться, драпануть; **no man is a hero to his valet** – *посл.* невозможно сохранить ореол героя в глазах своего

лакея; = нет пророка в своем отечестве [*этим. фр.* il n'y a point de heros pour son valet].

Следует также отметить, что статус самостоятельной, а также маргинальной группы имеют *аллюзии*, например: **the little corporal** – «маленький капрал» (прозвище Наполеона); **a baker's dozen** – чертова дюжина, тринадцать [по старинному английскому обычаю торговцы хлебом получали от булочников, опасавшихся наказания за недовес, тринадцать хлебов вместо двенадцати, причем тринадцатый шел в счет дохода торговцев] и др. В качестве вершинных признаков семантики аллюзий могут выступать разные субконцепты. Например, в аллюзиях: **a Philadelphia lawyer** – *амер.* находчивый, хитроумный юрист; **the three musketeers** – три мушкетёра, неразлучная, верная троица, неразлучные друзья; **the philosopher's stone** – философский камень, универсальное средство [алхимики искали «философский камень», который якобы превращает неблагородные металлы в золото и исцеляет все болезни]; **the vicar of Bray** – *пренебр.* беспринципный человек, ренегат, приспособленец [по имени полулегендарного викария XVI в., четыре раза менявшего свою религию и бывшего два раза католиком и два раза протестантом] номинируются хорошие или плохие качества человека безотносительно профессии, а в аллюзии **a nation of shopkeepers** – «нация лавочников» (прозвище англичан) представлен субконцепт «*характерные особенности профессии*».

Исследование общих субконцептов двух основных номинативных блоков идиом с АС позволило установить **ядро** и **периферию** концептуального основания «***профессиональная деятельность***». К общим **ядерным** субконцептам относятся: «*результат деятельности*», «*сфера деятельности*» и «*степень опытности, компетентности*». Остальные субконцепты находятся на **периферии** фразеологической номинации.

Важным является и тот факт, что в общих концептуальных основаниях идиом с АС гендерные асимметрии слабо выражены. Данное явление говорит о субсидиарной роли гендерного компонента в процессе построения концептуальной картины, отражающей знания, опыт и отношение к деятельности индивидов англоязычного сообщества.

Анализ оценочного макрокомпонента семантики ФЕ с именами деятеля показал, что доминирующее положение занимают безоценочные или нейтрально коннотированные идиомы – 96 ФЕ и один фразео-семантический вариант. Второе положение по количеству идиом занимают отрицательно оценочные ФЕ – 31 идиома и один фразео-семантический вариант. Положительно коннотированные фразеологизмы представлены наименьшим количеством – 8 ФЕ.

Следует отметить, что рассмотрение оценочного фактора в рамках концептуального основания «***профессиональная деятельность***» показало, что оценка может являться не только частной характеристикой отдельно взятого субконцепта, но и может выступать в качестве центрального критерия выделения того или иного субконцепта. Степень релевантности оценочного фактора становиться достаточно высокой, что дает возможность выделять субконцепты с прямо противоположным (полярным) оценочным зарядом, тем самым, формируя бинарные оппозиции в рамках основного концептуального основания. К субконцептам, образующим оценочные бинарные оппозиции, относятся такие концептуальные основания, как: «*плохие профессиональные качества – хорошие профессиональные качества*», «*опытность, компетентность – неопытность, некомпетентность*», «*удачная профессиональная деятельность – неудачная профессиональная деятельность*», «*отсутствие мастерства – наличие мастерства*».

Необходимо также обратить внимание на то, что большинство субконцептов получают фразеологическую объективизацию с помощью безоценочных идиом. К таким концептуальным основаниям относятся: «*физические характеристики деятеля*», «*характерные черты деятеля*», «*инструмент/атрибут деятеля*», «*сфера деятельности*», «*место деятельности*», «*характерный атрибут деятельности*», «*высокий профессиональный ранг*» и др.

Анализ оценочного макрокомпонента семантики идиом с агентивными лексемами позволил также выделить группу субконцептов, вербализация которых проходит с помощью как безоценочных, так и отрицательно коннотированных фразеологизмов. Например, ФЕ **a white slaver** – «торговец живым товаром

(о том, кто поставляет женщин в дома терпимости)» и **fisher of men** – «проповедник», входящие в группу идиом с концептуальным основанием «*результат деятельности*», имеют отрицательную и нейтральную оценку соответственно.

Таким образом, в связи с особенностями семантической природы агентивных лексем и спецификой их участия в процессе фразеологизации оценочный компонент не способствует формированию того или иного отношения к деятельности как мужской или женской, а раскрывает универсальные и специфические характеристики деятеля и его деятельности с точки зрения общечеловеческих ценностных ориентиров и установок.

§ 4. ГЕНДЕРНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ ИДИОМ РАЗНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Анализ структурно-функциональных классов 136-и гендерно маркированных идиом с АС показал, что все идиомы данной группы распределяются по пяти структурным типам. Основную массу гендерно маркированных ФЕ с именами деятеля составляют *субстантивные* фразеологизмы – 91 ФЕ. Преобладание субстантивных идиом обусловлено природой центрального компонента их структуры. Вторым по количеству входящих в него идиом является *коммуникативный* класс – 30 ФЕ. *Глагольный* структурно-функциональный класс представлен 11-ю ФЕ. Самыми малочисленными являются *адъективные* ФЕ – три идиомы и *адвербиальные* ФЕ – один фразеологизм.

4.1. Субстантивные идиомы

Субстантивные идиомы с агентивными лексемами, выступающими в качестве их опорных компонентов, распределяются по двум семантическим подгруппам: а) ФЕ, обозначающие лицо – 76 ФЕ + два фразео-семантических варианта; б) ФЕ, обозначающие не-лицо – 13 идиом + два фразео-семантических варианта.

Определение гендерной референции субстантивных ФЕ, обозначающих как лицо, так и неодушевленный предмет, связано с особенностями семантической природы АС, их гендерной характеристикой. В отличие от остальных групп гендерно маркиро-

ванных фразеологизмов, в которых основную роль в определении гендерной отнесенности играет четкая родовая дифференциация семантической структуры слов – центральных компонентов, в группе ФЕ с именами деятеля (большинство которых с лингвистической точки зрения гендерно нейтральны), одну их главных ролей в установлении их гендерной референции играет социально-культурный опыт англоязычного сообщества.

4.1.1. Обозначение лица

Исследование гендерной референции идиом с АС, обозначающих лица, позволило распределить их по следующим группам:

1) группа идиом, относящихся к референту-мужчине – **17** ФЕ и один фразео-семантический вариант, например: **the Abbot of Unreason** – *шутл. уст.* «аббат-гуляка» [шутл. прозвище главы рождественских увеселений]; **God's advocate** – *церк.* «адвокат бога» [этим. лат. advocatus Dei; лицо, которому поручено при католической канонизации выступать с доводами за канонизацию усопшего]; **the Black Pope** – «черный папа» (прозвище главы иезуитского ордена);
2) группа идиом, относящихся к референту-женщине – **одна** ФЕ и один фразео-семантический вариант: **a wet nurse –** кормилица (*chiefly historical* a woman employed to suckle another woman's child [NODE]); **a dry nurse** – 1) няня (*archaic* a woman who looks after a baby but does not breastfeed it [NODE]);
3) группа идиом, относящихся как к референту-мужчине, так и к референту-женщине – **56** ФЕ и **4** фразео-семантических варианта, например: **blind officer** (или **reader**) – почтовый работник, разбирающий письма без адреса, с неполным или неразборчиво написанным адресом; **a burn-cork artist** – *амер. жарг.* исполнитель негритянских песен, загримированный под негра; **the clerk of the weather** – *шутл.* «чиновник по делам погоды» (о метеорологе).

Рассмотрение специфики отнесения идиом первой группы к референту-мужчине показало, что гендерная референция в данном случае определяется такими основными критериями как:

а) ФЕ является прозвищем исторического лица, деятеля(-ей), либо обозначает конкретных библейских или литературных персонажей, например: **the great Commoner** – «великий парламентарий» (прозвище Уильяма Питта Старшего – английского госу-

дарственного деятеля середины XVIII в., возглавлявшего партию вигов); **lake poets** – поэты «озёрной школы» (Вордсворт, Кольридж, Соути); **the three tailors of Tooley Street** – небольшая группа людей, провозглашающих себя представителями всего народа [по свидетельству английского политического деятеля Дж. Каннинга (G.Canning, 1770–1827), трое портных с улицы Тули обратились в парламент с петицией, начинавшейся словами: We the people of England...]; **the great fisher of souls** – *книжн.* «великий ловец душ», дьявол, сатана; **the three musketeers** – три мушкетёра, неразлучная, верная троица, неразлучные друзья [*этим. фр.* Les Trois Mousquetaires; по названию романа А.Дюма-отца];

б) ФЕ обозначает церковный сан, или относится к религиозным понятиям, деятельности и т.д., например: **devil's advocate** – *церк.* «адвокат дьявола» [*этим. лат.* advocatus diaboli; лицо, которому поручено при католической канонизации поддерживать сомнения в действительности чудес, совершенных усопшим]; а **sky pilot** – *жарг.* поп; **Fleet parson** – *уст.* священник, готовый за мзду венчать кого угодно [такие священники в XVIII в. жили вблизи Флитской долговой тюрьмы в Лондоне];

в) наличие в английском языке парных соответствий – наименований по профессии ограничивает возможность отнесения идиомы к лицу противоположного пола, например: **a bad actor** (**actress**) – *амер. жарг.* 1) подлый человек; скандальный, кляузный тип; 2) закоренелый преступник, тёмная личность, отпетый головорез;

г) гендерная референция ФЕ обусловлена традициями англоговорящего общества, например: **Regius Professor** – профессор, кафедра которого учреждена одним из английских королей (*особ.* о профессорах, руководящих кафедрами, основанными королём Генрихом VIII в Оксфорде или Кембридже).

Особого внимания заслуживают ФЕ, имеющие интергендерный характер (ФЕ третьей группы). В данных ФЕ можно выделить две основные подгруппы:

а) <u>полностью интергендерные</u> идиомы, относящиеся к мужчине или к женщине в равной степени. В идиомах данного типа стержневыми компонентами являются АС с «устоявшейся нейтральной» отнесенностью, например: **a cub reporter** – *амер.*

начинающий репортер (a young and inexperienced newspaper reporter [NODE]); **a nation of shopkeepers** – «нация лавочников» (прозвище англичан); **a white-collar worker – «**белый воротничок», служащий (the professional or office worker who wears a shirt with a white collar [NODE]); **a sleeping partner** – компаньон, не принимающий активного участия в делах фирмы (a partner who has invested capital in a firm but plays no part in its management [PDEI]); **a Philadelphia lawyer** – *амер.* находчивый, хитроумный юрист и др.

В данную группу входят также некоторые идиомы с агентивной лексемой sailor, которая имеет исторически обусловленную гендерную референция: **a good sailor** – человек, не подверженный морской болезни (a person who rarely becomes sick at sea in rough weather [NODE]);

б) <u>гендерно асимметричные идиомы</u>, вероятность употребления которых к референту-мужчине гораздо больше вероятности их употребления к референту-женщине. Возможны случаи и противоположной асимметрии, однако они крайне малочисленны. Следовательно, центр гендерной асимметрии фразеологизмов данной подгруппы смещен главным образом в сторону маскулинности. Важно также отметить, что в таких идиомах стержневыми компонентами являются АС с определенной традиционной и исторически сложившейся гендерной отнесенностью, которая на современном этапе развития английского языка определяется семой ‘person’, и рассматривается как нейтральная. Это такие имена деятеля, как nurse, fireman, sailor, warrior, captain и т.д., например: **a dry <u>nurse</u>** – 2) *разг. шутл.* человек, которому поручено присматривать за другими, «нянька»; **a visiting <u>fireman</u>** – *амер. разг.* 1) именитый, важный гость, заезжая знаменитость; 2) гость, посетитель, турист (*особ.* не останавливающийся перед расходами) (*US informal* an important visitor to a city or organization who is given an official welcome and especially cordial treatment; a visitor or tourist who is accorded special attention because they are expected to spend extravagantly [NODE]); **a <u>sailor</u> before the mast** – простой матрос; **cold <u>warrior</u>** – сторонник холодной войны (a politician who actively promoted or supported the Cold War [BDCPF]); **an armchair <u>strategist</u>** –

кабинетный стратег (one who plans a military operation from the security of his or her own home without having to fight [PDEI]).

К данной подгруппе относится и идиома, опорным компонентом которой является лексема maid. Несмотря на то, что семантика данной лексемы маркирована – ‘a *female* domestic servant’, в процессе фразеологизации маркер гендера до определенной степени нейтрализуется, что дает возможность употреблять данную идиому и по отношению к мужчине, например:

… Mac’s own description of his function was of “maid of all work”. (*W.Manchester, ‘The Death of a President’, ch. 8*) – … по словам Мака, он был чем-то вроде «прислуги за все».

Процесс «нейтрализации» гендерной референции идиом с АС можно также проследить, анализируя их дефиниции, данные в разных лексикографических источниках. Например, значение фразеологизма **a soldier of fortune** – «наемный солдат, наемник» представлено двумя дефициями, в которых семантическая структура имеет различную маркировку, ср.: 1) *men* who offer their service to any state; mercenaries [PDEI]; 2) (*literary*) *someone* who fights for any country or group that will pay them [CIDI].

Таким образом, тот факт, что в группе ФЕ, обозначающих лицо, наибольшее количество идиом могут относиться к референтам как мужского, так и женского пола, говорит о тенденции к «нейтрализации» дифференциации по половому признаку в лингвистической области, вызванной изменениями социально-культурного характера в англоязычном этносе. Кроме того, на данную тенденцию указывает и то, что необходимым условием отнесения ФЕ к лицу мужского или женского пола, как показало исследование, в большинстве случаев является отсылка к конкретным историческим, библейским, литературным лицам. При отсутствии этого условия идиома приобретает определенную степень «нейтральности», что создает условия для обратного процесса, а именно – генерализации прагматической функции ФЕ. Областью, наименее подверженной влиянию данного процесса является область АС, относящаяся к религии и церкви.

4.1.2. Обозначение не-лица

При рассмотрении гендерной референции ФЕ, обозначающих неодушевленные предметы, в качестве основного средства, способствующего ее установлению, выступает ассоциативный фон, создаваемый на основе семантических признаков агентивных лексем. Следовательно, определение гендерной референции фразеологизмов (маскулинной, фемининной, интергендерной) носит в данном случае условный характер.

Анализ гендерной отнесенности идиом, обозначающих не-лица, позволил распределить их по следующим группам:

1) группа ФЕ, относящихся к «маскулинной сфере» – **5** ФЕ и один фразео-семантический вариант, например: **silent butler** – совок для собирания крошек, пепла и т.п. со стола; **the curate's egg** – *шутл.* нечто несколько подпорченное, но не совсем негодное [в английском юмористическом журнале «Панч» в 1895 г. был помещен анекдот о помощнике приходского священника, получившем от епископа тухлое яйцо и заявившем, что часть яйца оказалась превосходной]; **the Pope's eye** – жирная часть бараньей ноги; **an old soldier** – 2) *жарг.* пустая бутылка;
2) группа ФЕ, относящихся к «фемининной сфере» – **одна** идиома и один фразео-семантический вариант: **skipper's daughters** – *шутл.* «капитанские дочки», высокие волны с белыми гребнями; **a maid of all work** – 2) вещь, имеющая множество назначений;
3) группа ФЕ, имеющих интергендерный характер – **7** идиом, например: **butcher's bill** – *жарг.* список погибших на войне; **the Speakers' Corner** – «Уголок ораторов» (в лондонском Гайд-парке); **the philosopher's stone** – философский камень, универсальное средство [алхимики искали «философский камень», который якобы превращает неблагородные металлы в золото и исцеляет все болезни].

Следует отметить, что в процессе специализации употребления идиом участвуют имена деятеля с гендерно маркированной семантикой и структурой, такие, как *busman, butler, curate, pope, maid* и др., а также АС *soldier*, семантика которого имеет гендерно асимметричный характер. Структурная и семантическая маркированность АС в идиомах, обозначающих неодушевленный предмет (в отличие от ФЕ, обозначающих лицо), является основным критерием, по которому устанавливается их гендерная референция. Специализации отнесенности идиомы могут

способствовать также другие лексемы, входящие в структуру ФЕ, как в случае с идиомой **skipper's daughters –** «капитанские дочки», волны.

Группу гендерно «нейтральных» ФЕ составляют идиомы, стержневые компоненты которых отличаются «размытым» характером гендерной принадлежности. Подобная нестабильная гендерная характеристика АС не является фактором лингвистическим, а относится к особенностям процесса восприятия той или иной лексемы как в большей или в меньшей степени «маскулинной» или «фемининной».

4.2. Прочие функциональные классы идиом

Класс *коммуникативных* гендерно маркированных идиом представлен двумя семантическими подгруппами: а) пословицы – 22 фразеологических выражения, б) поговорки – 8 фразеологических единиц. Анализ гендерной референции коммуникативных ФЕ как пословиц, так и поговорок, показал, что 29 паремий являются гендерно «нейтральными» и могут употребляться как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине. Факторами, способствующими и обеспечивающими процесс нивелирования гендерного компонента в прагматическом аспекте идиом, являются: 1) интергендерный характер агентивной лексемы, ср.: *doctor, author, apothecary, teacher* и т.д.; 2) «растворение» гендерного компонента в процессе фразеологизации, например, у таких АС, как: *priest, friar, monk, valet*. Рассмотрение второго фактора заслуживает особого внимания, поскольку процесс «нейтрализации» гендерной отнесенности ФЕ с такими именами деятеля происходит не полностью, в связи с чем, степень генерализации отнесенности коммуникативных ФЕ с АС может варьировать. Мы имеем дело с максимальной степенью «нейтрализации» гендерного компонента при высоком уровне обобщения/абстракции ситуации, являющейся мотивирующей базой ФЕ. В данном случае ассоциативный фон образной гештальт-структуры идиомы в большей степени формируется на основе понятий, имеющих отношение к специфике работы того или иного деятеля, результатам, процессу, особенностям, атрибутам чьей-либо деятельности, и в меньшей степени затрагивает ген-

дерный статус агентивной лексемы. Данное явление дает возможность употреблять идиому с АС, относящимся к референту-мужчине, по отношению к референту-женщине, например:

Nev. Miss, will you be so kind as to fill me a dish of tea?

Miss. Pray, let your betters be serv'd before you; I am just going to fill one for myself; and you know, the Parson always christens his own child first. (*J.Swift. 'Swift's Polite Conversation', 'Dialogue I'*)

Невераут. Не будете ли Вы любезны налить мне чаю?

Мисс. Сперва надо налить чаю людям, которые лучше Вас. Я собираюсь налить чаю себе. Священник, знаете ли, собственного ребенка всегда крестит первым.

Минимальная степень «нейтрализации» гендерного компонента наблюдается в случае употребления интергендерной ФЕ с АС, обозначающими референта-мужчину, по отношению к лицу мужского пола (ср.: **like priest, like people** – каков поп, таков и приход). Данное явление говорит о низком уровне обобщения/абстракции референциальной потенции ФЕ, об учете семантики переменного прототипа фразеологизма, в котором гендерный статус имени деятеля является релевантной характеристикой.

Следует отметить, что употребление идиомы со статусом интергендерных единиц по отношению к референтам-мужчинам или референтам-женщинам коммуникативно обусловлено, и происходит в соответствии с коммуникативными целями конкретной ситуации.

Среди гендерно маркированных пословиц и поговорок была также обнаружена идиома, которая может употребляться только по отношению к лицу мужского пола. Гендерная характеристика данной ФЕ определяется не агентивной лексемой, а местоимением 'he', выполняющим функцию субъекта в данной поговорке: **he is no conjurer** – *разг. ирон.* = он пороха не выдумает, он звезд с неба не хватает: By the account I have heard of him, he is no conjurer. – Судя по тому, что я о нем слышал, он звезд с неба не хватает.

Класс *глагольных* идиом представлен ФЕ, обозначающими действие – 10 фразеологизмов, и состояние – одна идиома. Исследование гендерной референции глагольных ФЕ показало, что все идиомы данной группы имеют интергендерный характер, ср.: **go to nurse** – перейти в руки доверенного лица, опекуна (об имении); **catch the Speaker's eye** – *парл.* получить слово (в

палате общин); **pay the piper and call the tune** – «платить волынщику и заказывать песни»; = нести расходы и контролировать их и др.

Следует отметить, что степень устойчивости интергендерного статуса глагольных идиом гораздо выше, чем у остальных структурно-функциональных классов, тем не менее нельзя отрицать возможности наличия гендерных асимметрий в употреблении таких идиом, как например:

1. **be the captain of one's soul** – ни от кого не зависеть, свободно распоряжаться собой, быть хозяином своей судьбы, ср.:

1) 'Good feller, Henleyl' Fauntley ejaculated this with such an air that the wondering Felton, who only knew Henley as the man who was captain of his soul, thought the two must have been at Oxford together. (*J.B.Priestley*, '*The Good Companions*', *book I, ch. III*)
   – Хенли был парень хоть куда! – воскликнул Фонтли с таким видом, что недоумевающий Фелтон, который знал о Хенли только то, что тот был «хозяином своей судьбы», решил, что Иниго и Фонтли вместе учились в Оксфорде;
2) Roland... was the jolly, buccaneering captain of his own soul. (*R.Macaulay*, '*The World My Wilderness*', *ch. I.Kenk*)
   – Роланд был веселый, озорной, своевольный парнишка.

2. **swear like a trooper** – *разг.* = ругаться на чём свет стоит, ругаться как извозчик

1) All the time he was swearing like a trooper... 'What's the trouble?' I asked. 'Effin' lumbago, effing fool!' he shouted. (*S.Chaplin*, '*Sam in the Atorning*', *ch. 6*).
   Человек все время ругался на чём свет стоит...
   – В чем дело? – спросил я.
   – Чертов прострел житья не дает, безмозглый ты человек, – простонал он.
2) When Mr Spencer's car key slipped out of his hand and fell down the drain, he began to swear like a trooper [PDEI].
   Когда ключ от машины М-ра Спенсера выскользнул из его руки и провалился в дренажную канаву, он начал ругаться на чём свет стоит.

Данные ФЕ чаще употребляются по отношению к референту-мужчине.

Анализ гендерной референции *адъективных* идиом показал, что одна ФЕ употребляется по отношению к референту-мужчине: **(as) fat as an alderman** – «толстый, как олдермен», тучный, полный, с брюшком, ср.: My wife says I'm getting fat as an alderman. (*D.Carter*, '*Fatherless Sons*', *ch. IV*) – Моя жена утверждает, что я становлюсь толстяком.

Две другие адъективные ФЕ могут употребляться по отношению как к мужчине, так и к женщине в зависимости от коммуникативной ситуации: **(as) grave as a judge** – «важный как судья», с важным, серьёзным видом; **(as) sober as a judge** – 1) совершенно трезвый; = трезв как стёклышко, ни в одном глазу, 2) серьёзный, здравомыслящий. Ср.:

1) Mesty sat on the chest between them, looking as grave as a judge. (*Fr.Marryat*, '*Mr. Midshipman Easy*', *ch. XXXII*) – Мести с важным видом восседал между ними на ящике;
2) 'You're drunk, Hans,' said Willi. 'I'm as sober as a judge.' (*W.S.Maugham*, '*Complete Short Stories*', '*The Unconquered*')
   – Ты пьян, Ханс, – сказал Вилли.
   – Трезвее трезвого.

Гендерная референция *адвербиальной* идиомы определяется как интергендерная и является **косвенной** (ситуативной), поскольку коррелирует с референтом того или иного пола через посредство той части речи, которую она определяет: **at nurse** – в руках доверенного лица, опекуна (об имении).

§ 5. ОПЫТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ АНГЛОГОВОРЯЩЕГО СОЦИУМА

Принимая во внимания специфику всех языковых уровней, следует отметить огромный потенциал лексических и фразеологических образований в процессе раскрытия и передачи содержания образов сознания представителей разных лингвокультур, включая и *гендерные* образы, а также к выявлению этнокультурной специфики языкового сознания и параметров языковой стереотипности различных культурных социумов (см. работы Т.А.Ершовой, 1998; Н.В.Уфимцевой, 1996; Е.И.Горошко, 1998;

А.В.Кирилиной, 1999; Н.В.Дмитрюк, 2000; Ван Эрдона, 2000; L.Bebout, 1995).

Культурные архетипы нации, существующие на невербальном и часто на нерефлексируемом уровне, определяют поведение ее представителей, и в виде «типичных отношений» накладываются на ситуации в форме чувств, состояний, оценки, формируя тем самым определенный «образ мира» носителей той или иной культуры. Отношение к тому или иному виду деятельности с точки зрения гендерной референции обусловлено особенностями формирования языкового сознания английской нации, представляющего собой совокупность субъективных свойств языковых сознаний носителей английского языка, определяемых степенью лингвистического и когнитивного развития в условиях англоязычной культуры. Для выявления гендерных ассоциаций, вызванных в языковом сознании носителей английского языка посредством определенных лингвистических знаков и основанных на знании о том или ином виде деятельности, в настоящем исследовании было проведено экспериментальное исследование, состоящее из двух этапов.

Центральным вопросом **первого этапа** явилось исследование с позиции гендерного подхода восприятия *агентивных существительных вне фразеологической конструкции* (I). Задачей же **второго этапа** стало изучение особенностей структурирования гендерных образов в ментальном пространстве представителей англоязычного общества посредством *фразеологизмов с агентивными существительными как их центральных компонентов* (II).

Целью эксперимента являлось также установление сходства (или различия) в восприятии языковых знаков – АС как вне, так и в рамках фразеологической конструкции – в двух гендерных группах. В эксперименте участвовало пять мужчин и пять женщин в возрасте от 19-и до 50-и лет, носителей британского варианта английского языка, имеющих высшее образование. Привлечение к эксперименту представителей как мужского, так и женского пола, дало возможность не только расширения поставленных в исследовании задач, но и синхронного рассмотрения значимых частных вопросов, изучение которых способствовало более глубокому пониманию содержания гендерных образов в языковом сознании как мужчин, так и женщин.

I. В ходе первого этапа эксперимента нами выдвигались следующие *рабочие гипотезы*: 1. Наблюдаемые нами случайные величины в экспериментах с мужчинами и женщинами являются **гомогенными**, что говорит об одинаковом восприятии мужчинами и женщинами имен деятеля и, следовательно, об одинаковом отношении к тому или иному виду деятельности с точки зрения гендерной идентификации. 2. Уровень андроцентричности наблюдаемых нами случайных величин в экспериментах с мужчинами и женщинами **одинаков**, что указывает на то, что отношение к профессионально-общественной роли мужчин и женщин, сформированное в языковом сознании англоговорящего социума **однородно**.

Для проверки этих гипотез информантам двух гендерных групп было предложено выбрать один из пяти вариантов ответов на вопрос «**С лицом какого пола ассоциируются данные агентивные лексемы?**». Вариантами ответа являлись: а) только с мужчиной; б) только с женщиной; в) с обоими в равной степени; г) с обоими, но в большей степени с мужчиной; д) с обоими, но в большей степени с женщиной.

Подвергнув данные, полученные в ходе эксперимента, математической обработке[22], мы получили результат, который полностью подтверждает **первую** гипотезу, а именно, что агентивные существительные одинаково воспринимаются мужчинами и женщинами. При проверке **второй** гипотезы мы установили, что коэффициент уровня андроцентричности концептуального пространства в женской группе несколько больше, чем коэффициент уровня андроцентричности ментальных представлений в мужской группе, что говорит о том, что женщины хотя и незначительно, но все-таки более консервативны и имеют более традиционные представления и взгляды на профессионально-общественный статус членов англоязычного общества.

Отдельно хотелось бы остановиться на замечаниях, сделанных информантами в ходе эксперимента. Интерес в первую

---

[22] Особую благодарность выражаем А.Н.Собакину, кандидату технических наук, доценту кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики МГЛУ, оказавшему помощь в статистической обработке результатов, полученных в ходе эксперимента.

очередь представляют АС, в определении гендерной референции которых не было единства мнений. Например, гендерная отнесенность лексемы **priest** – «священник, священнослужитель» пятью информантами (тремя мужчинами и двумя женщинами) была определена как в большей степени маскулинная [вариант ответа г)], и особо оговаривалась возможность ее употребления по отношению к референту-женщине[23]. Остальные информанты употребили бы данное слово только по отношению к мужчине [вариант ответа а)]. Неодинаковым было и восприятие слова **president** – «президент», причем следует отметить, что, если в женской группе было только два варианта определения отнесенности данной лексемы, а именно: 1) только по отношению к мужчине [вариант ответа а) – один человек]; 2) к обоим, но в большей степени к мужчине [вариант ответа г) – четыре человека], то в мужской группе допускался третий вариант ответа: к обоим в равной степени [вариант ответа в) – один человек]. Данный факт говорит о тенденции к приобретению данной лексемой интергендерного статуса. Подобная тенденция наблюдается и у слова **nurse – «**няня, сиделка». И здесь опять информанты-женщины были более «осторожны» в установлении гендерного статуса данной лексемы, предложив только два варианта ответа: 1) относится к обоим, но в большей степени к женщине [вариант ответа д) – четыре человека]; 2) только к женщине [вариант ответа б) – один человек]. Среди мужчин один из участников эксперимента ответил, что слово **nurse** относится к мужчинам и женщинам в равной степени [вариант ответа в)]. Интересно также отметить разное восприятие мужчинами и женщинами лексемы **philosopher** – «философ». В группе информантов-женщин данное слово обладает большей гендерной нейтральностью, по сравнению с его восприятием и пониманием как в большей степени маскулинного понятия среди инфор-

[23] Здесь следует отметить, что подобное восприятие агентивной лексемы **priest** объясняется тем, что несколько лет тому назад в Англии имела место широкая дискуссия о возможности рукоположения женщин в священники, и в рамках англиканской церкви это право женщин было признано законным. Дискуссия носила настолько широкий характер, что информанты-британцы не могли этого не знать.

мантов-мужчин. Кроме того, один информант-мужчина полностью отрицал возможность отнесения данного имени деятеля к женщине, обосновывая свой ответ полным отсутствием природной способности у женщин заниматься подобным видом деятельности. Явным расхождением во мнениях по поводу гендерной отнесенности в двух гендерных группах отличается слово **servant** – «слуга, служанка». Все без исключения мужчины отнесли бы данную лексему и к мужчине и к женщине в равной степени [вариант ответа в)]. Однако подобного сходства в ответах в группе информантов-женщин установлено не было: две женщины отнесли данное слово к обоим, но в большей степени к мужчине [вариант ответа г)], а остальные три – только к мужчине [вариант ответа а)]; к обоим, но в большей степени к женщине [вариант ответа д)]; к обоим в равной степени [вариант ответа в)]. Следовательно, лексема **servant** носит андроцентричный характер по мнению информантов женской группы.

Проведенное нами психолингвистическое экспериментальное исследование показало, что в области ментальных представлений у большинства имен деятеля гендерный компонент является достаточно неустойчивым. Гендерные ассоциации, вызванные тем или иным словом, обозначающим различного рода деятельность, при общей статистической тенденции, достаточно разнородны как в пределах одной гендерной группы информантов, так и в пределах обеих групп. Данное явление подтверждает то, что на восприятие агентивных лексем и, следовательно, на формирование гендерного образа влияет социальный опыт индивида, особенности культурного развития нации, стереотипы, нормы, традиции, принятые в данном обществе, возраст, взгляды, принципы. В частности, агентивными лексемами с так называемой *флексивной* гендерной отнесенностью являются: слово **preacher** (проповедник) – на общем фоне <u>андроцентричных</u> ответов в двух гендерных группах один информант-мужчина определил гендерную референцию данного существительного как маскулинную и фемининную в равной степени [вариант ответа в)]; существительное **burglar** (ночной грабитель, взломщик) – при определении гендерной референции данного слова одна женщина употребила бы его в равной степени как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине [вариант

ответа в)] на общем фоне андроцентричных ответов в двух гендерных группах; а также лексема **administrator** (управляющий, административное, должностное лицо), восприятие которой в группе мужчин колебалось от ее ассоциации в большей степени с мужчиной [вариант ответа г) – два человека], с обоими в равной степени [вариант ответа в) – два человека] и до употребления данной лексемы к обоим, но в большей степени к женщине [вариант ответа д) – один человек]. В группе же женщин, на общем фоне интергендерных ответов одна из информанток употребила бы данное имя деятеля к обоим, но в большей степени к женщине [вариант ответа д)]. Следует отметить, что тенденция к «интергендерности» слова **administrator**, была прокомментирована одним из информантов – профессором Яном Арт Шолте, который указал, что на сегодняшний день должность администратора не относится к разряду должностей руководящего звена, а подразумевает выполнение обычной секретарской работы. Следовательно, статус слова **administrator** приравнивается к статусу слова **secretary.** С точки зрения иерархии построения социально-административных отношений данное явление представляется весьма актуальным и своевременным, во-первых, в связи с увеличением за последнее время числа секретарей-мужчин, которые, как было отмечено профессором Шолте, считают для себя унизительным иметь официальный статус секретаря, а, во-вторых, повышает статус женщин, традиционно занимающихся данным видом деятельности.

Интерес представляет и тот факт, что в ряде случаев для определения гендерной отнесенности требовалось уточнение значения агентивной лексемы. Например, информанты указывали, что если слово **speaker** употребляется в значении «говорящий, тот, кто говорит», то данное слово они, скорее всего, отнесли бы к женщине [вариант ответа д)], если же эта лексема употребляется в значении «оратор», то они отнесли бы его в большей степени к мужчине [вариант ответа г)]. Похожую ситуацию можно отметить и со словом **driver**. По мнению одного из информантов-мужчин, если данная агентивная лексема употребляется в значении «тот, кто умеет водить (водит) машину», он употребил бы это имя деятеля к мужчине и к женщине в равной степени [вариант ответа в)], если же подразу-

мевается значение «шофер», то тогда данное слово ассоциировалось бы в большей степени с мужчиной [вариант ответа г)].

Следует также отметить точку зрения одного из информантов – Кристофера Толлисса, – который считает, что если в слове нет суффикса, указывающего на женский род, то оно относится только к референту-мужчине. По его мнению, в связи с тем, что такие слова, как, например, ‘poet’, ‘tailor’, ‘priest’ и др. имеют парные соответствия в английском языке – ‘poetess’ (поэтесса), ‘tailoress’ (портниха), ‘priestess’ (жрица, попадья), в которых суффикс **-ess** служит для обозначения женского рода, то они имеют достаточно устойчивый гендерный статус и не могут восприниматься как гендерно нейтральные. Остальные же участники эксперимента как мужчины, так и женщины не были столь категоричны в своих ответах по отношению к подобного рода словам.

Информантами были также внесены поправки по поводу неупотребления ряда агентивных лексем. В частности, отмечалось, что в настоящее время вышли из употребления такие слова, как **busman** (водитель автобуса), **fireman** (пожарный), **fisherman/-woman** (рыбак/рыбачка) и др., так как им на смену пришли лексемы **busdriver**, **fireworker, fisher.**

Таким образом, ассоциативные «блоки памяти» слов – имен деятеля, содержащие информацию об их гендерной отнесенности, могут подвергаться изменениям. Основные причины и факторы, влияющие на переоценку гендерной референции агентивного существительного, обусловлены особенностями формирования информационного тезауруса индивида, за которым лежит многогранный опыт во всем многообразии свойственных ему связей и отношений, опыт, формирующий и отражающий национальную специфику языкового сознания англоговорящего сообщества. Исследование также показало, что на восприятие гендерных образов, вербализованных с помощью агентивных лексем, влияние оказывает не только принадлежность индивида к той или иной гендерной группе, но и ряд других не менее важных факторов, таких, как возраст, социальный статус, степень образованности, территориальный фактор (например, степень удаленности от центральных/главных районов, являющихся культурными и промышленными центрами страны), степень религиозности, принадлежность к тому или иному народу, про-

живающему на территории данного государства. Учитывая данные критерии и результаты нашего экспериментального исследования, мы пришли к выводу о том, что процессы *генерализации* восприятия агентивных лексем наиболее затруднены: 1) у женщин; 2) у представителей более старшего поколения; 3) у людей, проживающих в отдаленных районах страны.

II. В качестве *рабочих гипотез* второго этапа эксперимента были выдвинуты следующие положения: 1. Наблюдаемые нами случайные величины в экспериментах с мужчинами и женщинами являются **гомогенными**, т.е. мужчины и женщины одинаково воспринимают/декодируют информацию о семантической гендерной маркированности идиом с агентивными существительными. 2. Уровень андроцентричности наблюдаемых нами случайных величин (в качестве которых рассматриваются ФЕ со словами – именами деятеля) в экспериментах с мужчинами и женщинами **одинаков.** 3. Гендерная референция ФЕ с агентивными лексемами не зависит напрямую от гендерного статуса стержневого компонента структуры идиомы (а именно от имени деятеля)[24].

Для проверки данных гипотез информантам двух гендерных групп было предложено выбрать один из пяти вариантов ответов на вопрос «**По отношению к кому вы бы употребили ФЕ с агентивной лексемой?**». Вариантами ответа являлись: а) только по отношению к мужчине; б) только по отношению к женщине; в) к обоим в равной степени; г) к обоим, но в большей степени к мужчине; д) к обоим, но в большей степени к женщине.

В результате математической обработки данных, полученных в ходе эксперимента, все три гипотезы подтвердились. Следовательно, мы может сделать вывод о том, что одинаковое восприятие мужчинами и женщинами, а также одинаковое декодирование культурно значимой информации, содержащейся во фразеологизмах с агентивными существительными, обусловлены в первую очередь общим социальным опытом индивидов – представителей англоговорящего сообщества и не зависит от

[24] Речь идет не столько о «нейтрализации», сколько о сложном процессе перехода от (свободного) словосочетания через концептуализацию к идиоме.

принадлежности индивида к тому или иному полу. Равнозначность в двух гендерных группах коэффициентов, определяющих уровень андроцентричности ответов-стимулов, а также частоту ответов, указывающих на андроцентричный характер ассоциаций, вызванных идиомами с именами деятеля, говорит об устойчивых стереотипных представлениях, характеризующихся обобщенностью и стандартностью концептуального содержания, сформированного многовековой историей общественного развития. Подтверждение гипотезы о независимости гендерной референции идиом от гендерной характеристики агентивных лексем, говорит о том, что новые условия функционирования слова-имени деятеля, новое языковое окружение, которое оно получает, участвуя в формировании структуры ФЕ, является фактором, способствующим изменению или «нейтрализации» гендерного компонента агентивного существительного.

Данные выводы указывают на общую тенденцию, установленную после обработки всех полученных в ходе экспериментального исследования данных. В качестве же так называемых частных наблюдений следует отметить следующие явления: 1. При непонимании значения ФЕ информанты-мужчины, определяя ее гендерную референцию, в большей степени ориентировались на агентивную лексему, выступающую в качестве опорного компонента данной идиомы. Следовательно, гендерная референция слова – имени деятеля и гендерная референция ФЕ с этой агентивной лексемой совпадали. Например, все без исключения информанты-мужчины определили гендерную референцию идиомы **silent butler** – «совок для собирания крошек, пепла и т.д.» (*букв.* молчаливый дворецкий) как маскулинную [вариант ответа а)]. 2. При непонимании значения ФЕ информанты-женщины предпочтение отдавали интергендерной референции, например, при определении гендерной отнесенности той же ФЕ **silent butler** три женщины отнесли данную идиому к мужчине и женщине в равной степени [вариант ответа в)], и две – только к мужчине [вариант ответа а)]. 3. Восприятие идиомы с одной и той же агентивной лексемой может не совпадать как внутри одной гендерной группы, так и между мужской и женской группами информантов. Например, идиома **a back-seat driver** – «*разг. неодобр*. пассажир, дающий советы водителю как вести машину» у

информантов мужчин ассоциируются с мужчинами и женщинами в равной степени [вариант ответа в) – три человека], только с женщиной [вариант ответа б) – один человек], с обоими, но в бîльшей степени с женщиной [вариант ответа д) – один человек]. С точки зрения информантов-женщин данный фразеологизм обладает в бîльшей степени гиноцентричным характером. Были получены следующие ответы: только к женщине [вариант ответа б) – один человек], к обоим, но в большей степени к женщине [вариант ответа д) – два человека], к мужчине и женщине в равной степени [вариант ответ в) – два человека]. Интересно отметить, что как среди мужчин, так и среди женщин андроцентричных ответов получено не было.

Таким образом, на основании проведенного психолингвистического исследования мы можем сделать следующие выводы:

– лингвистическое пространство англоговорящего социума обладает большей степенью гендерной «нейтральности» по сравнению с концептуальным пространством, в котором представление, вызванное в сознании индивида либо агентивной лексемой, либо идиомой с агентивной лексемой, имеет достаточно устойчивую ассоциативную связь с образом представителя мужского или женского пола. Область ментальных представлений в большей степени **андроцентрична** [ср.: 62% андроцентричных ответов при восприятии агентивных лексем (концептуальное пространство) *vs* 22% агентивных лексем, в семантике которых есть указание на мужчин (лингвистическое пространство); 53% андроцентричных ответов при восприятии фразеологизмов с агентивными лексемами (концептуальное пространство) *vs* 18% идиом, в семантике которых есть указание на мужчину (лингвистическое пространство)];

– в лингвистической сфере гендерный образ представляет собой строго *«зафиксированное»* понятие, закрепленное в словарной дефиниции. В концептуальной же сфере он является понятием *«плавающим»*, поскольку меняется в силу индивидуальности когнитивных процессов и их зависимости от целого ряда частных факторов и характеристик каждого конкретного человека, таких как возраст, взгляды, воспитание, образование, принципы и т.д.;

– область ментальных представлений у мужчин и женщин имеет разные «гендерные оттенки» (на фоне общих статистических данных) в зависимости от того, что является стимулом к возникновению гендерного образа в сознании индивидов – агентивное существительное или идиома с агентивным существительным. Коэффициент *интергендерных* ответов при восприятия имен деятеля **вне** фразеологической конструкции в мужской группе выше по сравнению с женской группой, в которой наиболее распространенным был андроцентричный ответ [вариант ответа а)]. Из 35% *интергендерных* ответов в двух группах информантов 19% ответов были получены от информантов-мужчин и 16% – от информантов-женщин. При формировании гендерных образов посредством идиом с агентивными лексемами наблюдается противоположная тенденция. Из 43% *интергендерных* ответов, полученных в ходе опроса участников эксперимента мужчин и женщин, 21% ответов дали информанты-мужчины и 22% – информанты-женщины;

– интеграция семантического и психолингвистического подходов к изучению гендерно маркированных лексических и фразеологических единиц английского языка расширяет имеющиеся представления о национально-культурных особенностях языкового сознания англоговорящего социума, раскрывает специфику гендерной референции как агентивных существительных, так и идиом с агентивными существительными, обусловленную лингвистическими и экстралингвистическими факторами, а также помогает вскрыть динамику эволюции сознания представителей англоязычного этноса и установить взаимосвязь между вербальными и невербальными компонентами значения языковых единиц английского языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование гендерного компонента в структуре, семантике и референции идиом является одной из первых попыток анализа на фразеологическом материале того участка концептосферы современного английского языка, который отражает характерные для данного социума модели языковой социализации мужчин и женщин и который постоянно привлекает внимание лингвистов, особенно в связи с возникшим в последнее время стремлением «пересмотреть» и обновить отражаемые языком представления о роли мужчин и женщин в социуме.

Рассмотрение гендерно маркированных идиом как объекта когнитивно-культурологического исследования позволяет представить, как «разворачивается» информационный текст идиомы и с какими пластами социокультурного знания он взаимодействует при раскрытии центральных образов гендерной парадигмы, поскольку заложенные в них различные смыслы, активизируемые субъектом речи в момент общения, интерпретируются в пространстве социального и культурного знания.

Проведенное исследование затронуло ряд вопросов как частного, так и общетеоретического характера. Выводы, к которым мы пришли в ходе изучения гендерно маркированного блока фразеологического фонда английского языка, представляют собой не только возможные пути решения актуальных проблем современной лингвогендерологии, но и намечают дальнейшие перспективы проведения исследований в этой области.

Как показало исследование, фразеологический фонд английского языка может иметь разноуровневую гендерную маркированность, т.е. гендерно маркированными могут быть как план выражения, так и план содержания ФЕ. Если в идиоме гендерные маркеры содержатся как в структуре, так и в семантике, такая гендерная маркированность является **полной**. Гендерная маркированность может быть также **частичной**, т.е. может присутствовать в плане содержания ФЕ и отсутствовать в плане выражения или наоборот. В настоящем исследовании мы выделили

два вида частичной маркированности. Структурно обусловленная гендерная маркированность имеет место в тех случаях, когда маркеры гендера присутствуют в плане выражения, но отсутствуют в плане содержания ФЕ. Семантически обусловленная гендерная маркированность отмечается, если гендерно немаркированным является план выражения идиомы, а план содержания напротив содержит маркеры гендера.

Важным, на наш взгляд, является вопрос о пересмотре семантической структуры ФЕ, связанный с включением в нее гендерного макрокомпонента, который играет важную роль в семантике ФЕ, структурируя образ и формируя внутреннюю форму фразеологизмов.

Рассмотрение когнитивных аспектов гендерно маркированных идиом позволило установить, что гендерный компонент играет ведущую роль в процессе фразеологизации. Рассмотрение интерпретационных полей концептуальных оснований фразеологизации, роли слов – опорных компонентов гендерно маркированных идиом в формировании результирующего смысла ФЕ, выделение ядра и периферии фразеологизации, а также установление наличия концептуально-фразеологических лакун в гендерно оппозиционных концептуальных пространствах – все это способствует раскрытию тех установок, стереотипов, эталонов, символов, которые содержат знания о месте, функции, роли мужчин и женщин в социокультурном пространстве англоязычного этноса, а также способствует выявлению механизмов прагматической функции гендерно маркированных ФЕ, механизмов кодирования ситуаций и альтернативных способов представления одной и той же ситуации.

Значимым результатом исследования является установление определенной связи между структурными параметрами фразеологизма и гендерной отнесенностью его семантики. Гендерная референция идиомы может быть установлена на основе прямого указания на лицо мужского и/или женского пола, представленного в ее дефиниции, либо может являться результатом выводного знания, полученного в ходе анализа глубинной структурной семантики фразеологизма. Гендерная отнесенность ФЕ, как показало исследование, может зависеть от конкретной речевой ситуации. Статус гендерного компонента в ряде случаев являет-

ся неустойчивым, на что указывает наличие гендерных асимметрий как на концептуальном уровне, так и на уровне семантической отнесенности.

Как показало исследование, определение гендерной референции идиом во многом зависит от того, к какому структурно-функциональному классу они принадлежат. Гендерная референция *субстантивных, глагольных, коммуникативных, адъективных* и ряда *адвербиальных* идиом устанавливается в ходе дефиниционного анализа фразеологизма и определяется нами как **прямая**. *Междометные* и некоторые *адвербиальные* идиомы имеют **косвенную** (ситуативную) гендерную референцию, которая не фиксируется дефиницией, а проявляется в конкретном контексте употребления.

Следует отметить установленное в ходе исследования существенное доминирование субстантивных идиом во всех группах гендерно маркированных ФЕ, что дает основание полагать, что наивысший уровень репрезентации фемининного и маскулинного аспектов культуры представлен субстантивными формами фразеологической вербализации.

Поэтапное исследования гендерного компонента на **структурном**, **семантическом** и **референциальном** уровнях позволило установить их тесное взаимодействие и выделить два типа корреляции между ними. Если статус гендерного компонента остается без изменений на всех трех уровнях, такую корреляцию мы называем **линейной**. **Линейная корреляция** может быть выражена *эксплицитно*, например: a **woman** of letters > a ***female*** scholar or author > референт-**женщина**, или быть *латентной* и иметь *условно-ассоциативный характер*, как, например, в большинстве идиом, относящихся к сфере неодушевленного: a **maiden** speech > the ***first*** speech a member makes in Parliament > **фемининная** референция. (См. Приложение 1, табл. 3).

Корреляция структурного, семантического и референциального уровней может также быть **нелинейной**. **Нелинейная корреляция** имеет место, когда статус гендерного маркера меняется, т.е. характер гендерной референции и семантического маркера не совпадает с гендерной характеристикой маркера структуры идиомы. К данному типу корреляции относятся такие случаи, когда в ходе фразеологической номинации происходит процесс

нивелирования гендерного компонента, вызванный явлением гендерной генерализации отнесенности идиомы (например: serve two **masters** > used in order to say that ***someone*** must live according to two different ideas, or be loyal to two different groups at the same time, especially when this is difficult [LID] > **интергендерная** референция). **Нелинейная** корреляция включает также группу фразеологизмов, в которых характер гендерного маркера семантики и гендерной референции прямо противоположен гендерному статусу маркера структуры (например: a big **girl's** blouse – (*humorous*) a ***man*** or a ***boy*** who behaves in a way which other men think is how a woman would behave, especially if they show they are frightened of something [CIDI]) > референт-**мужчина**). (См. Приложение 1, табл. 3).

Предпринятое нами исследование, по сути, является первым системным исследованием гендерного аспекта английской фразеологии, которое показывает перспективность изучения проблемы гендера на фразеологическом материале. Нами было фактически рассмотрено ядро гендерного поля во фразеологическом фонде современного английского языка. В дальнейшем представляется интересным обратиться к изучению всего множества ФЕ с гендерно маркированной семантикой, оценить возможность учета в гендерном исследовании других структурных маркеров фразеологизмов, в частности местоимений, наименований одежды, типично мужских или женских действий или деятельности, а также проследить закономерности функционирования гендерно маркированных ФЕ в тексте.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Таблица 1

I. СТРУКТУРНЫЙ УРОВЕНЬ	II. СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ
I. Идиомы с именами собственными (355 ед) ***Фразеологизмы с:*** 1) ИС, не относящимися к конкретному денотату (**110 ФЕ**); 2) ИС конкретных, реально существовавших (или существующих) личностей (**81 ФЕ**); 3) ИС мифологических героев и библейских персонажей (**80 ФЕ**); 4) ИС литературных персонажей (**84 ФЕ**)	**Фразеосемантические области**
II. Идиомы с именами нарицательными (680 ед) ***Фразеологизмы с:*** 1) терминами родства (**176 ФЕ**);	→ **«роль в семье»**
2) антропометрическими лексемами (**368 ФЕ**);	→ **«социальная роль и социальная значимость мужчин и женщин»**
3) агентивными существительными (**136 ФЕ**).	→ **«профессиональная деятельность»**

наличие/отсутствие **гендерного маркера в семантике ФЕ**

Таблица 2

III. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ	**1) маскулинная референция:** *he is his father's son* – ***he*** resembles his father in character **2) фемининная референция:** *lady Bountiful* – a country ***lady*** who gave half her money to charity **3) интергендерная референция:** *even Homer sometimes nods* – even the most gifted ***person*** occasionally makes mistakes

Таблица 3

	I.Структурный уровень	**II.Семантический уровень**	**III.Референциальный уровень**
ЛИНЕЙНАЯ корреляция	***Эксплицитная*:** **A <u>woman</u> of letters**	A ***female*** author or scholar	**Референт-женщина**
	***Латентная*:** **A <u>maiden</u> speech**	The ***first*** speech a member makes in Parliament	**Фемининная референция**
НЕЛИНЕЙНАЯ корреляция	**Serve two <u>masters</u>**	***Someone*** must live according to two ideas, or to be loyal to two different groups at the same time, especially when this is difficult	**Интергендерная референция**
	A big <u>girl's</u> blouse	A ***man*** or ***boy*** who behaves in a way which other men think is a woman would behave, especially if they show they are frightened of something	**Референт-мужчина**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

▣ – обозначение для общих понятий

☑ – обозначение для частных понятий, уточняющих и расширяющих представления об общих понятиях

▣ **Категория «маскулинности»** – оперативное понятие лингвогендерологии, складывающееся из совокупности представлений о самых разнообразных ипостасях мужчины и обо всём том, что может прямо или косвенно к нему относиться; является собирательным образом всего «маскулинного»/мужского.

▣ **Категория «фемининности»** – оперативное понятие лингвогендерологии, складывающееся из совокупности представлений о самых разнообразных ипостасях женщины и обо всём том, что может прямо или косвенно к ней относиться; является собирательным образом всего «фемининного»/женского.

▣ **Гендерная маркированность фразеологизмов** – различные способы представления во фразеологических единицах гендерных маркеров, т.е. обозначений, отличительным признаком которых является указание на представителей мужского или/и женского пола.

☑ ***Двуплановая гендерная маркированность*** – возможность наличия маркеров гендера и в плане выражения, и в плане содержания фразеологической единицы.

☑ ***Полная гендерная маркированность*** – наличие гендерных маркеров как в плане выражения, так и в плане содержания фразеологизмов.

- ☑ ***Частичная гендерная маркированность*** – наличие гендерных маркеров либо в плане выражения, либо в плане содержания фразеологической единицы. Выделяются два вида: 1) структурно обусловленная частичная гендерная маркированность – маркеры гендера присутствуют в плане выражения и отсутствуют в плане содержания; 2) семантически обусловленная частичная гендерная маркированность – маркеры гендера присутствуют в плане содержания, но отсутствуют в плане выражения.

- ☑ ***Семантическая гендерная маркированность*** – наличие в дефиниции фразеологизма слов (лексем), содержащих указание на мужчину или/и женщину, т.е. наличие гендерных маркеров в дефиниции фразеологизма.

- ☑ ***Структурная гендерная маркированность*** – наличие в структуре фразеологизма слов (лексем), содержащих указание на мужчину или/и женщину.

- ☑ ***Семантический критерий отбора гендерно маркированного лингвистического материала*** – принцип отбора материала на основании наличия в семантике фразеологизмов слов, содержащих указание на мужчину или/и женщину (т.е. *семантических маркеров*).

- ☑ ***Структурный критерий отбора гендерно маркированного лингвистического материала*** – принцип отбора материала на основании наличия в структуре фразеологизмов слов, указывающих на лицо мужского или/и женского пола (т.е. *структурных маркеров*).

▣ **Гендерная референция фразеологизмов** – отнесение фразеологизмов к маскулинной, фемининной или интергендерной сферам. Включает в себя: 1) употребление по отношению к лицу мужского или/и женского пола; 2) употребление лицом мужского или/и женского пола; 3) соотнесение по ассоциациям с маскулинными или/и фемининными понятиями (сферами).

☑ ***Интергендерная референция*** – отнесенность фразеологизма к лицам как мужского, так и женского пола; или как к маскулинным, так и фемининным понятиям (или к сферам и маскулинного и фемининного), достигаемая за счет процесса нивелирования (нейтрализации/снятия) исходной гендерной референции фразеологической единицы (как правило, устанавливаемой или восстанавливаемой на основе исследования внутренней формы фразеологизма), обладающего определенной динамикой развития, а потому фактически основанного на взаимодействии поля «фемининности» и поля «маскулинности», что обуславливает тяготение фразеологизма к андроцентричному или гиноцентричному полюсу в тот или иной период его существования и функционирования в языке, что свидетельствует о наличии гендерной асимметрии на референциальном уровне. ☝ В отличие от понятия «метагендерная референция», подразумевающего *статичную* (т.е. не изменяющуюся, окончательно сформировавшуюся, устоявшуюся) отнесенность фразеологизмов, указывает на *динамику* и *изменчивость* гендерной отнесенности языковой единицы.

☑ ***Прямая гендерная референция*** – непосредственное отнесение фразеологизма к референту-мужчине или/и к референту-женщине; к маскулинным или/и фемининным понятиям (сферам).

☑ ***Косвенная (ситуативная) гендерная референция*** – отнесенность фразеологизма к референту-мужчине или/и к референту-женщине; к маскулинным или/и фемининным понятиям (сферам), устанавливаемая только на основании конкретного контекста его употребления. (Вводится при рассмотрении гендерной отнесенности адвербиальных и междометных фразеологизмов – подробнее см. в разделах о гендерной референции адвербиальных и междометных фразеологизмов).

▣ **Гендерная корреляция** – система синтагматических отношений между структурным, семантическим и референциальным языковыми уровнями, представляющими собой отдельные сферы (области) функционирования гендера.

☑ ***Линейная гендерная корреляция*** – возможность последовательного (синтагматического) выведения гендерной референции фразеологической единицы из структурного и семантического уровней функционирования гендерного фактора при полном (абсолютном) совпадении его гендерной характеристики. ➢ Например: наличие маркера с обозначением *женщины* на структурном уровне → наличие маркера с указанием на *женщину* на семантическом уровне → *референт-женщина* (*фемининная референция*). (См. Приложение 1, табл. 3).

☑ ***Нелинейная гендерная корреляция*** – невозможность последовательного (синтагматического) выведения гендерной референции фразеологической единицы из структурного и семантического уровней функционирования гендерного фактора в связи с изменением его гендерной характеристики на одном из уровней. ➢ Например: наличие маркера с обозначением *женщины* на структурном уровне →* наличие маркера с указанием на *мужчину* на семантическом уровне → *референт-мужчина (маскулинная референция)*. (См. Приложение 1, табл. 3).

▣ **Система гендерных оппозиций** – совокупность языковых единиц, противопоставленных друг другу по принципу обозначения ими лиц мужского или женского пола.

☑ ***Закрытая система гендерных оппозиций*** – система оппозиций, выделяемых по признаку отнесенности одного члена оппозиции к обозначениям мужчин, а другого – к обозначениям женщин, не допускающая расширения. ➢ Например: boy – girl, man – woman; father – mother, sister – brother (см. гл. I, § 1.2).

☑ ***Открытая система гендерных оппозиций*** – система оппозиций, выделяемых по признаку отнесенности одного члена оппозиции к обозначениям мужчин, а другого – к обозначениям женщин, допускающая расширения. ➢ Например: every Tom, Dick and Harry – every Tom, Dick and Sheila (см. гл. I, § 1.2).

▣ **Концептуализация гендера** – выявление концептов, лежащих в основе семантики языковых единиц и раскрывающих отношение к представителям мужского и женского пола, их роли, значимости, функциям, обязанностям и под. в данном конкретном обществе на основе анализа языковых данных (в частности, фразеологических единиц) в рамках языковой системы, функционирующей в этом обществе.

☑ ***Общее гендерное концептуальное основание (субконцепт)*** – ментальное представление, основанное на знании о гендерно универсальных признаках, т.е. признаках, а также особенностях, характеристиках и т.д., присущих как мужчинам, так и женщинам, структурирующее образ, который ложится в основу значения фразеологизма, и свидетельствующее о развитии и направлении процесса социополовой генерализации лингвокультурного и социального пространств того или иного общества.

☑ ***Частное гендерное концептуальное основание (субконцепт)*** – ментальное представление, основанное на знании о гендерно дифференциальных признаках, т.е. признаках свойственных только мужчинам или только женщинам, структурирующее образ, который ложится в основу значения фразеологизма, и свидетельствующее о развитии и направлении процесса социополовой (маскулинной или фемининной) стереотипизации (специализации) лингвокультурного и социального пространств того или иного общества.

☑ ***Ядерные области концептуализации гендера*** – наиболее номинативно востребованная часть ментальных пред-

ставлений (т.е. часть, вербализирующаяся значительным количеством ФЕ), раскрывающая особо значимые типично мужские или типично женские признаки, качества, свойства, действия и т.д., и, следовательно, играющая существенную роль в формировании стереотипных образов «мужчина» и «женщина», складывающихся в процессе культурно-исторического развития того или иного общества.

☑ ***Периферийные области концептуализации гендера*** – наименее номинативно востребованная часть ментальных представлений (т.е. часть, вербализирующаяся незначительным (малым) количеством ФЕ), лишь фрагментарно отражающая ту или иную сторону образов, связанных в нашем сознании с пониманием традиционно «маскулинного» или «фемининного» и потому являющаяся недостаточно выразительной и релевантной в формировании гендерных стереотипов.

☑ ***Гендерная концептуально-фразеологическая лакунарность*** – объективация какого-л. [суб]концепта посредством фразеологизмов только с обозначениями мужчин или только с обозначениями женщин, несмотря на потенциальную способность подобных [суб]концептов выступать в качестве основания фразеологизации как с маскулинными, так и с фемининными маркерами, т.е. с обоими составляющими гендерной оппозиции; а также объективация какого-л. [суб]концепта крайне незначительным количеством фразеологизмов с обозначением мужчин или с обозначением женщин. Данное явление способствует определению наиболее социально и культурно востребованных сфер жизнедеятельности мужчин и женщин, а также выявляет наиболее значимые для данного конкретного общества особые характеризующие качества, черты, признаки и т.д. «маскулинного» или «фемининного».

▣ **Гендерная асимметрия** – отсутствие равномерного соотношения между членами бинарной оппозиции «маскулинное» – «фемининное» на различных языковых уровнях.

☑ ***Гендерная асимметрия на концептуальном уровне*** – смещение центра концептуализации в каком-л. [суб]концепте, актуализированном посредством фразеологических единиц, в сторону категории «маскулинности» или «фемининности», обусловленное социальным и культурным знанием, индивидуальным опытом лица, а также результатами его деятельности. Характерно только для общих субконцептов (концептуальных оснований) фразеологизации.

☑ ***Гендерная асимметрия на морфологическом уровне*** – наличие преферентного «закрепления» определенной формы лексемы в структуре фразеологизма, зависящего от обозначения этой лексемой лица мужского или женского пола. ➢ Например, для женских имен, входящих в состав ФЕ, характерна субъективно-оценочная *форма на -y:* Betsy, Nancy, а для мужских имен – *сокращенная форма*: Tom, Mike. (Подробнее см. гл.II, § 1.2; гл. III, раздел I, § 1).

☑ ***Гендерная асимметрия на уровне референции*** – наличие преферентной отнесенности лингвистической единицы (идиомы) к лицам мужского или женского пола; к маскулинным или фемининным понятиям (либо к сфере «маскулинного» или «фемининного»), характерное только для интергендерных фразеологизмов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1974. – Т. 33. – № 4. – С.320–330.

Аргунова В.Н. Социокультурные основания гендерной проблемы // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные походы. Материалы международной научной конференции. Иваново, 15–16 сентября 2000. – Часть 3. История, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. – С.108–111.

Арутюнова Н.Д. Семантика и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.5–32.

Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. стат. памяти Т.Г.Винокур. – М., 1996. – С.61–90.

Архипов И.К. Семантика производного слова английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 125 с.

Багичева Н.В. Лексическая и прагматическая семантика терминов родства // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург, 1993. – С.77–84.

Беликова Г.В. Библейская фразеология современного французского и русского языков в парадигме гендерного анализа // Гендер: язык, культура, коммуникация. Материалы первой международной конференции. 25–26 ноября 1999. – М.: МГЛУ. – С.19–20.

Беляевская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): Дис. … д-ра филол. наук. – М., 1991. – 401 с.

Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации // Сб. науч. тр.. – Рязань, 2000. – С.9–14.

Беляевская Е.Г. Проблема сложения смыслов при формировании семантики идиом // Материалы международной школы семинара по когнитивной семантике. – Тамбов: Изд-во ТГУ, сентябрь 2002. – С.4–6.

Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии (Словник). – Л.: Наука, 1973. – 191 с.

Бискулатов Н.В. Антропонимы и термины родства // Ономастика Поволжья. – 1973. – № 3. – С.100–107.

Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во моск. ун-та, 1982. – 199 с.

Бурыкин А.А. Термины родства как объект лингвистического анализа (круг проблем и аспекты исследования) // Алгебра родства. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С.76–88.

Бурыкин А.А. Семантическая структура эвенских терминов родства и свойства // Алгебра родства. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С.155–166.

Ван Эрдон Специфика языкового сознания русских и китайцев (гендерный анализ): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2000. – 24 с.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Введение в гендерные исследования: Учебное пособие. – М.: МГУ, 2000. – 223с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М.А.Кронгауз, вступ. ст. Е.В.Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.

Виноградов В.А. Род // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С.417–418.

Воевудская О.М. Концепты света – тьмы в русском и английском языках // Филология и культура. Материалы международной конференции 12–14 мая 1999. – Тамбов, 1999. – С.157–168.

Вохрышева Е.В. Гендерное моделирование субъектно-тезаурусного уровня коммуникации (на материале новоанглийского языка) // Английская филология. – Самара, 1998. – С.43–56.

Гендер как интрига познания / Сб. науч. ст. – М.: МГЛУ, 2000. – 191 с.

Гендер как интрига познания // Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М.: МГЛУ, 2002.

Гендер: язык, культура, коммуникация / Доклады Первой международной конфереции. – М.: МГЛУ, 2001. – 368 с.

Гендер: язык, культура, коммуникация / Доклады Второй международной конфереции. – М.: МГЛУ, 2002. – 335 с.

Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. – Вып. 446. – М.: МГЛУ, 1999. – 136 с.

Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.

Гоббс Т. О теле // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. – М., 1989. – Т.1. – С.88.

Горошко Е.И. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С.186–200.

Двинянинова Г.С. О гендерной ориентации в британской прессе // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады первой международной конференции, 25–26 ноября 1999. – М.: МГЛУ, 2001. – С.173–179.

Двинянинова Г.С., Сычева О.В. Гендерные стереотипы в британской «качественной» прессе // Национальный менталитет и языковая личность: Межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. – Пермь, 2002. – С.165–172.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17–33.

Дзибель Г.В. Термин родства и система терминов родства: лингвистический контекст в отношении к этнографическому // Алгебра родства. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С.89–134.

Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной культурной среде: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2000. – 60 с.

Добровольский Д.О., Малыгин В.Т., Коканина Л.Б. Сопоставительная фразеология (на материале германских языков): Курс лекций / Моск. пед. ин-т им. В.И.Ленина. – Владимир, 1990. – 80 с.

Добровольский Д.О., Кирилина А.В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии ее научности // Гендер как интрига познания. – М.: Рудомино, 2000. – С.19–35.

Добронравин Н.А. Термины родства, имена родства и компаративистика // Алгебра родства. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С.42–46.

Елисеева Н.В. Когнитивные аспекты семантики и функционирования английских глаголов речевой коммуникации: Дис. … канд. филол. наук. – М., 1996. – 231 с.

Ермаченко М.И. К общей теории имени собственного // Ученые записки МГПИИЯ им. М.Тореза. – Т.55. – М., 1970. – С.24–37.

Ермолович Д.И. Функционально-семантические особенности индивиду-ализирующих знаков (на материале именований лица английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1981. – 22 с.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.

Ершова Т.А. Русско-немецкие ассоциативные портреты (опыт интерпретации): Дис. … канд. филол. наук. – М., 1998. – 149с.

Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Иностранная литература, 1958. – 404 с.

Живоглядов А.А. Реализация поэтической функции английских имен собственных личных. – М.: Прометей, 1998. – 140 с.

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

Журинская М.А. Об именах релятивной семантики в системе языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.38. – Вып. 3. – М., 1979. – С.249–260.

Зубкова Л.И. Концепты «бог» и «царь» в религиозном сознании русских // Язык и национальное сознание. – Вып. 2. – Воронеж, 2000. – С.22.

Зыкова И.В. Актуальные направления гендерных исследований // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции, 25–26 июня 2002: В 2 ч. – Ч.2. История, социология, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. – С.242–247.

Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис. …. канд. филол. наук. – М., 2002. – 219 с.

Иванцова Е.В. Семантическая трансформация имени собственного в лексике и фразеологии современного русского языка // Семантика языковых единиц / Доклады V международной конференции. – Т.I. – М.: Физкультура, образование, наука, 1996. – С.141–143.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – 255 с.

Кабакова С.В. Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1999. – 28 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.

Кирилина А.В. Категория gender в языкознании // Женщина в российском обществе. – 1997. – № 2 – С.15–20.

Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С.51–58.

Кирилина А.В. Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы. Материалы международной научной конференции. – Иваново, 1999. – С.70–73.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

Кирилина А.В. Мужские и женские имена в межкультурном сравнении // МГЛУ, «Лингвауни-98». Третья международная конференция ЮНЕСКО. – М., 2000. – С.327–339.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис. … д-ра филол. наук. – М., 2000. – 369 с.

Кирилина А.В. Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады Первой междунароной конференции. – М.: МГЛУ, 2001. – С.32–47.

Кирилина А.В. Семантика личных имен: гендерный аспект // «Колледж», Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания / Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А.Красавского. – Волгоград, 2002. – С.135–141.

Кирилина А.В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции, 25–26 июня 2002: В 2 ч. – Ч.2. История, социология, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. – С.238–242.

Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (Когнитивные аспекты): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. – 22 с.

Крюков М.В. Личное имя и термины родства // Ономастика Востока. – М., 1980. – С.27–31.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 158 с.

Кубрякова Е.С. Предисловие // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – С.3–10.

Кулланда С.В. Системы терминов родства и праязыковые реконструкции // Алгебра родства. – Вып.2. – СПб., 1998. – С.47–75.

Кунин А.В. Внутренняя форма фразеологических единиц // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984. – С.183–188.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. 2-е изд., перераб. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

Лапотько А.Г. Концепт «береза» в сознании носителей современного русского языка // Язык и национальное сознание. – Вып. 2. – Воронеж, 1999. – С.62–64.

Левин Ю.И. Алгебра родства // Наука и жизнь. – № 8. – С.92–96.

Локк Дж. Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т.I. – 734 с.

Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина» // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.180–184.

Манушина Г.П. Фразеологические единицы с компонентом – «Имя собственное» в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1973. – 27 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.

Медведева Т.Г., Шевченко Т.И. Сопоставительный анализ просодических форм выражения эмоций у мужчин и женщин // Просодия текста. – М., 1980. – С.203–215 (Тр. / МГПИИЯ им. М.Тореза; вып. 169).

Мишар-Маршаль К., Рибери К. Сексизм и гуманитарные науки: лингвистическая практика отношений полов как классов // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Под ред. О.А.Ворониной, Н.С.Григорьевой, Л.Г.Луняковой. – М.: МЦГИ, 2000. – С.287–291.

Мокиенко В.М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С.57–67.

Мякшева О.В. Концепт «окно» в художественном и публицистическом тексте // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – С.53–54.

Нестерова С.А. Формирование образа «новой женщины» в Англии в начале XX века // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы. Материалы международной научной конференции. Иваново, 15–16 сентября, 2000. – Часть 3. История, язык, культура. – Иваново: Иван. гос. ун-т., 2000. – С.31–36.

Нечаева Н.А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради. – Вып. 2. – СПб., 1999. – С.5–7.

Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.

Ольшанский И.Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики // Проблемы социолингвистики и многоязычия / Под ред. А.-К.С.Баламамедова и В.А.Татаринова. – М.: Московский лицей, 1997. – Вып. 1. – С.22–35.

Основы гендерных исследований. Хрестоматия к курсу. 2-е изд. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 368 с.

Ощепкова Е.В. Слова-реалии австрализмы как образные наименования // Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / Под рук. Е.В.Ощепковой, А.С.Петриковской. – М.: Русский язык, 1998. – С.21–24.

Позднякова Е.М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспектах (на материале английского языка): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1999. – 35 с.

Попов В.А. Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического // Алгебра родства. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С.135–142.

Попов Р.Н. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. – Вологда: Сев-Зап. кн. изд., 1967. – 168 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1997. – Т.56. – №3. – С.52–62.

Потапов В.В. К опыту пересмотра гендерного признака в лингвистике (на материале английского языка) // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады первой международной конференции. 25–26 ноября 1999. – М.: МГЛУ, 2001. – С.289–301.

Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. – Харьков: Изд-во М.В.Потебни, 1905. – 649 с.

Ракитина О.Н. Концепт «леса» в русских пословицах и поговорках // Культура общения и ее формирование. – Вып. 6. – Воронеж, 1999. – С.141–142.

Ракитина О.Н. Этнокультурный компонент в семантике названий элементов рельефа // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. – Волгоград, 2000. – С.237–241.

Ракитина О.Н. Образ леса в русской народной картине мира // Культура общения и ее формирование. – Вып. 8. – Воронеж, 2001. – С.85–88.

Рыбакин А.И. Из истории английских личных имен // Словарь английских личных имен. 3-е изд., испр. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2000. – С.10–17.

Рябов О.В. «Матушка-Русь» в немецкой историософии: К вопросу о гендерном аспекте межкультурной коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация / Доклады первой международной конференции. Москва, 25–26 ноября 1999. – М.: МГЛУ, 2001. – С.47–60.

Сапожникова Л.М. Семантика референциально-однозначных имен собственных и их адъективных дериватов // Когнитивные аспекты семантики в немецкой лексикологии и фразеологии. – Калинин: Изд-во Калининградского ун-та, 1987. – С.103–113.

Сарыбаева М.Ш. Система обозначений родства в английском, русском и казахском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1991. – 31 с.

Сидорова Л.И. Компоненты «пол» и «возраст» в структуре значений английских лексем // Филология. – Краснодар, 1993. – № 2. – С.4–9.

Силинский С.В. Речевая вариативность слова: На материале английских имен лица. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 128 с.

Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. – 1997. – № 8. – С.154–161.

Суперанская А.В. Языковой знак и имя собственное // Проблемы языкознания / Доклады и сообщения советских ученых на X международном конгрессе лингвистов. – Бухарест, 1967. – С.152–156.

Суперанская А.В. Переход собственных имен в нарицательные и нарицательных в собственные // Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – С.113–122.

Суперанская А.В. Апеллятив – онома // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С.5–33.

Телия В.Н. Вторичная номинация // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С.129–222.

Телия В.Н. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. – М., 1988. – С.18–35.

Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом изображении // Фразеография в машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С.32–47.

Телия В.Н. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С.93–98.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А.Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.

Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. – М., 1996. – 253 с.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1989. – С.108–140.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С.139–162.

Ушакин С.А. Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме // Человек. – М., 1997. – № 2. – С.62–71.

Феоктистова А.Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ин-т языкознания РАН. – М., 1996. – 17 с.

Феоктистова А.Б. Культурно значимая роль внутренней формы идиом с позиций когитологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.174–179.

Халилова М. Структурная характеристика наименований лица по профессии в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1975. – 27 с.

Хеллингер М. Контрастивная феминистская лингвистика // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. – Тверь, 1999. – С.91–98.

Хрущева Т.В. Выражение родоразличения в современной американской публицистике. // Гендер: язык, культура, коммуникация. Материалы первой международной конференции. – 25–26 ноября 1999. – М.: МГЛУ, 1999. – С.110.

Черданцева Т.З. Внутренняя форма идиом и национально-культурная специфика их мотивированности (сопоставительный аспект описания) // Лексикографическая обработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. – М., 1988. – С.80–87.

Шабес В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Л., 1990. – 32 с.

Шаховский В.И., Панченко Н.Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.285–288.

Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. – М.: Высшая школа, 1990. – 140 с.

Шмелев А.Д. О референции агентивных существительных // Филологические науки. – 1983. – № 4. – С.39–46.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Шмелева Е.Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ): Автореф. дис. … канд. филол. наук / АН СССР. Ин-т русского языка. – М., 1984. – 19 с.

Шнырова О.В. Конгресс в Тромсо // «Женские миры – 99». VII Всемирный женский междисциплинарный конгресс в Тромсо и гендерные исследования в России / Ивановский центр гендерных исследований. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 1999. – С.4–19.

Шокина И.М. Аллюзивный потенциал имени собственного в английском языке // Языковая относительность: Английский лексикон и текст / Сб. науч. тр. МГЛУ. – Вып. 441. – М., 1998. – С.105–116.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

Щетинин Л.М. Переход собственных имен в нарицательные как способ расширения словарного состава языка (на материале английских фамильных имен): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1962. – 17 с.

Юшманов Н.В. Словарь иностранных слов / Гл. ред. Ф.Н.Петров. 2-е изд. С прил. таблиц и грам. / сост. Н.В.Юшмановым. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1942. – 832 с.

Arnot M. Male Hegemony, Social Class, and Women's Education. Journal of Education 164/1, 1982. – P.64–89.

Arutyunov S. Ethnography and Linguistics // Soviet and Western Anthropology. – L.–N.Y.: Columbia University Press, 1980. – P.257–263.

Bauman R. Story, Performance, and Event: Contextual Studies of Oral Narrative. – Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1988. – 251 p.

Bebout L. Asymmetries in Male/ Female Word Pairs: A Decade Ago // American Speech. – Vol. 70. – № 2. – Summer 1995. – P.163–186.

Boden D., Zimmerman D. Talk and Social Structure: Studies in Ethnomethodology and Conversation Analysis / Ed. by Deirde Boden, Don H.Zimmerman. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1991. – 305 p.

Brend R. Studies in Tone and Intonation. By Members of the Summer Inst. of Ling. / Ed.: R.M.Brend. – Karger, 1975. – 251 p.

Buren Van H. American Ways with Names // Culture Learning: Concepts, Applications, and Research. Richard Brislin, ed. Honolulu: University of Hawaii Press. – P.111–130.

Cameron D. Feminism and Linguistic Theory. – L.: Macmillan, 1992. – 247 p.

Cazden C. Classroom Discourse // Wittrock, M. (ed.): Handbook of Research on Teaching (3rd ed). – N.Y., 1986. – P.432–463.

Connell Robert W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. – Stanford, 1987. – 334 p.

Dijk T. A., van Editor's Forward to Critical Discourse Analysis // Discourse & Society, 4/2. – L., 1993. – P.131–132.

Dorr-Bremme D. Contextualization Cues in the Classroom: Discourse Regulation and Social Control Functions // Language in Society. – L., 1990. – Vol. 19. – P.379–402.

Dunbar R.I.M, Duncan N.D.C., Marriott A. Human Conversational Behavior // Human Nature. – N.Y., 1997. – Vol. 8. – №.3. – P.231–246.

Eckert P. & McConnell-Ginet S. Think Practically and Look Locally: Language and Gender as Community-based Practice. Annual Review of Anthropology. – L., 1992. – Vol 21. – P.461–490.

Fairclough N. Language and Power. – L.: Longman, 1989. – 259 p.

Fairclough N. Critical Discourse Analysis and the Marketization of Public Discourse // The Universities. Discourse & Society, 4/2. – L., 1993. – P.133–168.

Fitzpatrick M.A., Mulac A., Dindia K. Gender-preferential Language Use in Spouse and Stranger Interaction // Journal of Language and Social Psychology. – L., 1995. – Vol.14. – № 1/2. – P.18–39.

Fowler R. Language in the News / Discourse and Ideology in the Press. – L., 1991. – P.93–109.

Fowler R. On Critical Linguistics // Caldas-Coulthard. C.R., Coulthard M. (eds.): Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. – L., 1996. – P.3–14.

Holland D.C., Eisenhart M.A. Educated in Romance: Women, Achievement, and College Culture. – Chicago, 1990.

Koshevaya I.G. The Theory of English Grammar: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец № 2103 «Иностр. яз.». – М.: Просвещение, 1982. – 336 p.

Kramarae Ch., Treichler P.A. Power Relationships in the Classroom // Gabriel S., Smithson I. (eds.): Gender in the classroom: Power and Pedagogy. – Urbana, 1990. – P.41–59.

Kress G., Hodge R. Language as Ideology. – L. *etc*: Routledge & Kegan Paul, 1979. – 163 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. – Berkeley, 1993. – 37 p.

Martynyuk A.P. A Contrastive Study of Male and Female Occupational Terms and English and Russian // Papers and Studies in Contrastive Linguistics. – Poznan, 1990. – № 26. – P.103–110.

Mill J.S. A System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation. By John Stuart Mill. – L.: Parker, 1856. – Vol.I. – 528 p.

Parsons T., Bales R. Family. Socialization and Interaction Process. By Talcott Parsons and Robert F. Bales. In collab. with James Olds, a.o. – L.: Routleadge & Kegan Paul, 1956. – 422 p.

Philips S.U. A Review // Language in Society. – 1990. – Vol. 19. – №4. – P.547–550.

Remlinger K.A. Widening the Lens of Language and Gender Research: Integrating Critical Discourse Analysis and Cultural Practice Theory. – Grand Valley State University. – Lingustic Online 2, 1999. – 16 c.

Shultz J. et al. Where's the Floor? Aspects of the Cultural Organization of Social Relationships in Communication at Home and in School // Gillman, P., Glathorn, A. (eds.): Ethnographyand Education: Children in and out of School. – Washington D.C., 1982. – P.88–123.

Smith E.C. Treasury of Name Lore / By Elsdon C. Smith. – N.Y.–L.: Harper & Row, 1967. – 246 p.

Sorensen H.S. Word-classes in Modern English with Special Reference to Proper Names. With an Introductory Theory of Grammar, Meaning and Reference. – Copenhagen, 1958. – 188 p.

Spender D. Man Made Language. – L. etc: Routledge & Kegan Paul, 1980. – 250 p.

Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. – Chicago: The University of Chicago Press, 1983. – 272 p.

Swann J. Talk Control: An Illustration from the Classroom of Problems in Analyzing Male Dominance of Conversation // Coates J., Cameron D. (eds.): Women in their Speech Communities. – L., 1988. – P.122–140.

Swann J. Girls, Boys, and Language. – Oxford: Basil Blackwell, 1992.

Wallin-Ashcroft A.-L. Male and Female Terms in 18th Century English Novels // Male and Female Terms in English. – Umea, 1996. – P.175–195.

Лексикографические источники

1. Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20 000 фразеологических единиц / А.В.Кунин. 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
2. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Сост. Л.А.Войнова, В.П.Жуков, А.И.Молотков, А.И.Федоров / Под ред. А.И.Молоткова. 3-е стереотип. изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
3. American Idioms Dictionary. – special edition. – USA, Illinois: National Textbook Company, 1991. – 463 p. (AID)
4. Brewer’s Dictionary of 20th – Century Phrase and Fable. – New Edition. – London: Market House Books Limited, 1993. – 662 p. (BDCPF)
5. Cambridge International Dictionary of Idioms. – UK, Cambridge, 1999. – 587 p. (CIDI)
6. A Concise Collection of American English Idioms for Everyday Use. – Washington, D.C., 1996. – 94 p. (CCAEI)
7. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Ninth Edition. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 1672 p. (COD)
8. Longman Dictionary of Contemporary English. – Special Edition: In 2 vol. – UK: Longman, 1992. – Vol. I. A–L. – 626 p. – Vol.II. – M–Z. – 1229 p. (LDCE)

9. Longman Idioms Dictionary. – England: Addison Wesley Longman Limited, 2000. – 398 p. (LID)
10. A Name for Your Baby. – London: WHSMITH, 1984. – 92 p.
11. The New Oxford Dictionary of English. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 2152 p. (NODE)
12. The Penguin Dictionary of English Idioms. – 2nd Edition. – England: Daphne M. Gulland, 2001. – 378 p. (PDEI)

Зыкова И.В. Способы конструирования гендера
в английской фразеологии

Редактор Д.Г.Бордукова

Компьютерная верстка Г.П.Лопатиной

Московский государственный лингвистический университет

Подписано в печать
Объем 39,0 п.л. Формат 60x90/16. Тираж 500.
Адрес редакции: Москва, Остоженка, 38
Тел.: 245 33 23